

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

- Прибыток И. И.** Базисные единицы конструктивного синтаксиса 3
Калинин А. Ф. Типология номинативных фразеологизированных предложений в русском языке 8
Бышкина В. Н. Референция французского темпорального наречия *maintenant* – ситуационный аспект 13
Абросимова Л. С. Блендинг в аспекте когнитивно-коммуникативной парадигмы 18
Маклакова Е. А. Проблемы контрастивного анализа семантики наименований лиц в свете аспектного подхода к ее описанию (на материале русского и английского языков) 23
Иванча А. В. Антропоориентированность прилагательных со значением интенсивности в русском языке 30
Медведчикова К. С. Библеизмы в современном поэтическом тексте 33
Пчелинцева М. А. Некомическая рефлексия русских писателей-эмигрантов над языком революции 36
Никитина М. Ю. Концепт *милосердие* в русском языковом сознании и в идиостиле писателя 39
Родионова Т. В. Особенности лексико-семантического поля «болезнь» в устной научной речи медиков 42
Чижова М. Е. Специфика репрезентации концепта *здоровье* в речевой этикетке (на материале русского и английского языков) 46
Байкулова А. Н. Выбор разновидности типа общения как составляющая коммуникативной компетенции 50
Сорокина Т. А. Некоторые аспекты исследования актуального членения и порядка слов в интернет-коммуникации 59
Шаповалова Т. А. Социальный и коммуникативный аспекты понятия «толерантность» 64
Харламова Т. В. Концепция «ментальных программ» как модель категоризации политического дискурса России 68

Литературоведение

- Трухачёв Е. В.** Концовка «Ревизора» в аспекте литературных взглядов Булгакова 74
Тютелова Л. Г. Провинциальное пространство в драматургии Чехова и Горького («Три сестры» и «Варвары») 77
Холиков А. А. Авторское предисловие к прижизненному полному собранию сочинений Д. С. Мережковского: «рефлексивный» аспект 82
Резелова А. Р. Роль духовного зрения в творчестве писателя (по материалам литературно-критических статей В. П. Полонского) 86
Сагалаева М. В. Литературная жизнь 1920–1922 годов на страницах газеты «Известия ВЦИК» 89
Зюбина Е. А. Образ художника в новелле А. Шницлера «Князь в театре» 94
Козонкова О. В. Революционная Россия глазами западноевропейского интеллектуала: «Письма из Москвы» (1918) Альфонса Паке 98
Биткинова В. В. Пушкинско-державинский миф в поэтическом мире А. Городницкого (мотив передачи лиры) 106
Александрова М. А. Розы поэта: стихотворение Булата Окуджавы «Мне не хочется писать...» в контексте классической традиции 111

Критика и библиография

Представляем книгу

Сведения об авторах

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор**
Коссович Леонид Юрьевич
- Заместитель главного редактора**
Усанов Дмитрий Александрович
- Ответственный секретарь**
Клоков Василий Тихонович
- Члены редакционной коллегии**
Аврус Анатолий Ильич
Аксеновская Людмила Николаевна
Аникин Валерий Михайлович
Балаш Ольга Сергеевна
Бучко Ирина Юрьевна
Вениг Сергей Борисович
Волкова Елена Николаевна
Голуб Юрий Григорьевич
Дыльников Геннадий Васильевич
Захаров Андрей Михайлович
Комкова Галина Николаевна
Лебедева Ирина Владимировна
Левин Юрий Иванович
Макаров Владимир Зиновьевич
Монахов Сергей Юрьевич
Орлов Михаил Олегович
Прозоров Валерий Владимирович
Федотова Ольга Васильевна
Федорова Антонина Гавриловна
Черевичко Татьяна Викторовна
Шатилова Алла Валерьевна
Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ

- Главный редактор**
Прозоров Валерий Владимирович
- Заместитель главного редактора**
Иванюшина Ирина Юрьевна
- Ответственный секретарь**
Клоков Василий Тихонович
- Члены редакционной коллегии**
Борисов Юрий Николаевич
Кабанова Ирина Валерьевна
Раева Александра Васильевна
Сиротинина Ольга Борисовна
- Зарегистрировано**
в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации обще-теоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагаются сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подписанные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате PCX, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова (на русском и английском языках); текст статьи; таблицы; рисунки; подписи к рисункам; библиографический список.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Корректор

Певная Татьяна Константиновна

Адрес редакции

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: Philology@sgu.ru

Подписано в печать 20.03.12.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,18 (15,25).

Тираж 500 экз. Заказ 9.

Отпечатано в типографии

Издательства Саратовского университета

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

Pribytok I. I. Basic Units of Formal Syntax	3
Kalinin A. F. Typology of Nominative Phraseologically Bound Sentences in the Russian Language	8
Byshkina V. N. The Reference of a French Temporal Adverb <i>maintenant</i> in Situational Aspect	13
Abrosimova L. S. Blending from the Aspect of Cognitive-Communicative Paradigm	18
Maklakova E. A. Problems of Contrastive Analysis of Persons' Nomination Semantics in the Light of Aspect Approach to its Description (on the Material of the Russian and English Languages)	23
Ivancha A. V. Anthropocentric Character of Intensifying Adjectives in Russian Language	30
Medvedchikova K. S. Biblical Expression in Modern Poetic Text	33
Pchelintseva M. A. Non-Comic Reflection of Russian Emigrant Writers at the Language of Revolution	36
Nikitina M. Yu. Concept <i>MERCY</i> in the Russian Linguistic Consciousness and in the Writer's Idiolect	39
Rodionova T. V. Peculiarities of the Lexico-Semantic Field «Disease» in the Oral Form of Scientific Medical Discourse	43
Chizhova M. E. Language Representation of Concept <i>Health</i> in Etiquette (on the Basis of the Russian and English Languages)	46
Baikulova A. N. Choosing Communication Type Variant as a Component of Communicative Competence	50
Sorokina T. A. Some Aspects of Actual Division Research and Word Order in Internet Communications	59
Shapovalova T. A. Social and Communicative Aspects of Tolerance	64
Kharlamova T. V. The Concept of «Mental Representations» as a Model for Categorization of Political Discourse in Russia	68

Literary Criticism

Trukhachov E. V. The Final of Gogol's «Revizor» in Aspect of Literary Principles of Mikhail Bulgakov	74
Tyutelova L. G. Provincial Space in Chekhov and Gorky's Drama («Three Sisters») and «The Barbarians»	77
Kholikov A. A. The Author's Preface to the Lifetime Complete Works of D. S. Merezhkovsky	82
Rezepova A. R. The Role of Writer's Spiritual Vision in his Works: a Case Study of Literary Criticism Articles by V. P. Polonsky	86
Sagalayeva M. V. Literary Life of 1920–1922 on the Pages of the Newspaper <i>Izvestiya VZIK</i> (All-Russian Central Executive Committee News)	89
Zyubina E. A. The Image of the Artist in «The Prince in the Theatre» by A. Schnitzler	94
Kozonkova O. V. Revolutionary Russia from the Western Intellectual's Point of View: «Letters from Moscow» (1918) by Alfons Paquet	98
Bitkinova V. V. Pushkin and Derzhavin Myth in A. Gorodnizky's Poetic World (Motif of Lyre Transferring)	106
Alexandrova M. A. The Poet's Roses: the Poem of Bulat Okudzhava «I don't Want to Write...» in the Context of Classical Tradition	111

Critics and Bibliography

Presentation of the Book	116
---------------------------------	-----

Information about the Authors	120
--------------------------------------	-----

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.0111'367

БАЗИСНЫЕ ЕДИНИЦЫ КОНСТРУКТИВНОГО СИНТАКСИСА

И. И. Прибыток

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: ipribytok@mail.ru

В статье предлагается новая типология английских элементарных синтаксических единиц, используемых для объективации коммуникативных актов; прослеживается степень ее применимости к синтаксической системе русского языка.

Ключевые слова: базисная (элементарная) синтаксическая единица, предложение, сентенсоид, репрезентант предложения, коммуникатив.

Basic Units of Formal Syntax

I. I. Pribytok

The paper offers a new typology of English basic syntactic units that take part in realizing communicative acts and traces its applicability to a study of Russian basic syntactic units.

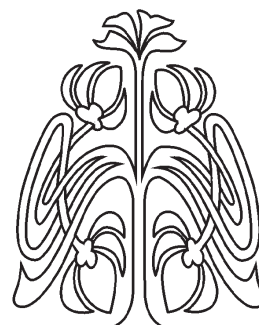
Key words: basic (elementary) syntactic unit, sentence, sentencoid, sentence representative, communicative.

Данная статья посвящена изучению элементарных синтаксических единиц конструктивного синтаксиса, которые принимают непосредственное участие в реализации коммуникативной функции.

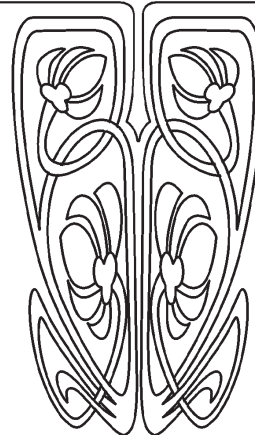
В течение длительного времени предложение рассматривалось в качестве единственной единицы конструктивного синтаксиса, непосредственно реализующей коммуникативные акты. Поскольку анализировались в основном письменные тексты, границы предложения обычно определялись графически. Как предложение квалифицировался любой отрезок текста, находящийся между заглавной буквой и конечным знаком пунктуации. Разумеется, грамматисты не могли не видеть структурной разнородности единиц, встречающихся между заглавной буквой и конечным знаком пунктуации, особенно в диалогической речи. Ср.:

- *We need people.*
- *To fight your wars.*
- *Bill!*
- *It's all right, Susan. We'll talk on his terms now. We can't escape.*
- *Excellent. Really, you've both been incredibly romantic, running away from your responsibilities.*
- *Running away from horror.*
- *Nonsense. Only a war* (R. Bradbury).
- ***
- *There is one person I must tell, though.*
- *Who?*
- *David Middleton.*
- *Why?*
- *I think he's entitled to know how his brother died* (K. Follett).

Вследствие этого наряду с родовым термином «предложение» фигурировали такие видовые термины, как «неполное предложение», «слово-предложение» и др. Возникает вопрос, почему грамматисты оперировали одним термином «предложение» для обозначения структурно столь разнородных единиц. По-видимому, они руководствовались

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

тем, что все эти синтаксические единицы успешно справляются с коммуникативной функцией в процессе общения.

Мы солидарны с Д. Кристаллом, который полагает: «... what constitutes a sentence and what does not is to a great extent a matter of definition»¹. Если единственным определяющим предложением признаком считать факт его коммуникативного функционирования², то любую синтаксическую единицу, актуализирующую коммуникативный акт, можно квалифицировать как предложение.

На наш взгляд, коммуникативная функция не является дистинктивным признаком предложения, поскольку она свойственна также единице больше чем предложение – сверхфразовому единству, и языку в целом. Но, что самое главное, не существует бесформенных коммуникативных сущностей.

В качестве формальной характеристики элементарных синтаксических единиц, служащих целям реализации коммуникативной функции, рассматриваем предикативность, которая актуализируется в морфологических категориях модальности и темпоральности, а также в морфологической, лексической или ономазиологической категории персональности. В соответствии со способом объективации предикативности предлагаем разграничивать в английском языке три элементарные синтаксические единицы:

- предложение,
- сентенсоид,
- репрезентант предложения.

Предложение и сентенсоид в предикативном плане образуют привативную оппозицию: предложение характеризуется наличием автономной эксплицитной предикативности, сентенсоид – ее отсутствием. Сигналом автономности эксплицитной предикативности является отсутствие в зачине синтаксической единицы подчинительных скреп, то есть подчинительных союзов или подчинительных союзных слов. Морфологические маркеры модальности и темпоральности в английском предложении сосредоточены в глагольном компоненте предикативности. Ср.:

William laughed (J. Archer) – реальная модальность, прошедшее время;

If you could put in a word. – I'll do more than that (K. Follett) – нереальная модальность.

Морфологический маркер персональности в аналитическом английском языке содержится в глагольном компоненте только в сфере третьего лица единственного числа настоящего времени:

He lives in New York (S. Sheldon).

Во всех остальных случаях маркер персональности в аналитическом английском языке заключен в именном компоненте предикативности. Если именной компонент предикативности выражен личным местоимением, перед нами лексический маркер персональности. Если именной компонент предикативности выражен существительным или каким-либо местоимением, не имеющим катего-

рии лица, говорят об ономазиологическом маркере персональности, так как существительные и субстантивные местоимения (все, за исключением личных) в ономазиологическом плане всегда соотносятся с третьим лицом³. Ср.:

He lowered his voice (K. Follett) – лексический маркер третьего лица;

The nursery was silent (R. Bradbury) – ономазиологический маркер третьего лица.

Следует отметить интересную особенность, которая наблюдается в английской разговорной речи. В результате фонетической редукции служебная часть глагольного компонента предикативности часто присоединяется к именному компоненту с помощью знака апострофа. Ср.:

You're just being childish. – I'm being sensible (I. Asimov).

Возникает вопрос: можно ли говорить, что в таких случаях именной компонент предикативности оказывается носителем всех предикативных категорий, подобно глагольному компоненту в русском языке? На наш взгляд, нет. Дело в том, что редуцированный служебный глагол, даже превращаясь в квазиклитнику⁴, сохраняет морфологические свойства глагола и не может выступать в качестве словоизменительного форманта имени. Как в полной, так и в редуцированной форме служебный глагол используется для образования новой формы глагола, а не имени. Иными словами, в английских предложениях с редуцированной формой служебного глагола в реализации предикативности также участвуют оба компонента предикативности.

Сентенсоиды, в отличие от предложений, лишены автономной эксплицитной предикативности. Последнее, однако, не означает, что сентенсоиды вообще не имеют предикативности. Представляется возможным выделить по крайней мере три предикативных типа сентенсоидов в английском языке:

- с зависимой эксплицитной предикативностью,
- с частично эксплицитной предикативностью,
- с имплицитной предикативностью.

Сентенсоиды с зависимой эксплицитной предикативностью отличаются от предложений только в одном аспекте: они содержат сигнал зависимой включенности в более крупное языковое построение, а именно подчинительный союз или подчинительное союзное слово. Особенно часто сентенсоиды с зависимой эксплицитной предикативностью в английском языке вводятся союзом *because*:

Why can't I choose the lawyer he names? – Because I wouldn't trust him (R. Stout).

Сентенсоиды с частично эксплицитной предикативностью содержат недвусмысленный маркер предикативной категории персональности (лексический или ономазиологический). Что касается предикативных категорий модальности и

темпоральности, то они в сентенсоидах с частично эксплицитной предикативностью выявляются только из конситуации.

В классе сентенсоидов с частично эксплицитной предикативностью можно выделить два подкласса – двухкомпонентные и однокомпонентные сентенсоиды. Двухкомпонентные сентенсоиды с частично эксплицитной предикативностью в английском языке обычно используются адресантом для того, чтобы выяснить, насколько правильно его предположение:

You the manager? – *Yes, I am* (J. Archer);

You ever see her before? – *No* (I. Shaw).

Употребление двухкомпонентных сентенсоидов с частично эксплицитной предикативностью для сообщения информации и запроса неизвестной адресанту информации возможно, но нехарактерно для английского языка. Ср.:

Beautiful girl lying lifeless in the snow (A. Christie);

What you doing, Nick? – *I'm a bond man* (F. S. Fitzgerald).

Однокомпонентные сентенсоиды с частично эксплицитной предикативностью – это преимущественно назывные единицы и ответы на вопросы к подлежащему. Ср.:

A bright, sunny day after a heavy frost (St. Rudd);

Who lived here before that? – *An awful old man* (H. E. Bates).

Сентенсоиды с имплицитной предикативностью не содержат ни одного маркера предикативных категорий. Значения модальности, темпоральности и персональности в них эксплицируются из конситуации. Ср:

When did you visit this house last? – *Last March* (D. Francis) – реальная модальность, прошедшее время, первое лицо;

Where is he? – *In his room with Saul and Fred* (R. Stout) – реальная модальность, настоящее время, третье лицо.

Поскольку сентенсоиды лишены автономной эксплицитной предикативности, можно было ожидать, что степень их зависимости от конситуации будет выше, чем у предложений. Оказалось, что сентенсоиды гетерогенны не только в плане присущей им предикативности, но и в плане коммуникативной самодостаточности. Как показал анализ фактического материала, большей коммуникативной свободе английского сентенсоида способствуют следующие факторы:

– отнесенность заключенного в нем содержания к плану настоящего;

– наличие в составе сентенсоида обоих компонентов предикативности – именного и глагольного;

– назывной характер сентенсоида;

– наличие в сентенсоиде недвусмысленных лексических или структурных маркеров их прагматической функции. Например, слово *please* свидетельствует о волитивной (реквестивной), инициальное местоимение *any (thing/body/one)* – о

волитивной (вопросительной), а восклицательные слова *what* и *how* – об экспрессивной функции включающих их сентенсоидов, что делает подобные сентенсоиды коммуникативно самодостаточными даже в изоляции от конситуации. Ср.:

Just a coke, please (J. Archer);

Any questions? – *Not now* (R. Stout);

What a nice idea (J. Archer).

Репрезентант предложения, как и предложение, содержит автономную эксплицитную предикативность:

You mean that? – *I do* (R. Stout) – реальная модальность, настоящее время, первое лицо.

При выделении репрезентантов в особую группу элементарных синтаксических единиц мы руководствовались следующим. В предложении глагольный компонент предикативности, включающий в себя знаменательный глагол, характеризует именную компонент предикативности как в структурном, так и в смысловом отношении, что делает предложение по крайней мере относительно коммуникативно самодостаточным даже вне конситуации. В репрезентанте предложения глагольный компонент предикативности представлен не знаменательным, а служебным глаголом⁵, который характеризует именную компонент предикативности только в структурном отношении, а именно в плане предикативных категорий модальности, темпоральности (иногда и персональности). Ввиду того что именной компонент в репрезентанте в большинстве случаев объективируется с помощью дейктического элемента (обычно личного местоимения), репрезентант обретает смысловую определенность только в конситуации. Иными словами, в коммуникативном плане репрезентанты даже менее самостоятельны, чем сентенсоиды, поскольку сентенсоиды, состоящие исключительно из дейктических элементов, представлены единичными примерами:

Who's there? – *Me* (M. Swan).

По мнению английских грамматистов, сентенсоиды и репрезентанты представляют собой предложения, правда, неполные⁶.

Если придерживаться чисто коммуникативного определения предложения, то сентенсоиды и репрезентанты можно рассматривать как предложения. Однако бесформенных коммуникативных сущностей не существует. Что касается формы, то сентенсоиды и репрезентанты явно отличаются от предложений. Но вот можно ли квалифицировать их как неполные предложения? На наш взгляд, нет. Возникает вопрос: почему? Ведь они допускают восполнение до логически совершенной структуры предложения. Ср.:

That too early for you? → *Is that too early for you?* (D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan);

You said by Monday last time. – *Did I?* (→ *Did I say by Monday last time?*) *Well I lied* (D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan).

Во-первых, процесс восстановления якобы опущенных элементов может быть субъективным.

Во-вторых, сентенсоиды и репрезентанты воспринимаются как структурно неполные синтаксические единицы только в письменной речи. Однако основная сфера использования сентенсоидов и репрезентантов – не письменная, а устная диалогическая речь. В устной диалогической речи, протекающей в условиях непосредственного общения, общность ситуации и фоновых знаний делает сентенсоиды и репрезентанты такими же полноценными синтаксическими единицами, как и конвенциональные предложения.

Иными словами, сентенсоиды и репрезентанты представляют собой, по крайней мере в аналитическом английском языке, специфические элементарные синтаксические единицы, которые в процессе анализа можно сравнивать с предложениями, но не следует рассматривать как в некотором роде «дефектные» предложения.

Базисные элементарные синтаксические единицы могут быть не только предикативными (предложения, сентенсоиды, репрезентанты предложений), но и непредикативными. Непредикативные элементарные синтаксические единицы обычно называют коммуникативами⁷. Коммуникативы представляют собой непосредственную реакцию на некую ситуацию в целом, а не на отдельный ее компонент и характеризуются смысловой, коммуникативной и синтаксической нерасчлененностью⁸. Типичными коммуникативами являются однословные единицы:

She was confused. Nervous. Dumb. – Bosh. Why doesn't she admit it? – Scared (R. Stout).

Двухсловные и многословные построения рассматриваются нами как коммуникативы в двух случаях:

- если сателлиты ядерного компонента выполняют служебную акцентирующую функцию:

Tonio Silva knew her friend April, but Tonio has gone back to South America and I can't find April. – How mysterious (K. Follett);

- если в результате сращения с определенной ситуацией компоненты коммуникатива теряют смысловую, коммуникативную и синтаксическую самостоятельность и воспринимаются как единое, нечленимое целое:

I know Jerry. If you want to bring him in, that's fine. – Thank you (S. Sheldon).

На заключительном этапе исследования мы решили посмотреть, характерны ли выделенные типы предикативных и непредикативных элементарных синтаксических единиц только для английского языка. С этой целью мы обратились к материалу флективного русского языка.

В сфере предложений различия минимальны. Первое различие касается структурных типов предложений. Поскольку предикативная категория персональности в аналитическом английском языке обычно эксплицируется в именном компоненте предикативности, а предикативные

категории модальности и персональности – в глагольном компоненте предикативности, большинство английских предложений относится к числу двусоставных. Бесспорно односоставными в английском языке являются лишь побудительные предложения с глаголом-сказуемым в повелительном наклонении:

Don't talk so much! (H. E. Bates).

Русские односоставные предложения значительно более разнообразны. Они включают неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные, номинативные, инфинитивные и другие типы предложений⁹. В английском языке соответствующие значения передаются двусоставными предложениями с именным компонентом – личным местоимением *you, they* или *it*, – которые в определенных контекстах обретают смысл, свойственные русским односоставным неопределенно-личным, обобщенно-личным и безличным предложениям. Ср.:

You cannot learn a language in six weeks (M. Swan) – Язык невозможно выучить за шесть недель;

They don't like strangers round here (M. Swan) – Здесь не любят иностранцев;

It's really cold today (M. Vince, P. Emmerson) – Сегодня действительно холодно.

Второе различие касается формы выражения предикативных категорий модальности и темпоральности. В разговорной речи аналитического английского языка предикативные категории модальности и темпоральности нередко выражаются в форме квазиклитики 's. Для флективного русского языка это явление нехарактерно вследствие минимального количества аналитических форм в сфере глагола.

В сфере репрезентантов английский язык радикально отличается от русского. Глагольный компонент репрезентанта предложения всегда содержит служебный глагол, который репрезентирует ту или иную аналитическую глагольную форму и относящиеся к ней слова. Русский язык относится к числу флективных языков, в которых число аналитических глагольных форм крайне ограничено. Поэтому для выделения репрезентантов в особый класс элементарных синтаксических единиц в русском языке, по-видимому, нет оснований.

Что касается сентенсоидов, то они зарегистрированы в обоих языках. Однако одни структурные типы сентенсоидов характерны для обоих языков, другие – только для английского. Так, выделенные на материале английского языка сентенсоиды с зависимой эксплицитной и имплицитной предикативностью часто встречаются и в русском языке. Ср.:

Почему ты опоздал? – Потому что я попал в пробку на улице Чапаева;

Куда ты идешь? – В библиотеку.

Двухкомпонентные конструкции с частично эксплицитной предикативностью типа «Ты го-

тов?» и однокомпонентные назывные конструкции типа «Зима» не могут быть квалифицированы как сентенсоиды в русском языке, так как они употребляются исключительно в сфере настоящего времени реальной модальности, где отсутствие глагола для русского языка является нормой.

В принципе, использование английских двухкомпонентных безглагольных конструкций также ограничено сферой настоящего времени реальной модальности. Однако в английском языке, наряду с двухкомпонентными безглагольными конструкциями, употребляемыми преимущественно в разговорной речи, существуют стилистически нейтральные глагольные конструкции. Ср.:

You the manager? (J. Archer) → *Are you the manager?*

Однокомпонентные назывные конструкции, описывающие ситуацию в сфере настоящего, как в русском, так и в английском языке существуют только в безглагольном варианте и являются относительно коммуникативно самодостаточными. Однако в английском языке назывные конструкции употребляются настолько редко (исключение составляют тексты, воспроизводящие поток сознания персонажей), что мы отказали им в предложенческом статусе, ибо предложение для нас – это стилистически немаркированная синтаксическая единица, характеризующаяся наивысшей частотой употребления среди других синтаксических единиц. Поскольку в русском языке назывные безглагольные конструкции значительно более частотны и не «привязаны» к какой-либо одной сфере общения, они могут быть квалифицированы как односоставные предложения. Присутствие эксплицитных маркеров предикативных категорий модальности и темпоральности в русских назывных предложениях, по всей видимости, избыточно, так как они всегда объективируют реальную модальность и настоящее время.

Ввиду того что понятие структуры в традиционном понимании нерелевантно для коммуникативов, представляется возможным выдвинуть гипотезу об их универсальности как синтаксических единиц. Языковое своеобразие коммуникативов, на наш взгляд, может проявляться только в характере лексемного заполнения «окостеневших» синтаксических позиций.

Итак, для реализации коммуникативной функции в английском языке используются как непредикативные, так и предикативные элементарные синтаксические единицы. Элементарные синтаксические единицы являются базисными единицами конструктивного синтаксиса. Они

минимальны по объему. Элементарная непредикативная синтаксическая единица не может включать более одного коммуникатива, а элементарная предикативная синтаксическая единица – более одной первичной предикативности. В зависимости от характера присущей синтаксической единице первичной предикативности разграничиваем три вида элементарных предикативных синтаксических единиц: предложения, сентенсоиды и репрезентанты предложений.

Наибольшую универсальность в плане конструктивного синтаксиса демонстрируют структурно недискретные непредикативные элементарные синтаксические единицы. Предикативные элементарные синтаксические единицы более чувствительны к типологическому типу языка. Так, предикативный и коммуникативный потенциал глагольного компонента предикативности в целом ряде случаев определяет лингвистический статус элементарной синтаксической единицы.

Примечания

- ¹ Crystal D. *Linguistics*. Harmondsworth, 1977. P. 200.
- ² См.: Gardiner A. *The Theory of Speech and Language*. Oxford, 1969. P. 210; Скребнев Ю. Введение в коллоквиалистику. Саратов, 1985. С. 89.
- ³ См.: Кривченко Е. *Очерки по ономазиологии*. Саратов, 1989. С. 52–54.
- ⁴ См.: Мельчук И. *Курс общей морфологии*. М.; Вена, 1997. С. 215–216.
- ⁵ См.: Яшина Е. Репрезентанты английских предложений и клауз : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. С. 3.
- ⁶ См.: Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Harlow, 2000. P. 1104–1108.
- ⁷ См.: *Русская разговорная речь : Фонетика. Морфология. Лексика. Жест*. М., 1983. С. 92–93; Андреева С. *Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи*. Саратов, 2005. С. 40.
- ⁸ См.: Славуцкая О. Релятивы в современном английском языке // *Вестн. Киев. ун-та*. 1986. Вып. 20 : Романогерманская филология. С. 39; Курносова Н. *Функционально-семантическое поле коммуникативов в русском языке // Материалы научно-методической конференции «Вопросы совершенствования обучения (иностранному) языку как средству межнационального общения»*. Харьков, 1991. С. 44; Long R. B. *The Sentence and its Parts*. Chicago, 1962. P. 45.
- ⁹ См.: *Русская грамматика : в 2 т.* М., 1980. Т. 2 : Синтаксис.

УДК 811.161.1'367.624

ТИПОЛОГИЯ НОМИНАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А. Ф. Калинин

Урюпинский филиал
Волгоградского государственного университета
E-mail: ufvolsu@mail.ru

В результате разноаспектного анализа русских номинативных фразеологизированных предложений описана их лингвистическая сущность; выявлены структурно-грамматические типы и охарактеризованы семантические структуры, что дало возможность приблизиться к построению общей типологии данных единиц.

Ключевые слова: русский язык, номинативное фразеологизированное предложение, структурно-грамматический тип, семантическая структура предложения.

Typology of Nominative Phraseologically Bound Sentences in the Russian Language

A. F. Kalinin

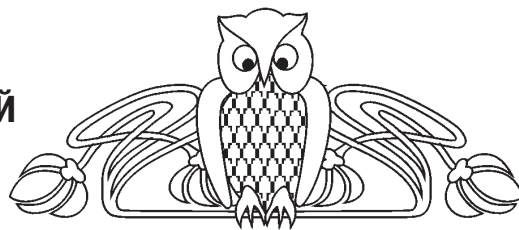
Upon analyzing Russian nominative phraseologically bound sentences from various aspects, their linguistic essence has been described; their structural and grammatical types have been defined; their semantic structures have been characterized. All the above have given an opportunity to approach the task of creating a general typology of these units.

Key words: Russian language, nominative phraseologically bound sentence, structural and grammatical type, sentence semantic structure.

Проблема классификации и типологии номинативных фразеологизированных предложений в русском языке, их лингвистической сущности является актуальной в отечественной лингвистике. Эта проблема может быть успешно решена путем исследования данных предложений в двух основных аспектах – структурно-грамматическом и логико-семантическом.

В системе простого предложения в русском языке, как и в других индоевропейских языках, наличествуют оппозиции, центральными из которых являются противопоставления свободные предложения / фразеологизированные предложения и двусоставные предложения / односоставные предложения.

Вслед за авторами «Русской грамматики» считаем, что свободные предложения, или предложения, строящиеся по свободным структурным схемам, – это предложения с живыми грамматическими связями между компонентами. Фразеологизированные предложения, или предложения фразеологизированной структуры, – это предложения с индивидуальными отношениями между компонентами и с индивидуальной семантикой, в

которых словоформы соединяются друг с другом идиоматически, при этом служебные и местоименные слова, частицы и междометия в таких предложениях функционируют не по действующим синтаксическим правилам¹.

В современной русистике существуют две противоположные точки зрения на проблему односоставности/двусоставности предложения. Традиционная точка зрения, ведущая свое начало от акад. А. А. Шахматова, исходит из наличия в русском языке как двусоставных, так и односоставных предложений². Другая точка зрения, проводимая проф. Г. А. Золотовой и ее сторонниками, признает наличие в языке только двусоставных предложений³. Следовательно, проблема типологии простого предложения в русском языке является весьма актуальной.

Статус синтаксической фразеологии в языке недостаточно определен как по отношению к фразеологии, так и по отношению к синтаксису⁴; мало исследованными являются лингвистическая сущность номинативных фразеологизированных предложений, их типология и положение в системе простого предложения в русском языке. В работе они рассмотрены в двух основных аспектах – структурно-грамматическом и логико-семантическом. При исследовании номинативных фразеологизированных предложений в структурно-грамматическом аспекте принимаются во внимание как его формальная организация, так и грамматические значения предложения и отношения между образующими его словоформами.

Номинативные предложения в структурно-грамматическом аспекте – это субстантивные односоставные предложения бытийного значения с одним главным членом, выраженным именем существительным или его синтаксическим эквивалентом в именительном падеже, независимая позиция которого опирается на его морфологическую природу: *Шёпот. Робкое дыханье. Трели соловья. Серебро и колыханье сонного ручья* (А. А. Фет).

В существующей классификации номинативных предложений, в толковании синтаксической функции их главного члена, его синтаксического значения много спорного и противоречивого.

Традиционная теория номинативного предложения, связанная с именами А. А. Шахматова и А. М. Пешковского, считает структурной основой предложений данного типа существительное в именительном падеже. Предложение может быть

распространено второстепенными членами, имеющими атрибутивное или объективно-атрибутивное значение, которые вместе с главным членом образуют словосочетание: *Степная ночь. Свеча в окне. Луч маяка* (В. Катаев).

Распространенные предложения со второстепенными членами с обстоятельственно-объектными значениями, формально не зависимые от главного члена и не образующие с ним словосочетаний, к номинативным предложениям не относились и определялись как неполные двусоставные предложения: *В степи метель; Сегодня отъезд; У неё радость*. Второстепенные члены состава сказуемого считались как показатели пропуска сказуемого и, таким образом, грамматической неполноты предложения⁵.

В современной русистике существует также концепция, в соответствии с которой номинативные предложения считаются двусоставными неполными предложениями независимо от того, являются ли они нераспространенными или распространенными, имеющими в своем составе присловные или присносонные второстепенные члены⁶.

Помимо этого существуют совершенно противоположные точки зрения по поводу ряда синтаксических конструкций, в которых употребляется имя существительное в форме именительного падежа: *«Война и мир»; Пожар! Пожар! – раздался внизу отчаянный крик. – Горим!* (А. П. Чехов); *А вот и Варенька!* (М. Горький).

Такие конструкции или считаются номинативными предложениями, или лишены статуса предложения и рассматриваются просто как синтаксические конструкции без наличия в них грамматических значений предикативности и бытийности.

В классификации номинативных предложений мы разделяем точку зрения П. А. Леканта и выделяем два структурных типа – нерасчлененный и расчлененный, – имеющих глубокие различия в структуре⁷.

Состав главного члена номинативного предложения и его значения могут быть разными, исходя из чего следует выделять, помимо номинативных предложений, строящихся по свободным структурным схемам, также предложения, строящиеся по фразеологизированным структурным схемам, или номинативные фразеологизированные предложения.

Как показало исследование, среди номинативных фразеологизированных односоставных предложений, исходя из структурно-грамматического аспекта, выделяются следующие наиболее распространенные структурно-грамматические типы.

1. Номинативные фразеологизированные односоставные предложения, открывающиеся частицей *вот (вон)*, за которой следует существительное в независимой позиции в форме именительного падежа. В совокупности они представляют собой главный член. В данных номинативных

фразеологизированных предложениях, наряду со специфическим грамматическим значением бытийности, выражается также квалификативное значение, которое передается указательно-усилительной частицей *вот (вон)*: *Вот мед. Вот пень. Садись сюда и вдоволь ешь на доброе здоровье!* (Ю. Оболенцев).

2. Номинативные фразеологизированные односоставные предложения, открывающиеся частицей *вот*, за которой следует усилительная частица *и*, а далее – существительное в независимой позиции в форме именительного падежа. В совокупности они представляют собой главный член. Данный тип отличается от предыдущего включением в состав главного члена усилительной частицы *и* с подчеркнутым указательно-констатирующим значением: *Вот и наш сад. С тех пор как я был студентом, он, кажется, не стал ни лучше, ни хуже* (А. П. Чехов).

3. Номинативные фразеологизированные односоставные предложения, открывающиеся словом *какой*, за которым следует существительное в независимой позиции в форме именительного падежа. В совокупности они представляют собой главный член. В данных номинативных фразеологизированных предложениях наряду с основным значением бытийности выражается также субъективно-квалификативное значение: *А...а! Какой приятный сюрприз!* (М. Горький). Данный тип номинативного предложения является фразеологизированным, поскольку местоимение *какой* в такой конструкции утрачивает местоименные свойства и уподобляется частице, однако в составе главного члена согласуется с существительным в роде, числе и падеже.

4. Номинативные фразеологизированные односоставные предложения, открывающиеся словом *этакий*, за которым следует существительное в независимой позиции в форме именительного падежа. В совокупности они образуют главный член. Данный тип номинативного предложения является фразеологизированным, поскольку местоимение *этакий* в такой конструкции теряет местоименные свойства и уподобляется частице, однако в составе главного члена согласуется с существительным в роде, числе и падеже: *Было б мне козьею ножкой... бормочет фельдшер. – Этакая оказия!* (А. П. Чехов).

5. Номинативные фразеологизированные односоставные предложения, открывающиеся устойчивым сочетанием *что за*, за которым следует существительное в независимой позиции в именительном падеже. В совокупности они представляют собой главный член. Данный тип номинативного предложения является фразеологизированным, поскольку местоимение *что* в такой конструкции утрачивает местоименные свойства и уподобляется частице; подобная десементация происходит и с предлогом *за*: *Что за дичь! – почти сердито проговорил князь* (Ф. М. Достоевский).

6. Номинативные фразеологизированные односоставные предложения, открывающиеся устойчивым сочетанием *вот так*, за которым следует существительное в независимой позиции в именительном падеже. Данный тип номинативного предложения является фразеологизированным, поскольку наречие *так* в составе такой конструкции утрачивает свойства наречия и уподобляется частице: *О-о-о-о! Черви!.. Вот так обед* (М. А. Шолохов); *Вот так каша! А! Ну куда мне жена?* (М. Горький).

7. Номинативные фразеологизированные односоставные предложения, открывающиеся устойчивым сочетанием частиц *вот ведь*, за которыми следует существительное в независимой позиции в именительном падеже; в совокупности они представляют собой главный член: *Вот ведь женская логика!*

8. Номинативные фразеологизированные односоставные предложения, открывающиеся устойчивыми сочетаниями междометий с частицами *ай да*, *ух и*, *эх и*, за которыми следует существительное в именительном падеже; в совокупности они представляют собой главный член. В данных фразеологизированных предложениях выражаются оценочные, квалификативно-констатирующие значения: *Ай да генерал! – подхватил Фердыщенко* (Ф. М. Достоевский); *Сейчас я вас вином угощу. Ух и вино* (Г. Егоров); *Эх и погода!*

Номинативные фразеологизированные односоставные предложения, как и номинативные свободные предложения, представлены как нерасчлененными – в их структуре отсутствуют детерминанты, – так и расчлененными предложениями, если в их структуре имеются детерминанты.

Детерминанты в расчлененных номинативных фразеологизированных предложениях, как и в свободных расчлененных номинативных предложениях, имеют пространственное значение: *Какая красота в лесу!*; временное: *Вот так сюрприз сегодня!*; отношение к лицу (принадлежности): *Вот так радость у них!*

С целью определения лингвистической сущности номинативных фразеологизированных предложений выделенных типов в структурно-грамматическом аспекте исследуем, как реализованы в них синтаксические категории модальности, времени и лица, образующие предикативность⁸, а также категория синтаксического субъекта и семантическая категория агенса.

Сложная синтаксическая категория модальности исследована еще недостаточно, чаще всего в ней различают модальность объективную и субъективную, однако выделяют и другие модальные значения⁹.

В номинативных фразеологизированных предложениях проявляется объективная модальность реальности/ирреальности, зависящая от интонации и наличия вопросительных частиц *разве*, *неужели* и др. В номинативных фразеологизированных предложениях, как показало

исследование, выделяются два функциональных типа – повествовательные и вопросительные предложения. В повествовательных предложениях выражается объективная модальность реальности, а в вопросительных – объективная модальность ирреальности. Ср.: *Какой холод!*; *Вот так встреча*; *Что за шум?*

В данных фразеологизированных предложениях на фоне объективной модальности реальности/ирреальности посредством вводно-модальных слов и модальных частиц *конечно*, *разумеется*, *несомненно*, *вероятно*, *пожалуй* и других проявляется субъективная модальность со значением достоверности / вероятности: *Какой переполох, вероятно, у них сейчас.*

Однако субъективная модальность, как показывает исследованный материал, ограничено проявляется в номинативных фразеологизированных предложениях, что, по-видимому, обусловлено структурой и семантикой этих предложений.

Категория времени выражает отношение высказывания к моменту речи. Понятие синтаксической категории времени введено в русистику А. А. Шахматовым, который исходил из наличия данной категории во всех типах предложений – и в глагольных, и в безглагольных¹⁰.

В настоящий период широко распространенным является мнение о строгом разграничении синтаксической категории времени и морфологической, проявляющейся только в формах изъявительного наклонения. Синтаксическая категория времени характеризует уровень предложения и имеет свои средства выражения – структурную схему предложения как исходный член оппозиции, означающий синтаксическое настоящее время, и глагольное слово (знаменательное и служебное) с его средствами словоизменения, поставленными на службу синтаксису¹¹.

Синтаксическая категория времени реализуется или в системе временных форм предложения, образующих парадигму, или во вневременности – одной из форм проявления синтаксического времени.

В отличие от авторов «Русской грамматики», выявляющих наличие временной парадигмы в номинативных предложениях¹², полагаем, что номинативные фразеологизированные предложения, как и свободные номинативные предложения, не имеют парадигмы временных форм, так как функцию главного члена в них выполняет имя существительное с соответствующими обязательными компонентами в именительном падеже в независимой позиции: *Вот так молодец!*; *Какой сюрприз!*; *Ай да студенты!*

Особенностью номинативных фразеологизированных предложений, как и свободных предложений, в выражении синтаксического времени является то, что основным способом выявления временных значений в них выступает конструктивно-синтаксический, хотя определенное значение имеет также лексико-синтаксический.

Значимое отсутствие глагола в номинативных предложениях передает расширенное настоящее время: *Вот так дворец!; Какие просторы!; Что за беготня?*

Детерминанты времени уточняют, конкретизируют значение времени в данных предложениях. Так, в номинативном фразеологизированном предложении *Какая встреча завтра!* значение будущего времени выражено посредством детерминанта «завтра».

Если речь идет о реализации синтаксической категории лица и субъекта, а также семантической категории агенса, то в номинативных фразеологизированных предложениях, как и в свободных предложениях, выявляется значение третьего лица, которое обусловлено способом выражения главного члена – имени существительного в именительном падеже – и структурой предложения. Вместе с тем в структуре расчлененного номинативного фразеологизированного предложения, как и свободного предложения, может быть детерминант, выражающий отношение высказывания к первому, второму или третьему лицу. Ср.: *Какая удача у меня (у тебя, у него)!; Вот так поездка у нас (у вас, у них)!*

Таким образом, расчлененные номинативные фразеологизированные предложения, как, отметим, и свободные предложения, могут иметь полную личную парадигму.

«Субъект грамматический», или синтаксический, – это «словоформа с предметным значением, грамматически господствующая по отношению к словоформе, которая называет признак предмета»: *Девочка весела; Олень бежит; Бегущий олень*. В более узком толковании грамматический субъект – это подлежащее¹³.

В номинативных фразеологизированных предложениях отсутствуют такого рода словоформы с предметным значением, при которых были бы словоформы, обозначающие их признак, и поэтому данные фразеологизированные предложения являются бессубъектными.

Агнс, или деятель, – это производитель действия. В номинативных фразеологизированных предложениях, как и в свободных предложениях, отсутствуют глагольные словоформы, обозначающие действие, и поэтому такие предложения являются безагнсными.

Итак, исследование номинативных фразеологизированных предложений в структурно-грамматическом аспекте выявило, что они, будучи односоставными именными фразеологизированными предложениями в системе простого предложения в русском языке, представлены определенными грамматическими типами, являются бессубъектными, безагнсными и характеризуются особенностями выражения категорий модальности, времени и лица.

Исследуя номинативные фразеологизированные предложения в логико-семантическом аспекте, мы учитываем, что в русистике сложилось

несколько концепций в определении семантики предложения, в которых выявляются разные подходы к изучению смысла предложения.

Одной из распространенных среди них является денотативная, или референтная концепция значения предложения, основанная на выявлении отношений между высказыванием и обозначаемыми им ситуацией или событием.

Семантическая структура предложения трактуется нами исходя из его формальной организации. Мы считаем, как Н. Н. Арват, Н. Ю. Шведова и другие исследователи, что семантическая структура предложения – это созданный на предикативной основе семантический комплекс, являющийся результатом взаимодействия семантических компонентов и отражающий взаимосвязь типизированных элементов экстралингвистической действительности¹⁴.

Компонентный анализ номинативных фразеологизированных предложений выявил, что семантические структуры данных предложений могут быть двухкомпонентными, трехкомпонентными и четырехкомпонентными.

Двухкомпонентные семантические структуры включают в свой состав семантический субъект (эксплицитный) и семантический предикат (имплицитный). Семантика схемы – существование, наличие предмета или предметно представленного действия, состояния, предмет (в широком смысле слова) здесь представлен как субъект бытия, существования: *Вот так жара!; Какое путешествие!; Что за удовольствие?*

Трехкомпонентные семантические структуры номинативных фразеологизированных предложений делятся на две группы:

- семантические структуры, состоящие из семантического субъекта (предмета или предметно представленного действия, состояния), семантического предиката, обозначающего существование, наличие предмета (в широком смысле), и семантического объекта со значением принадлежности: *Вот квартира для родителей; Какой дом для него!; Что за дворец ему!*

- семантические структуры, состоящие из семантического субъекта (предмета или предметно представленного действия, состояния), семантического предиката, обозначающего существование, наличие предмета, и семантического конкретизатора с пространственным или временным значением: *Вот так мороз на улице!; Какой холод в квартире!; Что за поездки теперь?*

Четырехкомпонентные семантические структуры номинативных фразеологизированных предложений делятся на две группы:

- семантические структуры, состоящие из семантического субъекта (предмета или предметно представленного действия, состояния), семантического предиката, обозначающего существование, наличие предмета, семантического объекта со значением принадлежности и семантического конкретизатора с пространственным

или временным значением: *Вот так замок для них там!; Какое путешествие для него сейчас!; Что за радость теперь ему?*

– семантические структуры, состоящие из семантического субъекта (предмета или предметно представленного действия, состояния), семантического предиката, обозначающего существование, наличие предмета, и двух семантических конкретизаторов с пространственным и временным значением: *Какие парки теперь там!; Что за отдых зимой на море?; Вот так веселье на даче теперь!*

Данный перечень семантических структур номинативных фразеологизированных предложений не является законченным и может быть продолжен.

Исследованный материал показывает, что наиболее распространенными в современном русском языке являются двухкомпонентные семантические структуры.

Анализ номинативных фразеологизированных предложений, направленный на выявление семантических компонентов в их семантической структуре, показывает, что данные предложения являются двусоставными (двучленными) независимо от того, формируются они только одним главным членом или при главном члене имеются объектные либо обстоятельственные распространители.

Итак, номинативные фразеологизированные предложения являются односоставными предложениями в структурно-грамматическом аспекте, или на поверхностном уровне, однако они представляют собой двусоставные предложения в логико-семантическом аспекте, или на глубинном уровне.

Таким образом, при решении проблемы классификации и типологии простого предложения в русском языке, выявлении его лингвистической сущности, определении его односоставности/двусоставности следует исходить из аспекта исследования предложения, что имеет существенное значение для теории синтаксиса русского языка.

Данное разноаспектное исследование номинативных фразеологизированных предложений

предоставляет возможность предложить их структурно-грамматическую и логико-семантическую классификацию, что позволяет построить общую типологию и что, видимо, следует учитывать при изучении синтаксиса простого предложения.

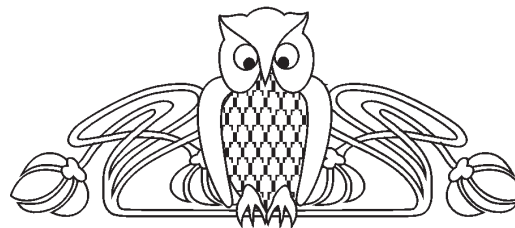
Примечания

- 1 См.: Русская грамматика : в 2 т. М., 1980. Т. 2. Синтаксис. С. 383.
- 2 См.: Шахматов А. Синтаксис русского языка. М., 2001. С. 49.
- 3 См.: Золотова Г. Об основаниях классификации предложений // Русский язык за рубежом. 1989. № 5. С. 33.
- 4 См.: Ксенофонтова Л. Статус синтаксической фразеологии в языке // Русский язык : исторические судьбы и современность : тр. и материалы IV Междунар. конгр. исслед. рус. яз. М., 2010. С. 428.
- 5 См.: Грамматика русского языка : в 2 т. М., 1960. Т. II, ч. 2. С. 98; Пешковский А. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001. С. 377; Шахматов А. Указ. соч. С. 271.
- 6 См.: Золотова Г. Указ. соч. С. 33.
- 7 См.: Лекант П. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 2004. С. 159.
- 8 См.: Виноградов В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Виноградов В. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 268.
- 9 См.: Бондаренко В. Виды модальных значений и их выражение в языке // Филологические науки. 1979. № 2. С. 54–61; Виноградов В. Указ. соч. С. 268; Золотова Г. Указ. соч. С. 33.
- 10 См.: Шахматов А. Указ. соч. С. 19.
- 11 См.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 543.
- 12 См.: Русская грамматика. С. 364.
- 13 См.: Краткий справочник по современному русскому языку. М., 1995. С. 353.
- 14 См.: Арват Н. Компонентный анализ семантической структуры простого предложения (Текст лекций). Черновцы, 1976. С. 14.

УДК 811.133.1'367.624

РЕФЕРЕНЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ТЕМПОРАЛЬНОГО НАРЕЧИЯ *MAINTENANT* – СИТУАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

В. Н. Бышкина

Саратовский государственный университет
E-mail: viktorina.byshkina@gmail.com

Статья посвящена элементам диффузной семантики в языке и актуализации их значений в ситуациях; рассматриваются теоретические аспекты понятия «ситуация», различные подходы к ее изучению, а также приводится классификация референциальных значений темпорального наречия *maintenant*.

Ключевые слова: темпоральность, ситуация, референция, лексический конкретизатор, темпоральное наречие, диффузное значение, дейксис.

The Reference of a French Temporal Adverb *maintenant* in Situational Aspect

V. N. Byshkina

The article is devoted to language units possessing vague semantics and to actualization of their meanings in situations. It deals with the concept of situation itself, gives different approaches to its investigation, as well as provides a classification of referential meanings of the temporal adverb *maintenant*.

Key words: temporality, situation, reference, lexical means of verbalization, temporal adverb, vague semantics, deixis.

На современном этапе функциональная грамматика все чаще обращается к понятию «ситуация». Использование термина «ситуация» в лингвистических исследованиях в разных контекстах свидетельствует, что среди ученых нет однозначного понимания относительно того, что считать ситуацией.

Так, по мнению А. В. Бондарко, категориальная ситуация (КС) – это «выражаемая в высказывании типовая содержательная структура, базирующаяся на определенном функционально-семантическом поле данного языка и представляющая собой <...> один из аспектов передаваемой высказыванием общей сигнификативной ситуации»¹. В каждом высказывании находит свое выражение некий обобщенный тип ситуации, которому соответствует также ряд других высказываний. Например, можно говорить о ситуациях локативности, аспектуальности, темпоральности, модальности, персональности и т. д. Последние, в свою очередь, делятся на подтипы, в рамках которых функционирует данное ФСП языка².

Согласно В. Г. Гаку, ситуация – это «совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего об объективной действительности в момент высказывания и обуславливающих в

определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания»³. В его трактовке ситуация – скорее контекст использования высказывания, экстралингвистическая информация, влияющая на построение высказывания.

Е. В. Падучева в работах по семантике высказывания практически отождествляет понятия «ситуация» и «пропозиция». Под ситуацией она подразумевает «референт языкового выражения с пропозициональным значением» и приводит следующую классификацию. Все ситуации делятся на две большие категории – статические и динамические. К статическим относятся постоянные (отношения и свойства) и не постоянные (состояния) ситуации. Динамические ситуации подразделяются на события, к которым, в свою очередь, относятся результаты и достижения, и процессы, которые могут быть гомогенными и негомогенными⁴.

Различают денотативную и сигнификативную ситуации: под первой понимают фрагмент экстралингвистической действительности и его проекцию в сознании говорящего; вторая связана с содержанием языковых единиц, использованных для репрезентации денотативной ситуации, и является отражением «денотативной ситуации или определенного класса денотативных ситуаций в содержании высказывания»⁵. Отсюда следует, что конкретная, реализованная в речи ситуация и является сигнификативной.

В создании ситуации участвуют все элементы того или иного высказывания. Наше исследование посвящено ситуациям, для репрезентации которых в поверхностной структуре предложения периферийные средства (в частности, лексические конкретизаторы) функционально-семантической категории темпоральности находят эксплицитное выражение. Основываясь на семасиологическом подходе, мы ограничиваемся высказываниями, содержащими во французском языке одно периферийное средство – темпоральное наречие (ТН) *maintenant*, – и выделяем его ситуационные значения, что становится возможным в силу следующих причин.

Как отмечает Е. В. Падучева, в языке есть слова, которые, будучи актуализованными в речи в различных высказываниях, неодинаково участвуют «в формировании смысла предложения»⁶, то есть существуют высказывания, содержащие одно и то же средство вербализации определенной категории, которые реализуют различные ситуации. Такой эффект достигается в том числе и

из-за внутренних свойств таких слов, в частности как в случае с ТН *maintenant*, из-за их диффузной семантики.

Функционирование средств вербализации в различных ситуациях раскрывает содержание потенциальных значений, заложенных в знаке. Свойственные средству значения проявляются именно в ситуациях, где диффузное слово реализует определенное смысловое значение в актуализированном высказывании, являющемся конкретным выражением определенной ситуации⁷. Установлено, что семантика дейктического слова в значительной степени зависит от той ситуации, в которой оно употреблено. Иначе говоря, дейктическое темпоральное слово оказывается в определенной степени десемантизированным и способным принимать различные темпоральные значения, выражаемые ситуацией в целом.

В своем исследовании мы вслед за А. В. Бондарко, используя термин «ситуация», подразумеваем типовую содержательную структуру, выражающую один из аспектов семантической категории; также мы принимаем во внимание тот факт, что в нарративном режиме формы прошедшего времени в большинстве случаев используются опосредованно⁸. Понятие «момент речи» (МР) становится условным и в таком случае обозначает момент актуального настоящего для реальности, существующей в тексте. Для исследования привлекался отобранный методом сплошной выборки материал из произведений Ги де Мопассана.

ТН *maintenant* – дейктик не только в том смысле, что оно изменяет свое значение в зависимости от момента произнесения высказывания, то есть от МР, но и в связи с тем, что в глубинной структуре принимает различные значения, связанные с ситуацией его употребления. Лексические конкретизаторы, по мнению М. Н. Закамулиной, на поверхностном уровне выражают значение «точечной или линейной временной направленности» и реализуют один из аспектов либо тернарной временной оппозиции *предшествование* – *симультианность* – *следование* (для точечного времени), либо бинарной оппозиции *ретроспективность* – *проспективность* (для линейного времени)⁹. Дейктический элемент во французском языке используется в определенных ситуациях и, значит, реализует определенные ситуационные значения.

Ситуация, с точки зрения темпоральности выражающая **период времени, окружающий момент речи**. Для значения, реализуемого данным средством в ситуации, характерно наличие ограниченного промежутка времени, несмотря на то что сами границы не всегда находят в высказывании эксплицитное выражение.

C'est du vin de votre pays, du vin d'Italie, et puisque nous sommes maintenant chez vous, il nous serait fort agréable de voir une jolie bouche italienne accepter l'offre des Français, ses voisins (Les soeurs Rondoli).

Из примера видно, что говорящий эксплицитно не выражает продолжительности временного

отрезка на временной оси, тем не менее из ситуации выводится некая темпоральная информация относительно продолжительности этого периода – значение *maintenant* сводится к отражению того временного отрезка, на протяжении которого персонажи пребывают на территории Италии. Пользуясь терминологией и классификацией, предложенными Е. В. Падучевой, мы относим такой тип ситуаций к временным состояниям¹⁰.

Промежуток времени, на который распространяется действие ситуации, часто непродолжителен.

Mais je commençais justement à trouver l'Italienne beaucoup mieux que je ne l'avais jugée d'abord, et je tenais, oui, je tenais à l'emmener maintenant (Les soeurs Rondoli).

Je refusais, voulant partir maintenant par le premier train (Les soeurs Rondoli).

Je me sentais gagné maintenant par une envie de rire qui grandissait, mon premier désappointement s'envolant devant les déclarations de Mme Rondoli mère (Les soeurs Rondoli).

В данных примерах ТН *maintenant* действительно отсылает к временному отрезку, окружающему МР. Важным дифференцирующим признаком ситуации данного типа является наличие связи периода времени с МР. При использовании ТН в высказывании ясно, что описываемое положение дел имеет место в период времени, который начался незадолго до МР и будет продолжаться еще какое-то время после него. Если в одной из нижеприведенных ситуаций выражается значение наиболее общей симультианности, то в данном случае мы говорим не об обобщенном значении одновременности, а о конкретном МР и окружающем его отрезке времени, хотя рамки временного отрезка не оговариваются в высказывании. Например, в высказывании *La colère l'étranglait maintenant; elle ne pouvait plus parler; <...>* (Le parapluie) речь идет о промежутке времени, окружающем МР, длительность которого соответствует продолжительности гневного состояния.

Отметим, что все предыдущие примеры связаны с выражением эмоционального состояния.

Другой разновидностью такой ситуации является ситуация гомогенного процесса¹¹, в которой промежуток времени ограничен временным действием предиката.

Elle parlait toujours, mais doucement maintenant, elle parlait en amie rude et bienveillante qui ne demande plus qu'à pardonner (La patronne).

Elle criait maintenant (Le parapluie).

Elle allait maintenant d'un pas gai par la rue, cherchant un marchand de parapluies qui lui parût élégant (Le parapluie).

Референтами ТН являются, соответственно, временные промежутки, на протяжении которых персонаж говорил мягко, кричал либо шел по улице.

Un rayon de soleil oblique entraînait maintenant dans le wagon et tombait juste en travers du dormeur <...> (Rencontre).

Продолжительность описываемой ситуации во времени ограничена тем периодом, когда солнечный луч проникает в вагон, однако в высказывании не указано, когда именно это событие начало происходить и когда данный период времени закончится. Из контекста следует, что с прекращением данных процессов, действий и состояний упоминаемый временной период заканчивается.

Ситуация выражения **момента в актуальном настоящем**. *Maintenant* передает значение мига, момента. Суть ситуации состоит в том, что упор делается именно на положение вещей в сам МР, поэтому даже если предикат выражает процесс или длительное состояние, ТН фокусирует ситуацию на одной точке на временной оси.

Et tout d'un coup, j'aperçus sous les arbres, le long de la voie, dans l'ombre toute noire maintenant, quelque chose comme une pluie d'étoiles (Les soeurs Rondoli).

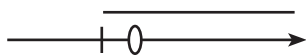
Ситуация сводится к выражению актуального настоящего – состояния или положения дел непосредственно в МР, – описанию того, что происходит сейчас. Акцентируется тот факт, что именно в МР какое-то состояние имеет место. В данном примере, возможно, так же темно было какое-то время до и после МР, однако такая информация не следует из высказывания. В приведенном ниже примере наблюдается аналогичная ситуация: референтом высказывания становится фрагмент действительности с определенным положением дел в какой-то миг, момент на временной оси. Повозка именно на МР находится очень далеко.

La voiture était loin maintenant, loin derrière ... (A cheval).

C'était sa nièce pourtant; mais il se demandait maintenant s'il n'allait pas désobéir à Dieu (Clair de Lune).

В данном случае также хорошо проиллюстрирована идея момента времени – говорящий не имеет в виду весь промежуток времени, когда персонаж задавался вопросом относительно правильности принятого им решения. Употребляя ТН, говорящий осуществляет референцию к положению дел в МР. Данный подтип также является ситуацией временного состояния.

Ситуация выражения **отрезка времени, направленного в будущее**. Реализуется значение перспективности – указывается отрезок времени, на протяжении которого произойдет некое событие или наступит определенное состояние. Важно отметить, что если инициальный момент может быть обозначен в высказывании или в более широком контексте, то финальный момент не оговаривается и, следовательно, длительность промежутка времени остается невыясненной. Графически это можно представить так:

Elle murmura, sans me répondre, comme obsédée par une pensée fixe et gênante: «Qu'est-ce que je vais faire maintenant?» (Les soeurs Rondoli).

Из примера становится ясно, что состоялось некое событие в прошлом, после чего произошли изменения в ситуации, в которой находился говорящий; с этого момента начинается отсчет промежутка времени, когда говорящему нужно что-то сделать, чтобы исправить ситуацию. Поскольку поступок еще не совершен, то и сам промежуток времени все еще продолжается и будет продолжаться. Завершение промежутка времени остается неизвестным, также неясно, закончится ли промежуток времени после совершения поступка.

J'avais écrit à la Cité de Paris pour retenir notre appartement, et maintenant ... je ne savais plus à quoi me décider (Les soeurs Rondoli).

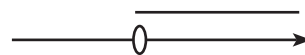
В макроконтексте указывается событие в прошлом, после которого говорящий не может больше остановиться в заранее выбранной гостинице (это и есть точка отсчета для промежутка времени, обозначенного наречием *maintenant*) и вынужден искать другие варианты своего размещения. На протяжении всего промежутка времени положение дел не изменяется – говорящий пребывает в неведении относительно того, как ему поступить в сложившейся ситуации. Информации, содержащейся в контексте, недостаточно, чтобы четко определить финальную границу обозначенного промежутка времени. С уверенностью можно сказать только, что ситуация на данный момент неизменна и будет оставаться таковой неопределенное время в будущем.

Plisque vous avez consenti à ma première demande, voulez-vous maintenant que nous causions sans aigreur (Rencontre).

Период времени начинается с того момента, когда собеседник согласился выполнить первую просьбу говорящего. Поскольку согласие изменило установившееся положение дел и говорящего это устраивает, то он высказывает желание закрепить его и продолжить в будущем.

Таким образом, в приведенных случаях имеет место реализация значения тонкальной перспективности, поскольку отрезок времени начинается не с момента, совпадающего с МР, а с момента в прошлом, после которого положение дел изменилось и начался новый период, референция к которому в данном высказывании осуществляется при помощи ТН *maintenant*. В данном типе ситуации событие в прошлом является опорным моментом, а значения тонкальной симультанности и перспективности выражаются синкретично¹².

Ситуация, выражающая **тонкальную перспективность или следование**. Графическое отображение выглядит следующим образом:

Mais comme aucun enthousiasme ne se manifestait encore, comme les spectateurs semblaient stupides d'étonnement, le commandant cria aux hommes de la milice: «Vous pouvez maintenant regagner vos foyers» (Un coup d'état).

Единственное отличие данной ситуации от предыдущей состоит в том, что отсчет промежутка времени, передаваемого ТН, ориентирован на МР. Период времени, обозначенный как *maintenant*, начинается с того момента на временной оси, когда было произнесено перформативное высказывание, разрешающее уйти.

Oh! ne me quitte pas maintenant, ne me quitte pas au dernier moment! (L'enfant).

Просьба говорящего распространяется на период времени, начинающийся после озвучивания самой просьбы; к тому же референтом ТН является отрезок линейного времени, на протяжении которого говорящему не хочется, чтобы его покидали.

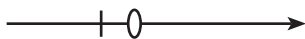
Ситуация неканального следования представлена в следующих примерах:

Allez, maintenant, mes enfants (Les soeurs Rondoli).

Je vais le reporter maintenant (Le mal d'Andre).

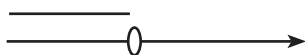
Действие ситуации отсылает к будущему, причем темпоральная референция осуществляется не к промежутку времени, как было в случае с предыдущим примером, а к моменту в будущем, когда произойдет действие, выраженное предикатом. В первом примере упоминается действие (уход), которое, как говорящий хочет, было бы совершено в какой-то момент после МР. То же можно отнести и ко второму примеру – говорящий намеревается совершить действие через короткий промежуток времени после МР, о чем говорит конструкция *aller faire*, указывающая на локализацию события в ближайшем будущем.

Графическое изображение ситуации выглядит так:

Референтами ситуации могут быть временные ситуации и гомогенные и негомогенные процессы.

Ситуация, выражающая **промежуток времени, начавшийся в прошлом и продолжающийся в момент речи**. Темпоральная составляющая ситуации охватывает отрезок времени в прошлом, который плавно перетекает в МР. Ситуация может быть графически отображена следующим образом:

On nous connaissait maintenant par les rues, où nous errions du matin au soir, par les rues étroites et sans trottoirs de cette ville qui ressemble à un immense labyrinthe de pierre, perce de corridors pareils à des souterrains (Les soeurs Rondoli).

Ситуация подразумевает, что их знали в прошлом, знают и в МР, что они бродили по улицам до этого и бродят в период, окружающий МР. Здесь важен не только тот факт, что их знают сейчас, но и что до этого такое положение дел тоже имело место. Референтами являются устойчивые состояния и гомогенные процессы.

Je vais tâcher de le dire, non pour ceux qui liront ces lignes, mais pour moi même, pour renforcer mon courage défaillant, me bien pénétrer de la nécessité maintenant fatale de cet acte qui ne pourrait être que différé (Suicides).

Здесь также важно, что необходимость совершения определенного поступка сформировалась не в МР, а раньше; она существовала до МР и продолжает являться актуальной на МР.

Ситуация отличается от предыдущей тем, что если последняя ориентирована в будущее и само развитие ситуации направлено в будущее, то здесь с точки зрения смысловой нагрузки акцентированным оказывается промежуток времени, продолжавшийся до МР и включающий сам МР – иными словами, имеет место реализация синкретично выраженного значения ретроспективности и симультанности.

Ситуация, передающая темпоральное значение **перфекта** – наличия определенного состояния (которое является референтом) на МР, появление которого связано с определенными событиями плана прошлого.

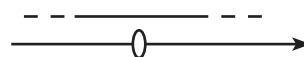
Elle me paraissait plutôt quelque fille de pauvres gens, séduite, emmenée, puis lâchée et perdue maintenant (Les soeurs Rondoli).

Говорящий описывает состояние девушки, которое на МР было спровоцировано чем-то из плана прошлого, что говорит о связи пластов прошлого и настоящего. Следует отметить, что данное состояние вряд ли длится мгновение, однако в ситуации не обозначен период времени, для которого характерно такое состояние; наоборот, ТН выражает МР и важность описываемого состояния именно на МР, поэтому мы не относим данную ситуацию к ситуациям, выражающим время линейно, то есть обозначающим отрезок времени.

Ils restaient quatre maintenant (Le verrou).

Похожая ситуация наблюдается и в данном примере. В результате событий в прошлом на МР складывается определенная ситуация, являющаяся отображением плана прошлого – всего их остается четверо.

Ситуация, выражающая наиболее **общее значение симультанности**, без четких границ и указания инициального и финального моментов. Временная протяженность периода также не уточняется. Графически ситуацию можно отобразить так:

Paul, maintenant, prenait à peu près son parti de l'aventure, tout en m'injuriant toujours (Les soeurs Rondoli).

В данном примере сложно очертить рамки временного периода, о котором идет речь. Из контекста не ясно, когда начался период смирения с ситуацией, как долго он продолжается и будет ли продолжаться в будущем.

Maintenant, rien ne lui manque; elle m'écrit tout ce qu'elle fait (Les soeurs Rondoli).

Понятие «теперь» в высказывании также является достаточно расплывчатым, причем говорящий сам оставляет этот период времени неопределенным, не указывая на какие-либо границы.

Oh! je n'aurais pas avoué cela avant d'être arrivé à l'âge où je suis. Maintenant je peux tout dire (Apparition).

Реализованное значение *maintenant* – период времени, однако контекст не указывает на рамки этого промежутка. Используемое в макроконтексте словосочетание «в моем возрасте» диффузно и не поддается четкому определению. Говорящий имеет в виду какой-то промежуток времени, который он осознает как нечто отличное от прошлого и будущего. Референтами ситуации являются временные состояния и процессы.

Ситуация выражения **положения дел на момент речи**, которая, однако, не представляет актуального настоящего.

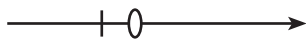
Rose, la cadette, âgée maintenant de dix-huit ans... (Le pain maudit).

Il avait maintenant quarante-cinq ans... (Rencontre).

Безусловно, не вызывает сомнений тот факт, что восемнадцать или сорок пять лет человеку бывает на протяжении определенного промежутка времени и, следуя логике, референтом ТН должен был бы стать определенный отрезок времени, равный одному году. Однако в представленном типе ситуации такое значение ТН отсутствует, на первый план по значимости выходит значение МР и того, какое положение дел имеет место на этот момент.

Ситуация отсылает к временным состояниям.

Ситуация выражения **предшествования**. Графически ее можно представить так:

Il la retrouvait maintenant si changée qu'il la reconnaissait à peine (Rencontre).

Et je regardai l'homme dans la cour. Il venait maintenant de puiser de l'eau pour les chevaux et portait ses deux seaux en boitant, avec un effort douloureux de la jambe plus courte (Un fils).

ТН отсылает к событию, которое произошло в недавнем прошлом; оно локализует на оси времени момент, когда человек набрал воду. О том,

что это событие произошло незадолго до МР, свидетельствует использованная в высказывании конструкция *venir de faire qch.*

Таким образом, из проведенного анализа видно, что диффузность в большинстве случаев связана с неясностью самой ситуации, с отсутствием необходимых для уточнения элементов, со сложностью восприятия и осмысления человеком самого понятия времени. Однако ситуационная семантика диффузного слова хоть и размыта, но не хаотична. Диффузное слово используется в определенных ситуациях, отсылающих к однотипным фрагментам действительности, что дает возможность провести классификацию выражаемых им значений.

Иерархия значений наречия *maintenant* отражается в структуре функционального поля и наглядно показывает наиболее часто реализуемые в речи значения данного средства языка. Для ТН *maintenant* поле является моноцентрическим с ярко выраженным ядром, которое передает значение промежутка времени, окружающего момент речи (42%). Ближняя периферия представлена менее равномерно, ее наиболее частотным элементом является значение проспективности и следования (22%), промежуточное положение занимает значение отрезка времени, выражающего наиболее общую симультанность (14%). Дальняя периферия конституирована значениями общего положения дел в момент речи (8%), перфекта (5%), момента актуального настоящего (3%), промежутка времени с явным инициальным моментом в прошлом (2%) и значения предшествования (2%).

Примечания

- 1 Бондарко А. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М., 2003. С. 193.
- 2 Там же.
- 3 Гак В. Языковые преобразования. М., 1998. С. 251.
- 4 См.: Падучева Е. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 2004. С. 222–224.
- 5 Бондарко А. Указ. соч. С. 194–195.
- 6 Падучева Е. Указ. соч. М., 2004. С. 221.
- 7 См.: Бондарко А. Указ. соч. С. 193.
- 8 См.: Маслов Ю. Очерки по аспектологии. Л., 1984. С. 24–25.
- 9 См.: Закамулина М. Темпоральность во французском и татарском языках: слово, высказывание, текст. Казань, 2000. С. 147–148.
- 10 См.: Падучева Е. Указ. соч. С. 224.
- 11 Там же.
- 12 См.: Закамулина М. Указ. соч. С. 147–148.

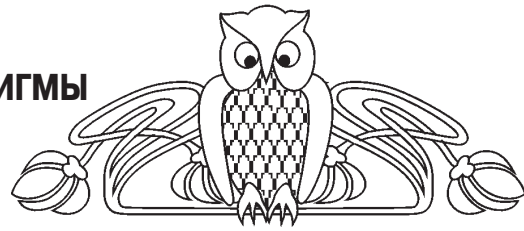

УДК 811.161.1'373.611

БЛЕНДИНГ В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

Л. С. Абросимова

Педагогический институт Южного федерального университета
E-mail: abrossimova@mail.com

В статье рассматривается когнитивно-коммуникативная природа блендинга (контаминации) как способа словообразования. Блендинг определяется совмещением ментальных пространств в однословных мотивированных знаках, характеризующихся семантической лаконичностью, емкостью и большим потенциалом выражения экспрессивности.

Ключевые слова: словообразование, блендинг (контаминация), когнитивно-коммуникативная парадигма, ментальное пространство.

Blending from the Aspect of Cognitive-Communicative Paradigm

L. S. Abrossimova

The paper considers the cognitive-communicative nature of blending (contamination), as a word-formation process. Blending is characterized by the combination of mental spaces in one-word motivated signs, accompanied by their semantic laconic brevity, fullness and a great potential of expressiveness.

Key words: word-formation, blending (contamination), cognitive-communicative paradigm, mental space.

Когнитивная лингвистика (Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Л. Талми, У. Чейф, Ч. Филлмор, Н. Д. Арутюнова, Н. Н. Болдырев, В. И. Карасик, В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, Ю. Н. Караулов, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, В. Н. Телия и др.) представляет собой одно из инновационных направлений, которое позволяет рассматривать многие языковые процессы, в том числе и словообразовательные, с позиций «человеческого фактора» и «когнитивной деятельности» (восприятия, использования, хранения и продуцирования информации). В данном ракурсе когнитивная деятельность человека не только сводится к использованию уже существующих лексических единиц, но и включает способность формировать новые. В этом аспекте важным представляется положение, высказанное Н. Н. Болдыревым: «Процесс формирования значений представляет собой когнитивный, познавательный процесс, тесно взаимосвязанный с познанием окружающего мира и формированием соответствующих понятий»¹.

До сих пор наибольшее развитие в рамках когнитивной лингвистики получили проблемы грамматики и семантики, лингвистической прагматики, синтаксиса и теории текста. Мы полагаем, что деривационные процессы, подробно исследованные в рамках структурной парадигмы

в языкознании, являются недостаточно изученными с точки зрения когнитивистики. Переход лингвистики на новый уровень, когда в центре внимания которого оказывается познавательная деятельность человека, дает основания полагать, что «исток вторичности следует искать не на языковом уровне, а на ментальном»².

Полагаем, что залогом деривационного функционирования языкового знака является прежде всего динамический, саморазвивающийся и – что немаловажно – саморегулирующийся характер ментальной сферы индивида, в рамках которой структуры знания, формирующиеся как результат определенных когнитивных процессов, претерпевают модификацию, приращение, дробление, реструктуризацию и другие изменения, фиксируемые в некоторой форме посредством языковых единиц. В значениях производных единиц «представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой»³.

На современном этапе развития английского языка одним из высокопродуктивных способов образования слов является контаминация (blending). Контаминация – сравнительно молодой феномен, она получила свое распространение в XX в. и заключается в соединении двух усеченных или одной усеченной и одной полной основ в одну лексическую единицу. Получившееся новообразование включает в себя лексические значения обоих слов, из которых оно возникло. Примерами подобного словообразовательного явления могут служить следующие слова: мопед (мотоцикл + велосипед), brunch (breakfast + lunch), Oxbridge (Oxford + Cambridge), motel (motor + hotel), Spanglish (Spanish + English), smog (smoke + fog), workaholic (work + alcoholic), Adidas (Addi + Dasler), Eurovizion (Europe + television), boatel (boat + hotel), chunnel (tunnel + channel), blizzard (blizzard + disaster) и др. Здесь следует отметить, что отсутствие формально выраженного словообразовательного форманта не может быть препятствием для «озычивания» ментальных репрезентаций, как и в случае с сокращением, конверсией или реверсией.

Контаминация (блендинг) может представлять собой намеренный или ошибочный процесс формирования слова, характерными дискурсивными особенностями которого являются

тенденция к компрессии формы и содержания, стремление к экспрессии и созданию скрытых смыслов, языковой игре и др.

Первые «слияния» носили случайный характер и часто представляли собой окказионализмы. Льюис Кэрролл (Ч. Л. Доджсон) является известным творцом контаминаций, превратившим их создание и использование в литературный прием и назвавшем эти слияния «portmanteau words». Он писал: «Well, “slithy” means “lithe and slimy” <...> You see it’s like a portmanteau – there are two meanings packed up into one word... “Mimsy” is “flimsy and miserable”»⁴. Другие общеизвестные примеры Л. Кэрролла – chortle (chuckle и snort), galumph (gallop и triumph).

В связи с недостаточной изученностью как название, так и сущность данного процесса трактуются по-разному. В литературе можно найти различные его определения: контаминация, вставочное словообразование, стяжение, слияние, телескопия, blending, fusion и др. Еще в середине XX в. отечественные языковеды не считали контаминацию особым способом словообразования и отождествляли его со словосложением (И. М. Берман, Н. М. Шанский, К. Сунден, Е. И. Чадаевская и др.).

По нашему мнению, существует разница между сложными словами и блендами: сложные слова состоят обычно из целых слов (*rainfall*, *blackboard*), тогда как бленд – из частей слов и характеризуется «морфонологической особенностью соединения компонентов на стыке – усечением, наложением и вставками морфов» и иногда неусеченными морфемами⁵, например слово-слиток (бленд) *workaholic*, являющееся результатом слияния слов *work* + *alcoholic*. Что касается семантики контаминаций, то они выражают концепт, характеризующийся единством смыслов обоих компонентов. Бленд всегда является мотивированной единицей, что обусловлено самим процессом создания подобных единиц. В этом случае «ключевую роль играют стилистические принципы и приемы для обеспечения успешной передачи информации в виде мотивирующей структуры слова, в которой соединяются как минимум два исходных слова посредством их усечения с возможным наложением и вставками морфов в соответствии с установкой на опознавание производящих основ»⁶.

В терминологии Ж. Фоконье и М. Тернера семантику деривационного блендинга (контаминации) можно представить в виде концептуального блендинга (conceptual blending), в процессе которого происходит объединение исходных концептов в конечные (относительно) концептуальные структуры. Внутри них исходные концепты согласуются друг с другом по тем или иным правилам. В основу семантики производного слова ложится сформированная в голове человека или формируемая по мере необходимости определенная пропозициональная структура со строгими и

регулярными правилами объективации, так как они задаются словообразовательным моделированием. Ж. Фоконье утверждает, что концептуальная интеграция (conceptual integration), или концептуальный блендинг (conceptual blending), является основой ментальной способности, ведущей к новым значениям, глобальным озарениям, концептуальной компрессии, удобной для памяти, а также манипулированию значениями. Во многом этот процесс, несмотря на сложность, протекает неосознанно⁷.

Связь языкового и ментального уровней проявляется в том, что в результате познавательной деятельности человека появляются концепты, которые впоследствии становятся неотъемлемой частью общей концептуальной системы и репрезентируются в языке. Закрепившиеся полученные концепты, сохраняя деривационные связи с исходными структурами, создают основу для дальнейшего процесса развития. При этом, учитывая относительно ограниченный набор материальных средств языка и огромное количество разнообразных смыслов, которые нужно передать, процесс концептуальной деривации происходит непрерывно. Также важно учитывать, что концепт – это динамическое явление, так как содержание концепта, а также его взаимосвязь с другими концептами зависят от изменений в массовом сознании, которые, в свою очередь, определяются изменениями в общественной жизни, сменой приоритетов и ценностей.

Огромное количество контаминаций появляется на стыке XX–XXI вв., что объясняется рядом факторов: стремлением к экономии языковых средств и усилий, распространением Интернета и популярностью использования языковой игры в Интернете и средствах массовой информации. Способность контаминаций привлечь внимание к необычной языковой форме (ироническое Лолливуд (Лахора (пакистанский город) + Голливуд), их броскость широко используются в эргонимах – наименованиях торговых марок и рекламных продуктов (Amway – American Way, Camcorder – camera + recorder).

В. М. Лейчик отмечает, что процесс создания таких телескопических слов «идет по возрастающей линии; если за прошлые века отмечено всего несколько десятков этих слов, причем в основном в просторечии, то сейчас они образуются сотнями, притом и в сфере нарицательных имен, и в сфере номенклатуры, и в сфере собственных имен»⁸.

Когнитивно-коммуникативный подход позволяет не только рассмотреть контаминацию как естественный процесс создания универбов на базе раздельноформленных наименований, но и установить его когнитивную релевантность. Являясь способом словообразования на синтаксической основе, контаминация связана с вынесением суждения о каком-либо предмете, объекте действительности, основанного на приписывании ему определенных признаков и

свойств. Движущей силой значения создаваемой новой единицы на основе стяжения компонентов выступает пропозиция, которая, являясь когнитивной схемой, потом трансформируется в линейную последовательность знаков.

Будучи емкими и в то же самое время экономными единицами, контаминации активно пополняют словарный состав современного английского языка в сфере политики, экономики, рекламы, в средствах массовой информации, а также в повседневной речи: *computerate* (прил.) – продвинутый в сфере компьютерных технологий. Данное прилагательное образовалось путем сращения слов *computer* и *literate*. Предпосылкой возникновения данного неологизма явилась программа всеобщего компьютерного образования, нацеленная на выработку компьютерной грамотности (*computer literacy*) у населения в 70-х гг. XX в.; *cybrarian* – человек, который занимается сбором, классификацией и сохранением информации из Интернета (*cyber + librarian*); *Webinar* (1998) – семинар, проводимый в режиме on-line с возможностью участвовать в нем дистанционно в режиме реального времени (*web + seminar*); *staycation*, *staycationer*, n (fr. *stay-at-home + vacation*) – a *stay-at-home vacation*; *fakcation*, *fakcationer*, n (fr. *fake + vacation*) – a *vacation where a significant amount of time is spent reading email and performing other work-related tasks*; *smexting* (fr. *smoking + texting*) – *sending text messages while standing outside on a smoking break*.

Контаминация является продуктивным способом образования незуальных окказиональных и потенциальных новообразований. По своей природе данный способ словообразования, возможно, даже больше, чем другие способы, предполагает привлечение основных когнитивных и творческих способностей человека, что обусловлено желанием выразить мысль как можно полнее, точнее и ярче. При этом происходит активное приращение эмоциональной составляющей, которая способствует созданию более яркого образа в однословной единице, не привлекая каких-либо других языковых выразительных средств.

Новая лингвистическая парадигма в науке о языке предполагает взаимосвязь когнитивного и коммуникативного аспектов человеческого познания. Нам представляется важным отметить эмотивную функцию языка как важнейшую в дифференциации процессов и алгоритмов искусственного и человеческого интеллекта. Эмотивный характер языковых средств изучается давно и довольно активно. Исследования теории экспрессивности в лингвистике возникли в конце XIX в. Родоначальником концепции экспрессивности считается выдающийся представитель Женевской лингвистической школы, ученик Фердинанда де Соссюра Шарль Балли, который выделил и описал основные приемы создания экспрессивности. Экспрессия языковых средств стала темой работ А. А. Потебни, К. Вандри-

са, Е. М. Галкиной-Федорук, В. А. Звегинцева, Т. Г. Хазагерова, В. Н. Телия, В. И. Шаховского, Б. Я. Шарифуллина и других ученых.

Ведущей сквозной темой философии М. М. Бахтина, как он ее сам определяет, является «эстетика словесного творчества». Эта емкая формула автора стала заглавием его фундаментальной работы. Бахтин считает, что нельзя вывести язык из другой потребности, понять его природу и механизмы функционирования иначе чем через потребность человека выразить себя, объективировать и обнаружить себя в мире. Сущность языка, по его мнению, сводится к духовному творчеству человека. Ученый отмечает, что всякое слово существует для говорящего в трех аспектах: во-первых, как нейтральное, никому не принадлежащее слово языка, находящее свое бытие в многочисленных словарях; во-вторых, это «чужое» слово других людей, несущее печать чужих мыслей, эмоций, чужого опыта, и, наконец, «как мое слово, ибо, поскольку я имею с ним дело в определенной ситуации, с определенным речевым намерением, оно же проникается моей экспрессией»⁹.

Таким образом, об экспрессивности слова, по Бахтину, можно говорить, только имея в виду человека, преследующего свои цели, имеющего свои жизненные намерения и опыт. Экспрессивность принадлежит не самому слову, она рождается в ситуации диалога личности с внешним миром. В этот момент слово перестает быть частью грамматики, а становится частью духа человека, выражающего оценку, предрасположенность, отношение, эмоцию и др. «Слова ничьи, сами по себе они ничего не оценивают, но они могут обслужить любого говорящего и самые различные и прямо противоположные оценки говорящих»¹⁰. Это потому, что в языке за длительную историю его развития выработались приемы, накоплен богатый арсенал языковых средств – лексических, морфологических, синтаксических, фонетических и др., – позволяющих эмоционально выражать любую позицию в различных ситуациях и достигать даже межпоколенного понимания.

Экспрессивность подразумевает усиление воздействия на собеседника, часто сопровождаемое намерением добиться своих целей. В большей степени это касается следующих видов дискурса: политического, рекламного, спортивного репортажа, художественной литературы и разговорного. Экспрессивность выходит на первый план, когда необходимо обратить внимание собеседника, подчеркнуть, убедить, заставить запомнить информацию, усилить воздействующую силу высказывания. Все эти приемы можно отнести к намеренным способам прагматического воздействия на собеседника. С другой стороны, говорящий может просто выразить свои эмоции при помощи тех или иных экспрессивных языковых средств. В данном случае можно говорить о непроизвольности и спонтанности их выбора.

Становление новой антропоцентрической парадигмы, позволяющей исследовать многие процессы с точки зрения «человеческого фактора», ставит новые задачи для исследователей. В этом плане пристального внимания ученых требуют когнитивные аспекты экспрессивности. Являясь основой когнитивности, информативная и экспрессивная функции языка противопоставлены друг другу. Информативность подразумевает систематичность, логичность, унификацию, дискретность, правильность, в то время как экспрессивность имеет в виду маркированность, недискретность, нестандартность, нарушение, нелогичность. Несмотря на такую антиномию, два этих компонента успешно «сосуществуют» и, более того, «сотрудничают», продвигая акт коммуникации.

Часто эмотивный компонент играет более важную роль в освоении информации, чем предметно-содержательный. Языковая экспрессивность, являясь репрезентацией реальных эмоций в сознании человека, связана с процессами концептуализации и категоризации. Концептуализация приводит к порождению новых смыслов, а также образованию концептов как содержательных оперативных единиц знания (или концептуальных структур) и всей концептуальной системы человека.

Следует отметить, что сознание человека оценивает и концептуализирует объекты действительности по степени важности их признаков для той или иной ситуации и создает значения с большей или меньшей степенью выраженности их признаков.

Окказиональные сращения, значения которых обусловлены исключительно замыслом автора, материализуются в языке на уровне индивидуального фрейма. При восприятии окказионального сращения индивидуальный фрейм его значения может варьировать в соответствии с когнитивным опытом каждого человека. При распознавании контаминаций активизируются ассоциации и смыслы культурной памяти, что оправдывает прагматические установки их создателей. Следующие примеры сращений К. Мелихана являются результатом окказионального творчества и наполнены целым рядом легко распознаваемых другими смыслами: *Пни недели: поневольник, вздорник, череда, чертверх, потница, своббота, раскисень (два последних – буходные, остальные – трудни). Календурь: Пьянварь, Фигвраль, Кошмарт, Сопрель, Сымай, Теплонь, Жарюль, Августь, Свистябрь (Слюнтябрь), Моктябрь, Гноябрь, Дубабр.*

Производство подобных окказионализмов-блендов чрезвычайно ярко отражает намерение автора, связано с суждением об объекте и акцентуации его некоторых свойств и признаков. Такие единицы легко воспринимаются, и авторские интенции легко распознаются читателем. Концептуальная структура лежит в основе семантики

производного слова и имеет вид пропозиции. Е. С. Кубрякова утверждает, что «словообразовательные модели разного типа можно рассматривать как формулы регулярной свертки пропозициональной структуры», актуализируемой производными словами¹¹. У большинства словообразовательных моделей есть сходные модели в системе репрезентации знаний.

По Бахтину, говорящий человек – это человек творящий, поскольку процесс словотворчества предполагает не только поиск наиболее подходящих замыслу высказывания существующих лексических единиц, но и создание новых. Даже в самой свободной, непринужденной беседе мы не всегда можем найти подходящие нашим замыслам и целям словесные средства и вынуждены в рамках заданных языком правил создавать слова, наиболее аутентичные той или иной ситуации общения.

Известными творцами новых слов были В. Хлебников, Л. Кэрролл, В. Гершуни, Вяч. Иванов, А. Белый, З. Гиппиус. В их окказионализмах сконцентрированы разные смыслы и образность. Такие слова представляют собой не просто языковые единицы, но литературные изыски.

Русские писатели и поэты рубежа XIX–XX вв. остро ощущали кризис эпохи. Рупором их надежд на новую жизнь становится новое слово. Слово как таковое в их текстах лишается ореола неприкосновенности. Его можно дробить, изменять любыми способами, переименовывать, создавать новые комбинации фонем и морфем. Всем известно, что В. Хлебников появился под призыв бросить Пушкина с корабля современности. Он отказывается от гармонического литературного языка. Он отказывается от всех правил синтаксиса, морфологии и словообразования. Он создает свои законы, неподвластные воображению. Он творит язык заново, по-своему, не подражая никому. В. Хлебников даже считал, что «произведение могло состоять из одного слова»¹². Действительно, в одном слове С. Салтыкова-Щедрина «благоглупость» присутствуют и объединение смыслов (концептуальный блендинг), и выраженное отношение автора, и стилистическая образность (совместимость несовместимого – оксюморон). Какие ассоциации и чувства у нас вызывают авторские бленды – «благовестительство» А. Белого, «злопыхатель» М. Салтыкова-Щедрина, «словязь» В. Гершуни, «истинолюб» В. Хлебникова, «речепис», «рабдень», «благомыслие», «злосекс» Дж. Оруэлла?

Несомненно, такие слова содержат дополнительные регистры смыслов и их восприятие требует большой мыслительной и художественной культуры. Более того, сталкиваясь с такого рода лексическими образованиями, читатель задумывается об авторе, его чувствах и желаниях. Эти слова, не зарегистрированные словарями, и есть в некотором роде путь к самоидентификации.

Производность как фактор и результат дериивационных процессов является важной когни-

тивной характеристикой производных единиц вне зависимости от ее формальной выраженности. В когнитивно-лингвистическом отношении безаффиксальные способы словообразования, так же как и аффиксальные, требуют от субъекта применения знаний о реальной действительности. Новое именование всегда мотивировано своими отношениями с денотатом. Таким образом, производность отражает признак двойной референции, а именно к языку и к реальной действительности, рефлексирова отношения не только производящей основы и производного, но и их денотатов. Вслед за Е. С. Кубряковой мы полагаем, что новая номинативная единица языка (вне зависимости от выраженности словообразовательного формата) создается прежде всего в когнитивных целях, то есть для «объективации и последующей фиксации в языке определенной структуры знания или отражения и оценки определенного фрагмента мира»¹³.

Актуальной задачей настоящего этапа в исследовании словообразовательного моделирования является поиск определенных корреляций между концептуальными и языковыми структурами, поэтому представляется необходимым показать, что за внешней достаточно экономной организацией особого рода конструкций – производных единиц в общем и контаминаций в частности – стоит внутреннее богатство совмещенных ментальных пространств. Тенденция к языковой экономии рассматривается как важнейший фактор языковой эволюции. Аналитические тенденции на морфологическом уровне могут считаться результатом закона лингвистической экономии. В языке возникает все большее количество сокращенных лексических единиц – аббревиатур, усечений, контаминаций, слов с неполной морфологической структурой – или сложных слов (более экономных, чем словосочетания).

Описываемые производные единицы формируются в качестве однословных мотивированных знаков, которые становятся более удобными для коммуникации благодаря своей семантической лаконичности и емкости. В качестве иллюстрации можно рассмотреть слово «рейганомика». Даже без контекста становится понятным его значение. Отсутствие такой лексической единицы обусловило бы употребление только описательной развернутой конструкции. Новая единица является более компактной и отвечает дискурсивным требованиям, например: «Надо сказать, что по соседству с нами жили в основном водители автобусов, полицейские, работники автозаправок и матери-одиночки, получающие пособие, – в общем, сплошной пролетариат, который “рейганомика” прижала к ногтю» (курсив наш. – Л. А.)¹⁴. По аналогии образованы «клинтономика», «обаманомика», «путинономика».

Деривационные процессы занимают одно из ключевых мест в процессе познания мира через единицы естественного языка, и само «словообразование следует рассматривать как систему обеспечения потребностей в выделении и фиксации особых структур (ментальных репрезентаций опыта и знаний человека), т. е. “упаковки” в языковые формы, отвечающие определенным формальным и содержательным требованиям»¹⁵. По мнению Е. С. Кубряковой, «в компетенцию словообразования входит его участие в формировании языковой картины мира, в актах категоризации, в процессах когнитивной обработки поступающей к человеку информации»¹⁶.

В результате протекания познавательных процессов язык постоянно обогащается и развивается, а продуцирование дериватов в общем и контаминаций в частности прежде всего обуславливает закрепление человеческого опыта, что приводит к отражению в словообразовательных единицах когнитивных итогов осмысления мира как языковой личностью, так и целым языковым сообществом.

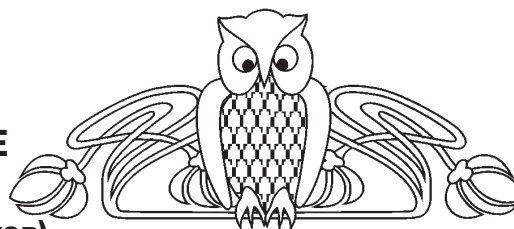
Примечания

- ¹ Болдырев Н. Функциональная категоризация английского глагола. М., 2009. С. 17.
- ² Бабина Л. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи : монография. Тамбов ; М., 2003. С. 4.
- ³ Леонтьев А. Деятельность и сознание // Вопр. философии. 1972. № 12. С. 134.
- ⁴ Цит. по: Stockwell R., Minkova D. English Words : History and Structure // Cambridge University Press. 2001. P. 6.
- ⁵ См.: Хрущева О. Блендинг в системе словообразования // Вестник ОГУ. 2009. № 11(105). С. 96.
- ⁶ Там же. С. 97.
- ⁷ См.: Fauconnier G. Conceptual Integration (2001). URL: <http://www.ifi.unizh.ch/ailab/people/lunga/Conferences/EDEC2/invited/FauconnierGilles.pdf> (дата обращения: 15.03.2011).
- ⁸ Лейчик В. Люди и слова : Как рождаются и живут слова в русском языке. М., 2009. С. 86.
- ⁹ Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 268.
- ¹⁰ Там же. С. 264.
- ¹¹ См.: Кубрякова Е. Язык и знание. На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. С. 412.
- ¹² Григорьев В. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М., 1986. С. 171.
- ¹³ Кубрякова Е. Указ. соч. С. 521.
- ¹⁴ Хоссейни Х. Бегущий за ветром. М., 2008. С. 156.
- ¹⁵ Кубрякова Е. Указ. соч. С. 393–394.
- ¹⁶ Там же.

УДК 811.161.1'373.23'25+811.111'373.23'25

ПРОБЛЕМЫ КОНТРАСТИВНОГО АНАЛИЗА СЕМАНТИКИ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ В СВЕТЕ АСПЕКТНОГО ПОДХОДА К ЕЕ ОПИСАНИЮ (на материале русского и английского языков)

Е. А. Маклакова

Воронежская государственная лесотехническая академия
E-mail: elena.maklakova5@mail.ru

Целью данного исследования является определение национальной специфики семантики наименований лиц русского языка и их переводных соответствий в английском языке посредством применения контрастивной методики. Исследование наименований лиц осуществляется в русле аспектного подхода к их семантике на уровне микрокомпонентов значения в процессе описания денотативного, коннотативного и функционального макрокомпонентов значения. Результаты подобных исследований могут быть использованы для создания контрастивных словарей нового типа.

Ключевые слова: наименования лиц, макро- и микрокомпоненты значения, денотативные, коннотативные и функциональные семы, контрастивный анализ.

Problems of Contrastive Analysis of Persons' Nomination Semantics in the Light of Aspect Approach to its Description (on the Material of the Russian and English Languages)

Е. А. Maklakova

The aim of this research is to determine the national specific features of the semantics of persons' nominations in the Russian language and their corresponding English translations via contrastive method application. The present research of persons' nominations is performed within the aspect approach to their semantics on the level of micro components of their meaning in the process of denotative, connotative and functional macro components' description. The results of similar researches may be used in compiling a new type of contrastive dictionaries.

Key words: persons' nominations, macro and micro components of the meaning, denotative, connotative and functional semes, contrastive analysis.

Вопросы, связанные с выделением семантических признаков разного уровня абстракции и имеющих разный удельный вес в семантике слова, а также с их обобщенным обозначением в плане соотношения друг с другом в виде структуры «сем, репрезентирующих в речи отдельные когнитивные признаки»¹, привлекают внимание многих лингвистов. В этой связи весьма востребованны и актуальны исследования, осуществляемые по контрастивной методике с целью выявления и описания национально-специфических особенностей структуры семантики номинативных языковых единиц таких авторов, как Б. Харитонова, И. П. Зленко, Н. М. Репринцева, В. В. Поталуи, Т. А. Чубур, Л. И. Зимица, Н. В. Проценкова,

Л. В. Лукина. Однако объект данного исследования – наименования лиц, которые входят в основной словарный состав русского языка и рассматриваются нами как лексико-фразеологическое поле в его системе, – несмотря на высокую частотность употребления, остаётся в этом плане недостаточно исследованным.

Общеизвестно, что составными макрокомпонентами семной структуры наименований лиц являются денотативный, коннотативный и функциональный, каждый из которых характеризуется соответствующим составом семантических признаков и описывается по принятой в контрастивной лингвистике регламентации. Для выявления особенностей семантики наименований лиц на уровне сем успешно применяются аспектный подход или поэтапное описание и контрастивное сопоставление их семных структур по отдельным макрокомпонентам значения, что подтверждается результатами исследований, которые изложены в ранее опубликованных работах автора по этому вопросу. Выявлен следующий порядок описания семантики наименований лиц с использованием специально разработанного в данном исследовании метаязыка описания:

а) денотативный макрокомпонент значения: архисема (лицо/совокупность лиц), признак пола (мужской/женский пол), интегральный признак тематической группы, близкие к ядру или яркие дифференциальные признаки;

б) коннотативный макрокомпонент значения: оценочный (неоценочное/одобрительное/неодобрительное) и эмоциональный (неэмоциональное/положительно-эмоциональное: ласкательное, шутовское и т. п. / отрицательно-эмоциональное: презрительное, уничижительное и т. п.) признаки;

в) функциональный компонент значения: стилистический (межстилевое/книжное/разговорное/сниженное), социальный (общенародное/социально ограниченное: техническое, студенческое, юридическое и т. п.), темпоральный (современное/новое/устаревающее/устаревшее), территориальный (общераспространенное/территориально ограниченное: южное, британское и т. п.) и частотный (высокоупотребительное/употребительное/малоупотребительное/неупотребительное) признаки, а также вероятностные признаки «политкорректность» и «тональность общения», порядок описания которых предложен и обоснован автором исследования в монографии «Наименования лиц в русском и английском языках»². Например:

пассажир = *passenger*

лицо
 мужской или женский пол
 совершает поездку на одном из видов транспорта
 при этом не управляет средством передвижения и не работает на нем
 неоценочное
 неэмоциональное
 межстилевое
 общенародное
 современное
 общераспространенное
 употребительное

лицо
 мужской или женский пол
 совершает поездку на одном из видов транспорта
 при этом не управляет средством передвижения и не работает на нем
 неоценочное
 неэмоциональное
 межстилевое
 общенародное
 современное
 общераспространенное
 употребительное

виртуоз = *virtuoso*

лицо
 мужской или женский пол
 в совершенстве владеет техникой своего искусства
 обычно музыкант
 одобрительное
 неэмоциональное
 межстилевое
 общенародное
 современное
 общераспространенное
 употребительное

лицо
 мужской или женский пол
 в совершенстве владеет техникой своего искусства
 обычно музыкант
 одобрительное
 неэмоциональное
 межстилевое
 общенародное
 современное
 общераспространенное
 употребительное

В случае если в раздельном описании семантических макро- и микрокомпонентов у членов подобных пар межъязыковых соответствий никаких различий не выявляется, то описание можно оформить следующим образом:

варяг-1 = *Varangian*

лицо, мужской пол, родом из Скандинавии, участвовал в морских завоевательных походах в Европе и на островах Северной Атлантики; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, историческое, древнерусское, малоупотребительное.

соотечественник = *fellow-countryman*

лицо, мужской пол, родом из одной с кем-либо страны; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное;

социолог-1 = *sociologist*

лицо, мужской/женский пол, обладает специальными знаниями в области социологии; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное;

француженка-1 = *Frenchwoman*

лицо, женский пол, принадлежит к народу, составляющему основное население Франции / проживает во Франции / родом из Франции / имеет гражданство Франции / говорит на французском языке; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное;

чукча-1 = *Chukchiman*

лицо, мужской пол, принадлежит к народу, составляющему основное население Чукотской и Корякской автономных областей РФ / проживает / родом из Чукотской или Корякской автономной области / говорит на чукотском языке; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

Принципы семного описания фразеологических сочетаний для контрастивного сопоставления единиц исходного языка с их переводными соответствиями в другом языке идентичны тем, которые применяются при описании семантики лексических единиц. Фразеологические пары переводных эквивалентов, сопоставленные методом контрастивного анализа на уровне макрокомпонентов значения, а именно денотативном,

коннотативном, функциональном, фиксируются при описании их семантики следующим образом:

ранняя птичка = an early bird

лицо, мужской/женский пол, рано принимается за работу, отличается удачливостью; одобрительное, положительно-эмоциональное; межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное;

столп общества = a pillar of the society

лицо, мужской/женский пол, чьи заслуги в какой-либо общественной деятельности высоко оцениваются окружающими;

одобрительное, неэмоциональное; высокое, общенародное, устаревающее, общераспространенное, малоупотребительное;

синий чулок = a blue stocking

лицо, женский пол, лишена женственности, всецело поглощена научными интересами; неодобрительное, ироничное; межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное;

Иванов, Петров, Сидоров = Brown, Jones, Robinson

совокупность лиц, мужской пол, простые рядовые жители страны;

неоценочное, неэмоциональное; разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное;

Фома неверующий = a doubting Thomas

лицо, мужской пол, отличается крайней недоверчивостью, упорно сомневается в наличии чего-л.; неодобрительное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное;

восходящее светило = rising star

лицо, мужской/женский пол, начинает приобретать славу, известность в какой-либо сфере деятельности;

одобрительное, восторженное; межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

Интегральные семы принадлежности к тематическим группам формулируются и унифицируются в процессе дефиниционного анализа семантики наименований лиц и имеют следующий вид: какого-л. возраста; приходится каким-л. родственником по отношению к кому-л.; принадлежит к какому-л. народу; проживает/родом из какой-л. местности; связан какими-л. неродственными отношениями с кем-л.; характеризуется чем-л.; занимается какой-л. деятельностью профессионально; увлекается чем-л.; проходит курс обучения чему-л.; вступает в правовые отношения с кем-л.; придерживается взглядов какого-л. учения и т. п.

Семантические признаки, составляющие структуру описываемой семемы, помимо интегрального признака принадлежности к тематической группе, причисляются к дифференциальным признакам и рассматриваются в процессе контрастивного сопоставления в качестве базовой основы для выявления национальной специфики семантики наименований лиц одного языка на фоне другого (выделены жирным шрифтом):

прохожий – passer-by

лицо
мужской пол
проходит мимо кого-либо
 случайно
незнакомый
 неоценочное
 неэмоциональное
 межстилевое
 общенародное
 современное
 общераспространенное
 употребительное

лицо
мужской или женский пол
проходит/проезжает мимо кого-/чего-л.
 случайно
0
 неоценочное
 неэмоциональное
 межстилевое
 общенародное
 современное
 общераспространенное
 употребительное

пленник-1 – captive

лицо
мужской пол
 находится в плену
0
 неоценочное
 неэмоциональное
высокое

лицо
мужской или женский пол
 находится в плену
особенно в период военных действий
 неоценочное
 неэмоциональное
межстилевое

общенародное
современное
общераспространенное
употребительное

общенародное
современное
общераспространенное
употребительное

пленник-1 – prisoner

лицо
мужской пол
находится в плену
неоценочное
неэмоциональное
высокое
общенародное
современное
общераспространенное
употребительное

лицо
мужской или женский пол
находится в плену
неоценочное
неэмоциональное
межстилевое
общенародное
современное
общераспространенное
употребительное

пленник-2 – prisoner

лицо
мужской пол
находится во власти чего-л. (идей, чувств)
неоценочное
неэмоциональное
высокое
общенародное
современное
общераспространенное
употребительное

лицо
мужской или женский пол
находится во власти чего-л. (идей, чувств)
неоценочное
неэмоциональное
межстилевое
общенародное
современное
общераспространенное
употребительное

При описании денотативного макрокомпонента значения нельзя обойти вниманием *номинативную дублетность*, которая выражается в вариативности наименований лиц, обусловленной отношением говорящего к их носителю или социальными факторами. Её основой является обозначение одного и того же индивида разными стилистически равноправными вариантами наименований при единстве их денотативной соотнесенности:

бабуля = бабулька = бабуся = бабуня – лицо, женский пол, зрелого/пожилого возраста, имеет внуков, ср.: *nan = nannu*;

молокосос = сосунок 2 зн. – лицо, мужской пол, очень молодого возраста, отличается неопытностью/неумением что-либо делать, ср.: *greenhorn, sucker*;

чужеземец = чужестранец – лицо, мужской пол, является подданным другой страны, приехал из другой страны, ср.: *foreigner; barbarian*.

Следующие равнозначные по архисеме, семе пола, интегральной семе темгруппы наименования лиц различаются дифференциальными семами конкретизирующего характера, что в плане контрастивного анализа имеет существенное

значение в процессе выявления их переводных соответствий в английском языке:

нюня – лицо, мужской/женский пол, плакси-вый, бесхарактерный, ср.: *sniveller*;

плакса – лицо, мужской/женский пол, плаксивый, обычно о ребенке, ср.: *cry-baby*;

нытик – лицо, мужской/женский пол, плаксивый, всегда и на все жалуется, ср.: *moaner; whinger*.

Для лексем с составом производящей и производной семем характерны как сохранение структуры семемы исходного прототипа во вновь образованном значении, так и актуализация в нем дифференциальных сем с различными семными конкретизаторами:

подруга

семема-1 – лицо, женский пол, состоит с кем-либо в дружеских отношениях, ср.: *girlfriend, partner*;

семема-2 – лицо, женский пол, состоит с мужчиной в любовных отношениях, ср.: *lady-friend, girl*;

ребенок

семема-1 – лицо, мужской/женский пол, детского/отроческого возраста, ср.: *child, little boy/girl*;

семема-2 – лицо, мужской/женский пол, детского/отроческого возраста, сын/дочь по отношению к своим родителям, ср.: *little son/daughter*. Актуализация в производной семеме некоторого периферийного признака и гашение признака принадлежности к тематической группе могут служить основой для превращения наименований лиц, служащих для обозначения одного родового значения, в наименования лиц для обозначения разновидности другого рода:

женех

семема-1 – лицо, мужской пол, имеет невесту, вступает в брак в настоящий момент, ср.: *bridegroom*;

семема-2 – лицо, мужской пол, имеет невесту, намеревается вступить в брак через какой-то промежуток времени, ср.: *fiancé* – темгруппа: наименования лиц по семейному положению;

семема-3 – лицо, мужской пол, достиг/почти достиг брачного возраста; *безэквивалентное* – темгруппа: наименования лиц по возрастному признаку.

Когда семантический объем производного значения наименования лица оказывается меньше семантического объема производящего значения за счет включения в его семантическую структуру некоторых компонентов видового, стилистического или эмоционального характера, отмечается *сужение значения*. В этом случае наблюдается замена родового, стилистически немаркированного наименования лица наименованием лица стилистически маркированного характера:

защитник

семема-1 – лицо, мужской или женский пол, защищает кого-/что-либо от нападения, отстаивает что-либо, ср.: *defender, protector, supporter* – общенародное;

семема-2 – лицо, мужской или женский пол, отстаивает интересы обвиняемого в суде; ср.: *lawyer, advocate* – юридическое;

семема-3 – лицо, мужской пол, играет в футбольной, хоккейной и т. п. команде, защищает участок поля, ср.: *full-/half-back* – спортивное.

При фиксации *расширения значения* семантический объем производного наименования лица оказывается больше семантического объема производящего значения за счет усиления сем, обладающих более высоким уровнем абстракции, и гашения ряда дифференциальных сем, входящих в семантику производящего наименования:

дублер

семема-1 – лицо, мужской пол, занимается исполнительской деятельностью, заменяет основного исполнителя, ср.: *double, stand-in* – профессиональная деятельность в сфере искусства;

семема-2 – лицо, мужской пол, занимается исполнительской деятельностью, воспроизводит речевую часть звукового фильма при переводе на другой язык, ср.: *a person who dubs the film* – профессиональная деятельность в сфере киноискусства;

семема-3 – лицо, мужской пол, занимается одной и той же деятельностью параллельно с кем-либо, заменяет его в случае необходимости (*космонавт-дублер*), ср.: *stand-in, backup* – профессиональная деятельность в какой-либо сфере.

Отношения внеположенности между денотативными компонентами значения обуславливают смену дифференциальных сем и сопровождаются переносом одного видового наименования на другое в пределах одной темгруппы:

биолог (физик, историк, математик)

семема-1 – лицо, мужской/женский пол, обладает специальными знаниями в области биологии, ср.: *biologist*;

семема-2 – лицо, мужской/женский пол, обладает специальными знаниями в области биологии, преподает биологию в школе, ср.: *a teacher of Biology*;

семема-3 – лицо, мужской/женский пол, изучает биологию на биологическом факультете университета, ср.: *a student of Biology*.

Семантическое смещение выражается в смене принадлежности наименования лица к темгруппе вследствие использования языковой единицы с нетрадиционным для него логико-предметным содержанием. Наиболее рельефно данное явление, приводящее к образованию коллоквиальных значений, прослеживается в трансформации семы «родственные отношения» в сему «возрастные отношения», в частности: *дедушка/бабушка* как «лицо, мужской/женский пол, по отношению к своим внукам» трансформируются в «лицо, мужской/женский пол, преклонного возраста»; *отец/мать* как «лицо, мужской/женский пол, по отношению к своим детям» используются в неофициальном общении в значении «лицо, мужской/женский пол, старшего возраста»; *сын/дочка* как «лицо, мужской/женский пол, по отношению к своим родителям» интерпретируются в сфере неофициальной коммуникации как «лицо, мужской/женский пол, младшего возраста»; *брат/сестренка* как «лицо, мужской/женский пол, по отношению к другим детям одних и тех же родителей» трансформируются в разговорной речи в наименования со значением «лицо, мужской/женский пол, одного с номинатором возраста». При семантически смещенном употреблении наименований лиц, используемых первоначально для обозначения, например, объектов по «социальной принадлежности» происходит их перемещение из сферы социальной стратификации в темгруппы «любимое занятие / увлечение», «характерные качества»:

король → лицо, мужской пол, является самым лучшим среди других, достиг совершенства в чем-либо, ср.: *король экрана, король вальса, the King of Rock 'n' Roll*;

рыцарь → лицо, мужской пол, увлеченно занимается чем-либо, ср.: *рыцарь справедливости и правды, рыцарь плаща и кинжала, a knight in shining armour*;

раб → лицо, мужской пол, полностью подчиняется каким-либо обстоятельствам, ср.: *раб моды, раб привычек, a slave to fashion*.

Свойственные энантиосемическим номинативным языковым единицам *отношения контрадикторности* можно интерпретировать как наличие в их семном составе таких сем, которые способны в условиях иного контекста трансформироваться во взаимоисключающие семы, выражающие полярно противоположные признаки, например:

потребитель

семема-2 – лицо, мужской пол, потребляет продукты какого-либо производства, ср.: *consumer, user* – потребление рассматривается как процесс имущественно-правовых отношений в обществе;

семема-3 – лицо, мужской пол, стремится только к удовлетворению своих потребностей, ничего не производит сам, ср.: *parasite, hanger-on* – потребление рассматривается как односторонний процесс получения благ без усилий и затрат.

Особенность семантики анализируемых языковых единиц связана с тем, что они являются продуктом речи, что диктует необходимость их рассмотрения не только с позиций внутренней структуры значения, но и в совокупности с процессами их функционирования. При анализе семантики таких речевых единиц на первый план выступают «отношения обозначения, то есть отношения между знаком и денотатом»³. Такие отношения непостоянны, поскольку один и тот же денотат может получить в речи разное обозначение исходя из разных его аспектов. Особенность смысловой структуры исследуемых наименований лиц обуславливается также тем, что «как словам производным, им присуща двойная референция: к миру действительности и к миру слов»⁴. Причем элементы внеязыкового ряда достаточно активно участвуют в выполнении данными номинативными единицами их коммуникативного предназначения.

Денотативный макрокомпонент значения устойчивых словосочетаний и фразеологических оборотов, служащих для обозначения наименований лиц, характеризуется сложными взаимоотношениями сем, что не исключает возможности контрастного анализа его структуры по применяемой выше схеме. Согласно данным компонентного анализа, формирование семантики подобных языковых единиц происходит при «перераспределении семных ролей» на разных основаниях (различительная сила микрокомпонента в переходном значении, степень его яркости, характер содержания) и реализуется в метафорическом или метонимическом переносе значения:

животное → человек – *ломовая лошадь*, ср.: *a willing horse* – лицо, мужской/женский пол, выполняет самую тяжелую, трудоемкую работу;

артефакт → человек – *огородное пугало*, ср.: *scarecrow* – лицо, мужской/женский пол, отличается некрасивой внешностью, безобразной одеждой;

растение → человек – *старый мухомор*, ср.: *old*

fogey, old fart – лицо, мужской пол, преклонного возраста, отличается дряхлостью;

голос человека → человек, обладающий таким голосом – *альт = alto, тенор = tenor, сопрано = soprano*;

часть тела человека → человек – *душа моя*, ср.: *dear heart* → лицо, мужской/женский пол, близкое кому-либо, любимое кем-либо;

борода, ср.: *a bearded man* → лицо, мужской пол, носит бороду.

К формам проявления национальной специфики фразеологической семантики относятся различия по *фразеологическому образу* при семантической эквивалентности фразеологических единиц, например: *пуганая ворона* (куста боится) ≈ *a burnt child* (dreads the fire) (обжогшийся ребёнок боится огня); *последняя стица в колеснице* ≈ *a tiny cog in the machine* (крошечный зубец в машине); *от горшка два вершка* ≈ *knee-high to a grasshopper* (по колено кузнечнику) и т. д. Подчеркнем, что актуализированные в переносном значении семы зачастую имплицированы в семантике первичного значения, находясь на периферийном уровне. При переосмыслении новому наименованию лица приписываются признаки, характеризующие первичный объект номинации, а семы, указывающие на некоторое тождество производящей и производной семем, выступают семантической доминантой в структуре вновь образованного значения.

Анализируя описание и специфику коннотативного макрокомпонента значения, отметим, что номинация в сфере наименований лиц характеризуется ярко выраженной прагматической направленностью, проявляющейся в способности данных языковых единиц отражать в своей семной структуре «информацию об эмоциональном отношении к обозначаемому предмету или явлению»⁵ или «антропометрическое субъективно-оценочное отношение, основанное на эмоциональном осознании определенных квазистереотипов»⁶. Оценочная коннотативная характеристика обычно проявляется в двух полярных направлениях (мелиорация и пейорация) или остается нейтральной. В группах наименований лиц общего инвективного или общего мелиоративного характера денотативные и коннотативные оценочные семы могут быть равнозначными: *негодяй, мерзавец, гад, ничтожество, исчадие ада, сукин/собачий/чертов/курицын сын, старый сын – scoundrel, rogue, villain, bastard, fiend, nonentity, heel, son of a bitch* – «отличается крайне негативными качествами» и «неодобрительное»; *маг и волшебник, рыцарь без страха и упрёка, звезда первой величины, совершенство, идеал, уникал – a wonder of efficiency, miracle-worker, a knight without fear and without reproach, star of the first magnitude* – «отличается исключительно положительными качествами» и «одобрительное».

Амбивалентность коннотативной оценки, обусловленная коммуникативной направленно-

стью, выявляется в виде следующих оценочных коннотативных сем в структуре исследуемых полисемантических лексем:

мудрец

семема-1 – наделен способностью глубокого мышления, *неоценочное*, ср.: *sage*;

семема-3 – прибегает к хитрости, уловкам для достижения чего-либо, *неодобрительное* – безэквивалентное;

умник

семема-1 – толковый, умный, *неоценочное* – безэквивалентное;

семема-2 – считает себя умнее других, *неодобрительное*, ср.: *smart alec*;

семема-3 – допустил грубый промах, что-то не учел, *неодобрительное*, ср.: *smarty-pants*.

Эмоция может быть описана с учетом словарных дефиниций более разнообразными по сравнению с коннотативной оценкой семемами, что весьма существенно при выявлении национальной специфики семантики в русско-английских контрастивных парах:

девочка, ср.: *girl, lass, colleen* – неоценочное, неэмоциональное;

кумушка семема-2, ср.: *gossip* – неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;

бабник = *ladykiller* – неодобрительное, пре-небрежительное;

благоверная = *better half* – одобрительное, шутливое;

муженек = *hubby* – одобрительное, ироничное.

Анализ эмоционально-оценочных единиц показал, что они могут характеризоваться разной сочетаемостью сем эмоциональности и оценочности в семных структурах, в чем, однако, выявляются две основные разновидности. Например, наименования лиц с совпадающей эмоциональной и оценочной семантикой – *согласованная коннотация*: *возлюбленная*, ср.: *ladylove* неоценочное, неэмоциональное (0); *деревенщина*, ср.: *bumpkin* неодобрительное, пренебрежительное (–); *старушонка*, ср.: *crone* неодобрительное, презрительное (–); наименования лиц с несовпадающей эмоциональной и оценочной семантикой – *несогласованная коннотация*: *мальш*, ср.: *kiddy, tad* неоценочное (0), положительно-эмоциональное (+); *девчушка* = *little girl* неоценочное (0), уменьшительно-ласкательное (+); *паренек*, ср.: *laddie / laddy* неоценочное (0), ласкательное (+).

Добавим, что русский язык имеет исключительно богатый репертуар способов выражения эмоций для придания особой выразительности межличностным отношениям, например: *матушка*, ср.: *mother* (мать); *гражданочка*, ср.: *madam* (форма обращения); *старикашка*, ср.: *(little) old man* (маленький старый человек); *бабенка*, ср.: *woman* (женщина); *пьянчужка*, ср.: *sot* (пьяница); *дамочка*, ср.: *lady* (дама); *девка*, ср.: *girl* (девушка); *дуреха*, ср.: *fool* (дура); *дурачина*, ср.: *fool* (дурак); *постреленок*, ср.: *imp* (чёртёнок). Эмотивность подобных наименований лиц становится особенно

очевидной при их сопоставлении с коннотативно-нейтральными соответствиями, характеризующимися идентичным описанием денотативного макрокомпонента значения. При контрастивном анализе русских семем с тождественным описанием денотативного компонента значения и их векторных переводных соответствий в английском языке выявляются различия на уровне сем, позволяющие констатировать наличие и своеобразии национальной специфики коннотативной семантики в двух лингвокультурах. Исследование коннотативного макрокомпонента значения позволяет выявить, какие признаки этического и эстетического плана являются доминантными в русскоязычном обществе, и зафиксировать национальную специфику семантики русской лексики на фоне английского языка.

Исследование проблем описания функционального макрокомпонента значения наименований лиц основано на том, что «язык каждого человека и, в первую очередь, его словарь испытывает влияние среды»⁷. Функциональная специфика «отражает различия между единицами двух языков, связанные с исторически сложившимся местом единиц в языковых системах»⁸. Соответственно, несовпадение функциональных сем у членов контрастивных пар правомерно относится к национальной специфике семантики русских и английских наименований лиц. По результатам контрастивного сопоставления большинство переводных соответствий, именуемых приблизительно стилистические, социальные, темпоральные, территориальные или частотные признаки, описываемые функциональными семемами:

австралиец (межстилевое, общераспространенное) – *osker* (разговорное, австралийское/новозеландское), *жена* (современное) – *missus* (довольно устаревшее), *жена* (общенародное) – *help-mate* (чаще библейское), *ябеда* (разговорное, общераспространенное) – *telltale* (межстилевое, британское) – *tattletale* (межстилевое, американское).

Примерами семантической национальной специфики на уровне функционального макрокомпонента значения могут также служить следующие пары фразеологических соответствий: *большая шишка* (разговорное, общераспространенное) ~ *big wheel / big cheese / gun / shot* (сленговое, американское); *дражайшая половина* (женский пол) ~ *my better half* (мужской или женский пол); *жрец науки* (высокое, малоупотребительное) ~ *a high priest of science* (разговорное, употребительное); *человек не на своём месте* (межстилевое) ~ *a round peg in a square hole* (круглая затычка в квадратной дыре, разговорное); *все без исключения* (межстилевое) ~ *every man Jack* (каждый Джек, разговорное).

Добавим, что определенные наименования лиц отличаются семантическим признаком, который выявляет их принадлежность к лексике,

имеющей различную степень коммуникативного показания/противопоказания для общественной речевой деятельности: *mulat* – *mixed race* политкорректное, *mulatto* неполиткорректное, *coloured* крайне неполиткорректное; *полицейский* – *police officer* политкорректное, *policeman* неполиткорректное, *лысый* – *hair-disadvantaged* неполиткорректное, *bold* неполиткорректное. На наш взгляд, необходимо ввести специальную словарную помету и использовать ее при описании подобного функционального признака. Также при контрастивном описании функционального макрокомпонента значения ряда наименований лиц, которые предназначены для оказания воздействия на собеседника, целесообразно использовать другую новую помету, фиксирующую признак *тональность общения*, для выявления стремления говорящего продемонстрировать уважение или неуважение к слушающему, доброжелательное или недоброжелательное отношение к его личности, тем самым поддержать или прекратить межличностное общение, например: *пьяница* тонально-нейтральное – *an old soak* часто фамильярно-дружеское, *piss artist* оскорбительное, *pisshead* тонально недопустимое. Выбор подобных единиц языка может быть обусловлен рядом причин, среди которых следует отметить культурно-исторические особенности народа – носителя языка в целом, принадлежность личности к определенной социальной группе, личностные качества человека, что, таким образом, находит свое отражение в структуре их функционального макрокомпонента значения.

В итоге подчеркнем, что выявление и описание особенностей семантики наименований

лиц одного языка на фоне другого, проводимое в русле аспектного подхода по контрастивной методике, – процесс многогранный, требующий к себе пристального внимания и неразрывно связанный с вопросами специфичности национальных языковых картин мира. Вышеизложенный подход к решению проблем, связанных с исследованием лексического и фразеологического состава двух языков, не только способствует дальнейшему совершенствованию методики описания основных форм проявления национальной специфики семантики русских и английских языковых единиц, но и может иметь прикладное значение при разработке принципов создания контрастивных словарей разных типов и назначений.

Примечания

- 1 Попова З., Стернин И. Лексическая система языка. Воронеж, 2007. С. 35.
- 2 Маклакова Е. Наименования лиц в русском и английском языках (теоретические проблемы описания, контрастивный анализ семантики, национальная специфика). Воронеж, 2009. С. 239–257.
- 3 Гак В. Языковые преобразования. М., 1998. С. 457.
- 4 Кубрякова Е. Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 90.
- 5 Беляевская Е. Семантика слова. М., 1987. С. 50.
- 6 Телия В. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. С. 128.
- 7 Девкин В. Разновидности номинации // Вопр. немецкой филологии. М., 1971. Т. 475. С. 87.
- 8 Стернин И. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. Воронеж, 2004. С. 82.

УДК 811.161.1'373

АНТРОПООРИЕНТИРОВАННОСТЬ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИНТЕНСИВНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А. В. Иванча

Саратовский государственный университет
E-mail: agi@inbox.ru

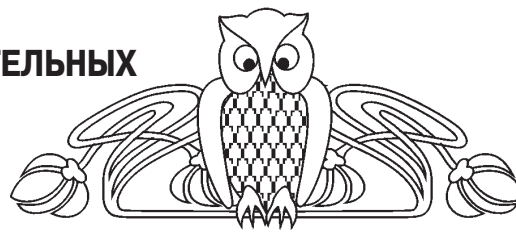
На материале русского языка рассматривается антропоцентричный характер усилительных высказываний с интенсифицирующими прилагательными.

Ключевые слова: категория интенсивности, усилительные прилагательные, антропоцентричность языка.

Anthropocentric Character of Intensifying Adjectives in Russian Language

A. V. Ivancha

Anthropocentric character of the clauses with intensifying adjectives in Russian language is described.

Key words: category of intensity, intensifying adjectives, anthropocentric character of language.

В последнее время в лингвистике резко возрос интерес к когнитивному аспекту анализа языка, раскрывающему специфику языковой картины мира, одной из важнейших черт которой является ее антропоцентричность. Изучение языковой картины мира и взаимоотношений членов триады «язык – мир – человек» находится в центре внимания современной лингвистики. Антропоориентированность языковой картины мира выступает в виде связи «знаний, заложенных в языке, с субъектом восприятия, познания, мыш-

ления, поведения и практической деятельности», проявляется как «преломление реального мира – его видения, понимания и структурирования – в сознании субъекта и фиксирование его в языке в виде субъектно (и этнически) ориентированных понятий, представлений, образов, концептов и моделей»¹.

В рамках новой лингвистической парадигмы, характеризующейся расширением границ лингвистики «в результате привлечения к лингвистическому описанию данных из психологии, культурологи, социологии, философии и ряда других антропоориентированных дисциплин», основная функция языка осмыслена не столько как функция передачи информации и осуществления референции, сколько как функция «ориентации личности в ее собственной познавательной области, то есть язык стал еще больше рассматриваться как система ориентирующего поведения, где коннотация играет решающую роль»².

Одним из направлений этой антропоориентированной функции языка, или иначе, субъективности, внутренне присущей самому процессу пользования языком (по Э. Бенвенисту³), оказывается богатая система средств усиления, интенсификации, активно применяемая носителями разных языков в различных сферах коммуникации. Важная роль среди многообразных средств интенсификации высказывания принадлежит именам прилагательным. Интенсифицирующую функцию выполняют в речи прилагательные не только специализированные на выражении коннотации усиления (собственно усилители типа *большой, высокий, колоссальный* и др.), но и других семантических групп, которые в целом образуют весьма обширную, практически неисчерпаемую область потенциальных усилителей. При этом в одних случаях коннотация усиления выступает как часть метафорических значений прилагательных и зафиксирована в соответствующих словарных дефинициях (ср. *глухой, острый, колючий, колкий* и др.), в других проявляется лишь в речи как окказионально актуализованная имплицитная коннотация прилагательного (ср. *баскетбольный рост, немецкая аккуратность* и др.)

Выступая в качестве средств субъективной характеристики предметов и явлений, прилагательные-интенсификаторы являются показателями подчеркнутой антропоориентированности высказывания; все прилагательные, используемые в функции усиления, имеют ярко антропоцентрическую природу.

Однако мы хотели бы обратить внимание на два конкретных аспекта антропоориентированности интенсифицирующих прилагательных. Во-первых, среди прилагательных с усилительной функцией значительную часть составляют адъективы, содержащие в своей семантике антропоориентированный компонент. Во-вторых, контекстом усилительных прилагательных различной семантики нередко выступают существительные с

антропоцентричной семантикой. Анализ лексико-семантических групп прилагательных, используемых в роли интенсификаторов, показывает, что значительную активность проявляют прилагательные, обозначающие **состояние, качества и поступки человека** (*безжалостный, мучительный, яростный, активный, бывалый, жадный, жестокий, заядлый, кроткий, мужественный, наглый, непреклонный, радостный, радушный, удалой, упорный, царский* и др.). Интенсификаторы этой группы используются как при характеристике лиц, так и в функции средств оценки других референтных сфер – событий, ситуаций, явлений, предметов. Ср.:

Кузя, с недавних пор тоже ставший заядлым картежником, затрусил за ним мелкой рысцой (Д. Емец, 2004);

Завязалась жестокая драка. С громким криком я бросился к дерущимся (В. Запашный, 1998–2004);

«Расследовать запутанные детективные истории», – хотела было выпалить я, но вовремя схватила себя за язык и выдала наглую ложь (Д. Донцова, 2004);

Ирина уже ничего не ждала для себя лично, и в этот момент судьба сделала ей царский подарок (В. Токарева, 2002).

Интенсификаторы с антропоориентированной семантикой также широко представлены в лексико-семантических группах со значением **невозможного/сложного** (*необозримый, непроглядный, нечеловеческий*). Ср.:

Только тут он понял, какая нечеловеческая усталость, боль и страх скопились в его теле (П. Галицкий, 2000);

Фонарь к этому времени уже погас, вокруг царил непроглядная тьма (Л. Юзефович, 2001);

Дом стоял на высоком берегу реки, за рекой открывались необозримые дали (В. Шукшин, 1973).

Основную часть единиц, относящихся к данной группе, составляют прилагательные отпричастного происхождения на *-мый*, семантика которых включает указание на позицию субъекта, действия/состояния (*невообразимый, недопустимый, недостижимый, непереносимый, непобедимый, непробиваемый* и под.). Употребляясь в сочетаниях с существительными различной семантики в функции их интенсификаторов, такие прилагательные своей грамматической формой выражают точку зрения оценивающего описываемую ситуацию субъекта. Например:

Началась невообразимая паника, давка, и именно он вывел налезавших на стены, тыкающихся в углы перепуганных одноклассников – помимо телесной осязательной памяти у него еще как будто сидел в голове компас (П. Алешковский, 1990–1993).

Точка зрения говорящего отчетливо выражена также в разного рода оценивающих прилагательных-интенсификаторах, таких как *гадкий, гнус-*

ный, замечательный, изумительный, прекрасный, ужасный, в прилагательных с семантическим компонентом «редкий», «сверхъестественный» (баснословный, божественный, вопиющий, неслыханный, поразительный и др.), в прилагательных с семантикой «передовой», «лучший» (величайший, достойный, святой, триумфальный, успешный и др.). Ср.:

Инокентьев пришел в двенадцатом часу. Поздравил меня с баснословным успехом: – В один день стать знаменитым и богатым – такое редко бывает, мой друг (Ю. Азаров, 2002);

Хранитель, обладавший отличной памятью, сделал это с изумительной точностью, тем более что некогда ему уже было поручено письменно изложить содержание таких книг (В. Кожевников, 1968);

Основные посты они миновали подземным ходом, но двигаться вперед все равно нужно было с величайшей осторожностью (С. Осипов, 1998).

Особые группы антропоориентированных прилагательных-усилителей образуют единицы со значением **народ, этнос** (народный, немецкий, русский), а также ЛЕ с **прецедентной семантикой** (сократовский, шаляпинский). Выступая в функции усилителей, такие прилагательные актуализируют определенные социокультурные стереотипы, связанные с группами людей или отдельными известными личностями. Ср.:

Поэтому даже здесь, в образцовом лагере, с его немецкой дисциплиной и досаждавшим шефством, особенно в международную смену, находился на особом положении <...> (А. Варламов, 2000);

Это был очень заметный в школе человек, отличавшийся высоченным ростом и мощным шаляпинским басом (Б. Левин, 1995).

Другой аспект антропоориентированности прилагательных-интенсификаторов представлен регулярно интенсифицируемыми ими единицами (контекстом усилительных прилагательных). В абсолютном большинстве случаев экспрессивность и интенсифицирующая функция прилагательных проявляются в сочетаниях с антропоориентированными существительными: *бесконечное уважение, безграничное тщеславие, крайнее невежество, глубокая жалость, бурный восторг, звериная скука* и т. п. В подобных случаях усилительная функция реализуется прилагательными различной семантики при условии употребления их в переносном значении. Ср.:

Я колебался между глубокой жалостью и не меньшей неприязнью к этому хамелеону (Л. Саксон, 2001);

Выразив бурный восторг, Дегтярев схватил стоящую возле его прибора кружку, поднес к губам и вскрикнул <...> (Д. Донцова, 2004);

Да Жуков готов был воевать хоть и еще дальше, как машина, его стратегическая теперь хватка и разогнанная стальная воля даже требовали пицци, помола (А. Солженицын, 1994–1995);

Такое чувство, Виктор Павлович, что ваши хвалители и поклонники оказывают вам медвежью услугу – начальство раздражается (В. Гроссман, 1960).

Метафорическими усилителями существительных с антропоцентрической семантикой, обозначающих чувства, эмоциональные состояния, их проявления, свойства и склад личности, поведение, поступки; черты характера; душевные свойства, их проявления, которые могут быть охарактеризованы по таким чертам, свойствам и др., становятся чаще всего **пространственные** и **темпоральные** прилагательные (крайний, привольный, раздольный, срочный, ежеминутный, безотлагательный и под.) Ср.:

Но, к крайнему изумлению невольного импровизатора, помещик, погода немного, одобрительно потрел его по плечу (А. Сегень, 2002);

<...> амплитудное сжатие, электронное дифференцирование и интегрирование привольной человеческой речи было таким же инженерным издевательством над ней <...> (А. Солженицын, 1990).

Пространственные и временные значения прилагательных в таком употреблении включены в область субъективности, служат выразителями не объективной, а эгоцентрической локативности и темпоральности⁴.

Усилительную функцию в контексте с антропоморфными существительными выполняют также прилагательные, обозначающие отношение к **природным явлениям** (безоблачный, белоснежный, бурный, вихревой, проливной); прилагательные с **количественной семантикой** (грошевый, копеечный, многогранный, многомиллионный, многосторонний, многоэтажный); обозначающие отношение к **животным** (воловоий, волчий, животный, лошадиный, собачий), **материалам** (железный, золотой, каменный, свинцовый, стальной); ЛЕ, характеризующие **физическую форму и физическое состояние** (гибкий, острый, прямой); **артефакты** (фотографический, чернильный, ювелирный); прилагательные с **семантическим компонентом «разнообразный»** (всемерный, всяческий); с **параметрическим значением** (высокий, низкий, тонкий) и др. Ср.:

<...> а были только силуэты домов и башен и колкое звездное небо, поэтому белоснежный капитан с обезьянкой на плече, в сопровождении матросов, тащивших тяжеленный сундук темного дерева <...> (Ю. Буйда, 2003);

И. М. Фейгенберг следующим образом характеризует яркую и многогранную личность <...> (В. Зинченко, 2004);

Я, бахвалился Андрей, что угодно починю, у меня золотые руки (А. Азольский, 1998);

Лучше всех это удалось одному физика, известному своим острым умом и своеобразностью мышления (Д. Гранин, 1966);

Но он, видимо, обладал фотографической памятью, так как через десять-пятнадцать се-

кунд книгу окончательно закрыл и авторитетно заключил <...> (Б. Левин, 1965–1994);

Но я слышал от опытных и заслуживших **всяческое доверие** путешественников, будто у себя на родине вы разводите крепконогих лаек (М. Семенов, 2003);

Возможно, что это так, но, в отличие от Вагнера, их музыка несет нам тепло человеческого сердца, **высокую духовность** и гуманизм (А. Штильман, 2003).

Референциальное многообразие прилагательных, используемых в качестве усилителей антропоморфных существительных, свидетельствует о широком субъективном освоении и присвоении человеком познаваемого им мира. Оба рассматриваемых в статье аспекта антропоцентричности интенсифицирующих прилагательных – регулярное употребление в качестве усилителей прилагательных с антропоморфной семантикой и регулярная интенсификация значений антропоморфных существительных с помощью разнообразных по референции прилагательных – выявляют су-

щественное свойство организации языка/речи, заключающееся в глубокой антропоориентированности человеческой речи и естественного языка.

Примечания

- ¹ Рябцева Н. Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка. М., 2001. С. 38.
- ² Горошко Е. Языковое сознание : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. С. 64.
- ³ См.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 297.
- ⁴ Об эгоцентричности интерпретации времени см., например: Иванова Т. Концепт «время» и языковые модели времени // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Шумен, 2003; Мыркин В. Трудные вопросы немецкой аспектологии и темпорологии. Архангельск, 1993; Карасик В. Языковые концепты как измерения культуры (субкатегориальный кластер темпоральности) // Концепты. Вып. 2. Архангельск, 1997.

УДК 821.161.1.09-1+929

БИБЛЕИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

К. С. Медведчикова

Саратовский государственный университет
E-mail: kseniaksm@rambler.ru

В статье проводится филолого-религиозный и духовно-эстетический анализ произведений, позволяющий на их основе реконструировать доминантные категории мироощущения поэтов, выявить воплощение и метаморфозы христианского кода в поэтическом тексте.

Ключевые слова: библиизм, христианский код, мироощущение, идиостиль.

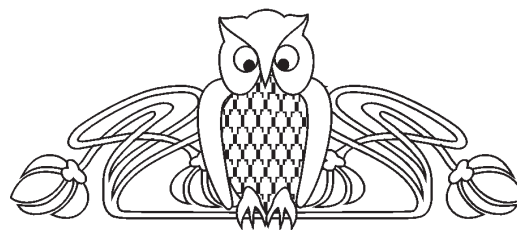
Biblical Expression in Modern Poetic Text

K. S. Medvedchikova

The article offers philological and religious as well as aesthetic analyses of literary works; they enable the reconstruction of the dominant categories of poets' perception of the world; on their basis the embodiment and metamorphoses of the Cristian code in the poetic text can be elicited.

Key words: Biblical expression, Christian code, perception of the world, idiostyle.

Современная литература является отражением человека, чей характер и мироощущение формировались в сложное и интересное время – во второй половине XX в. Духовная сфера жизни несколько лет пребывала под запретом, но на сегодняшний день интерес к религии и церкви резко возрос, в обществе появляется все больше

верующих, религиозных людей, которые могут понять, расшифровать христианский код русской литературы. Знание библейских текстов, авторская их интерпретация порождают как активный процесс создания, так и процесс чтения многих современных литературных произведений с христианской составляющей.

Восприятие русской литературы через призму православия выявляет ее как литературу христианоцентричную, дает возможность выделить некий «христианский текст», существующий на протяжении последних трех веков. Наличие такого текста может быть явно выраженным в творческом наследии, а может быть сокрыто в подтексте, переплетено аллюзиями и намеками, как того требует христианский код писателя.

В поэзии С. Кековой и М. Борцовой христианский текст является творчествообразующей основой. Здесь широко представлены христианские аллюзии, мотивы, образы, библейские имена, скрытые и явные цитаты из Священного Писания. Языковым сигналом такой интертекстуальности становятся библиизмы, к которым мы, опираясь на исследования Г. А. Лилич¹, О. И. Трофимкиной, Н. И. Орловой¹ и других и определение, данное Е. М. Верещагиным, относим «отдельные слова современного русского литературного языка,

устойчивые сочетания, цельные выражения и фразы, восходящие по своему происхождению к Библии, которые или заимствованы из Библии, или подверглись семантическому воздействию библейских текстов, в том числе не ассоциируемые с ней в современном языковом сознании»².

Наш анализ ориентирован и на лингво-эстетические исследования С. Кековой³. Так, вслед за ней мы различаем термины «мировоззрение» и «мироощущение», считая, что степень слитности автора и мира гораздо выше при мироощущении, которое становится знаковым состоянием, порождающим не только поэзию как таковую, но и духовно-эстетическое целое автора. Исследование творчества авторов строится в двух плоскостях: воссоздаются модель мира писателя и система его мироощущения.

Мироощущение поэта представляет собой определенную систему категорий, среди которых выделяются доминанты, формирующие предметно-образный, сюжетный и другие уровни текста. Нами выделяется несколько доминантных категорий: *поэт – поэзия, религия, самоидентификация*. Категории мироощущения воплощаются в знаках, прослеживаемых в поэтических текстах. Такими знаками среди других являются библеизмы.

Филолого-религиозный и духовно-эстетический анализ произведений позволяет на их основе реконструировать доминантные категории мироощущения поэтов, выявить воплощение и метаморфозы христианского кода в поэтическом тексте.

Творчество С. Кековой и М. Борцовой пронизано библейскими мотивами, по ним а н и е многих сфер жизни имеет религиозную основу, основу православную. И, несмотря на единоверие двух авторов, роль библеизмов в их творчестве глубоко своеобразна. Прослеживаются различия в понимании дара творчества, в отношении к религии и самоидентификации себя как верующего человека.

Большей активностью в творчестве обоих поэтов обладает категория *поэт – поэзия*. В литературной традиции привычно восприятие поэтического дара как дара от Бога. Такое понимание можно проследить в творчестве М. Борцовой: *Собирала по малым крохам, / по кирпичикам по этажным / Слово, влывшее в мир истоком, / Слово – Богоявления жажду*⁴. Приведенный пример показывает не только божественное начало поэзии, но и сам принцип творчества: слово – это «кирпичик», из которого строится произведение. В тексте ее поэмы «Человек из Назарета» образ кирпичика появляется уже в контексте иного понимания творчества – как данного не Богом, а Дьяволом: *каждый кирпичик слова занял отведенную ему нишу в фундаменте выстроенной мною литературной башни. Не дай Бог, чтобы Вавилонской* (34). Сравнение здания-поэзии с Вавилонской башней – библейской реалией выявляет опасения поэта по поводу крушения,

богопротивности своего творчества. Но имя Бога появляется в этом контексте как призыв уберечь от такой судьбы и общая тональность понимания М. Борцовой дара поэтического проявляется как уверенность, что дар этот от Бога: *Дар Господний – мой голос, до конца не иссяк* (31).

Иную картину видим в творчестве С. Кековой: *Нас погубит ритмический дар*⁵; *Говорят, что хлебопашец Каин – друг и сеятель искусств, <...> / говорят, что Каиново семя приручило гусли и свирель* (26). В статье С. Кековой «Православное обоснование художественного творчества»⁶, посвященной именно двум пониманиям дара, выделяется некая идея «оправдания перед Богом за творчество путем Его восхваления возможностями этого творчества». Эта идея и реализуется в ее поэзии: *что Ты, Господи, ждешь от меня, поэт? / что прибавлю к Любви твоей и славе?* (41); *как мне сложить псалом во славу Божью, / невидимая ласточка, скажи?* (48); *Господи, прими слово мое / как покаяние души моей. / Господи, прими слово мое, / как обет вечно служить Тебе* (54). Происходит обожествление слова, язык становится священным: *и вновь распадается тело на грешную плоть и язык* (57); *Вырастает из слова / новый мир, склоняющий голову перед Господом* (61). Но талант не перестает быть тяжелым: *получила я голос для пенья / и опасный пророческий дар* (103), он ставит задачу, сложную для выполнения, – донести до слуха других слова Господа, которые часто становятся лишь *незрелыми плодами смоковницы или зернами, мимо борозды летящими*.

В доминантной категории *религия* авторы поднимают различные вопросы, которые пересекаются со всеми сферами чувств, поскольку именно религия играет смыслообразующую роль в жизни поэтов. Данная категория является основополагающей, включает в себя образы Бога и Люцифера, ангелов и бесов.

М. Борцова выявляет греховность своей жизни, поэт обвиняет себя в одном из смертных грехов: *я нарушила заповедь Божью – не сотвори себе / кумира* (31). И отсюда ведется линия восприятия Бога как карателя: *О, как тяжела ты, / Десница Господня! / одно пожеланье: / ударь не сегодня* (4); *Свистопляска стихий лихих / кара Божия – мои грехи* (11). Но кара эта справедливая, правая – за грехи. Бог – это судья, определяющий ту чашу судьбы, которую предстоит нам выпить: *Прошу Тебя, чаши / судеб перепутай* (31).

Образ Господа в творчестве С. Кековой более многопланов, сложен. Бог – судья: *лишь Бог решает – кого казнить, кого отпустить домой* (42), но судья прощающий, принимающий раскаяние: *не ложись ничком / и не плачь, а к Богу иди с молитвой* (131); *не нужно искать утешенья нигде <...> а только у Господа Бога* (148). Необходимы вечная, непрестанная молитва Богу и очищение души *покаянным огнем* – из-за греховности каждого человека от рождения. Если покаяния не совершить, в силу вступает образ Бога-карателя: *пока*

не пробил час Суда / и мир Господь не сжег, <...> покаяйся, блудная душа, слезами грех омой (128).

Образ Люцифера необычен – он тоже излучает свет, как существо Божественного порядка, но тут же дается характеристика света, исходящего от него, указывающая на дьявольское происхождение: *там источник света ложного – падавший ангел Люцифер – / <...> разрушает пенье сфер* (98).

Третьей доминантной категорией является *самоидентификация* – это процесс восприятия себя в системе мироздания.

Восприятие себя как сложного противопоставления души и тела, языка и грешной плоти – такова картина, создаваемая С. Кековой. Лишь Господь в силах освободить пленного ангела внутри, и это освобождение достигается путем молитв и покаяния. Дух противопоставляется душе, получает характеристику – *дух мятежный, лгун и гордец* (46). Но стремление к праведности, истовая вера иногда пугают поэта – такое состояние настолько разъединяет ее душу и тело, что она боится: *да, я боюсь своей души, / душа и тело чужды!* (111).

С. Кекова называет душу «паршивой овцой»: *душа – паршивая овца / в огромном стаде плоти человеческой?* (243) В данном контексте произошла сложная трансформация библиеизма. В Библии встречаем образ овцы в притче о духовном пастыре (пастухе) и заблудшей овце (Евангелие от Матфея: *Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее. Если бы у кого было сто овец и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся?*). Данное словосочетание стало фразеологизмом со значением «о беспутном, сбившемся с пути человеке»⁷. Происходит замена компонента фразеологизма «заблудшая» стилистическим контекстуальным синонимом «паршивая» на основе негативного признака. После трансформации фразеологической единицы наблюдаем авторское употребление фразеологизма: душа лирической героини на фоне противопоставления духовного и преобладающего плотского приобретает негативный признак, усугубляющий библиеизм «заблудшая (паршивая) овца». Подсознательно точка зрения большинства воспринимается как верная, правильная, а противопоставленные ей в меньшем количестве мнения – как ошибочные. Здесь же смысловой парадокс выстраивается таким образом: большинство антирелигиозно, бездуховно, имеет лишь плотскую выраженность, а противопоставленная душа единична, она теряется в «стаде плоти» и (как задает вопрос автор), следовательно, ошибается? Вопросительная форма высказывания лишь подчеркивает невозможность такого соотношения (душа – паршивая овца) для верующего человека. Сопоставление данных образов является индивидуальным авторским пониманием, раскрывает характер лирической героини С. Кековой, ее духовное одиночество в человеческой массе. Такое одиночество вызывает

отчаяние, появляется сомнение в возможности прощения: *без больших надежд на свое спасение / буду мертвым, чающим воскресения* (206). И все же она уповает на Бога, который поймет и простит, если искренне молиться ему: *безнадежно любит нас Господь, / нас, обнаженных, плачущих и грешных* (89). Характеристика верующих людей часто несет эффект умаления, что характерно для христианской традиции. Человек перед Богом – ничто, и роль его мала и ничтожна, и грех гордыни надо превозмогать.

Для М. Борцовой изначальная греховность жизни, любви становится причиной самобичевания: *грешен. Слезы прости мне, Авва, / Чаша Божья, да не минует!* (67). Душа мучит человека, не дает ему замкнуться в своей греховности: *Только по жизни душа-недотрога / ангела алчет, а может быть, – Бога* (83). Постоянное раскаяние становится причиной временных кризисов веры, желания избавиться от душевной составляющей: *доктор, прошу, ампутируйте душу, – / душа разрослась, душа меня душит <...> где же Ваш скальпель, архангел Божий?* (110). Но отказа от веры не происходит, наоборот, лирическая героиня, как и любой другой человек, становится для Него непутевым чадом, которого Он ждет домой, как отец ждал свое чадо в притче о блудном сыне.

Религия выступает базисом для обоих поэтов, по ее законам строится жизнь лирических героинь. Сквозной образ Бога-Судьи константен для всего творчества С. Кековой и М. Борцовой. Идея Страшного суда, возмездия за свои деяния пугает авторов и понуждает к раскаянию в грехах. Но восприятие Бога неравноценно. Несмотря на высшую справедливость Бога, его прощение неравнозначно для поэтов: С. Кекова уверена, что искреннее раскаяние может очистить любой грех и привести человека ко спасению; М. Борцова не отрицает раскаяния и прощения грехов, но считает, что любой совершенный грех не исчезает бесследно, даже после прощения на душе человека остается его «печать», от которой избавиться уже невозможно.

Свободное использование поэтами библейской лексики и фразеологии свидетельствует о глубине познаний в христианской религии. Библиеизмы в их поэзии служат средством раскрытия важнейших смысловых сфер миропонимания, формируя доминантные категории мироощущения.

Одни и те же языковые единицы – библиеизмы – в идиостилях каждого поэта выявляют особое понимание и восприятие окружающего его мира, обладают особой эстетической энергией.

Итак, анализ религиозной лексики в творчестве двух поэтов обнаруживает огромный потенциал библиеизмов как лексической единицы, используемой для создания экспрессивно-эмоциональных, образных текстов, их многоуровневое, ассоциативное содержание, на знаковой основе которого можно выявить категории мироощущения поэтов, их восприятие главных смысло-

бразующих сфер. Поэтические миры С. Кековой и М. Борцовой представляют собой сложные духовно-эстетические системы, содержащие в себе свою интерпретацию христианского кода современной русской литературы.

Примечания

- ¹ См.: *Лилич Г., Трофимкина О.* Отражение библейских текстов в автобиографической трилогии М. Горького // Словоупотребление и стиль писателя. Вып. 2. СПб., 2003. С. 53–59; *Орлова Н.* Библейский текст как прецедентный феномен. Саратов, 2008; *Она же.* Книга книг: филологический комментарий библейских текстов. Саратов, 2006.
- ² *Верещагин Е.* Христианская книжность Древней Руси. М., 1996. С. 58.

УДК 821.161.109+929

НЕКОМИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ НАД ЯЗЫКОМ РЕВОЛЮЦИИ

М. А. Пчелинцева

Саратовский государственный университет
E-mail: Pchela.76@mail.ru

В статье дается классификация рефлексивов русского языка. Выявляются типы некомических рефлексивов в творческом наследии писателей-эмигрантов первой волны.

Ключевые слова: языковая рефлексия, рефлексив, русское зарубежье.

Non-Comic Reflection of Russian Emigrant Writers at the Language of Revolution

М. А. Pchelintseva

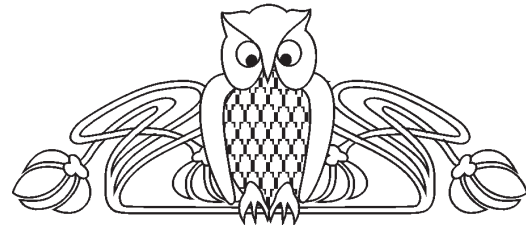
This article gives the Russian-language reflexives classification. Types of non-comic reflexives in the creative heritage of the first wave emigrant writers are found out.

Key words: linguistic reflection, reflexive, Russian-language literature abroad.

Творческое наследие писателей-эмигрантов – важная часть единой русской культуры, расколотой революцией 1917 г. Оно представляет богатейший источник для изучения оценки революции русскими людьми, наблюдавшими за революционными событиями хоть и со стороны, но очень пристрастно и заинтересованно.

Эмигрантская оценка различных сторон советской действительности и новой культуры имеет вербальное выражение, то есть проявляется на лексико-семантическом уровне. Объектами оценки являются Октябрьская революция, Советская Россия, советский уклад жизни, советский язык, советская литература, советские писатели,

- ³ *Кекова С.* Небо и земля Арсения Тарковского: метафоры христианского кода: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2009.
- ⁴ *Борцова М.* После бала: стихотворения и проза. Саратов, 2004. С. 19. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках.
- ⁶ *Кекова С., Измайлов Р.* Православное обоснование художественного творчества // Сибирские огни. 2008. № 11. URL: <http://www.magazines.russ.ru/sib/2008/11/ke11.html> (дата обращения: 23.10.2011).
- ⁵ *Кекова С.* Плач о древе жизни: стихи разных лет. Саратов, 2006. С. 33. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках.
- ⁷ *Кочедыков Л., Жильцова Л.* Краткий словарь библейских фразеологизмов. URL: <http://www.bible-center.ru/dict/phrases> (дата обращения: 23.10.2011).

советский человек. Новый язык, наряду с другими явлениями советской действительности, получает вербальную оценку. Однако основная форма выражения критического отношения к языку – это рефлексия, структурным элементом которой является рефлексив.

Определение рефлексива принадлежит И. Т. Вепревой: «...законченное (хотя бы относительно) высказывание, содержащее оценку употребительному слову или выражению, формально включающее лексическую единицу “слово” или глаголы говорения и именованья»¹.

Существуют разные подходы к рефлексивам и разная их классификация. М. А. Кормилицына, например, по структуре делит рефлексивы на два вида: эксплицитные и имплицитные². Первые содержат вербально выраженный авторский комментарий, во вторых такой комментарий отсутствует.

Эксплицитные рефлексивы, в свою очередь, могут выступать в двух формах: простое комментирование и оценочное. И. Т. Вепрева называет эти формы метаязыковым комментарием и метаязыковой интерпретацией³. Метаязыковой комментарий представляет собой простое высказывание, когда субъект речи комментирует слово или его употребление в данном контексте, сообщая о нем какую-либо информацию. Метаязыковая интерпретация является оценочным высказыванием: говорящий выражает свое отношение к слову.

В имплицитных рефлексивах, где отсутствует вербально выраженный комментарий, рефлексия проявляется с помощью «закавычивания». Кавыч-

ки – это сигнал для адресата, что данное языковое средство требует дополнительного осмысления.

По цели рефлексивы классифицируют на комические и некомические (например, А. А. Пихурова⁴). Под комическими понимаются такие, которые порождают комический эффект. Все остальные являются, соответственно, некомическими.

И, наконец, можно назвать еще одну, более дробную классификацию, основанную на критериях выделения рефлексивов⁵ – динамических, стилистических, деривационных и личностных.

Таким образом, в современной лингвистике на разных основаниях выделяются следующие типы рефлексивов:

- 1) по структуре: эксплицитные, имплицитные;
- 2) по цели: комические, некомические;
- 3) по критериям выделения: динамические, деривационные, личностные и стилистические.

Мы рассмотрим разновидности и специфику некомических рефлексивов, выявленных в словесном творчестве русских писателей – эмигрантов первой волны.

В творческом наследии русского зарубежья эксплицитные рефлексивы функционируют в двух формах – метаязыкового комментария и метаязыковой интерпретации.

Метаязыковой комментарий представлен динамическими и деривационными рефлексивами. Динамические связаны с появлением в русском языке послереволюционного периода большого количества новых слов. Метаязыковой комментарий в них выполняет различные функции – поясняет изменение семантики слова, значение новой лексемы, способ образования нового слова, указывает на временную или стилистическую характеристику слова:

*Стихи Ибнер стали длиннее, чем были прежде. Большая часть их принадлежит к тому жанру, который в России теперь называют «балладами»: рифмованное повествование о каком-либо маловероятном происшествии, неизменно заканчивающемся на славу революции⁶; Наконец, своего рода универсальным словом, призванным охарактеризовать и заклеить самую суть советского творчества, является **халтура** и его производные халтурить, халтуристик, халтурничать. Так обозначается теперь в России всякая недобросовестная и бесполезная, безрезультатная работа, работа впустую, времяпрепровождение, «околачивание»⁷; В первые же дни революции возникли **совдеп**, **аркомы** – комитеты при армии, **политкомы** – политические комиссары. С появлением же у власти большевиков все учреждения и должности административного аппарата были переименованы по сокращённому способу⁸; Коммуна в деревне теперь провалилась, выдумали другое слово – **артель**⁹; В первые годы революции довольно распространённым было и слово «**Совдения**», но тогда как наименование*

*«**Эсесерия**» было более безобидным и могло исходить от лиц, настроенных по-советски, обозначение «**Совдения**» употреблялось исключительно антибольшевистски настроенными людьми¹⁰.*

Комментарий к смене номинации выполняет функцию идентификации, то есть через новую лексическую единицу осуществляет привязку реальных фактов истории к общественному опыту современности: *Вместо **полиции** пришла **милиция**, вместо **участков комиссариаты**, вместо **участковых приставов присяжные поверенные**, которые назывались **комиссарами**. Обе столицы превращались в **вотчины**, но назывались **коммунами**¹¹; Большевики назвали **тюрьму изолятором**, а **смертную казнь** – **высшей мерой социальной защиты**¹².*

Метаязыковой комментарий в деривационных рефлексивах помогает разграничить значения многозначного слова в контексте, особенно если контекст создает условия для одновременной актуализации двух значений: *Маска ложной всемирности – Интернационал – скрывает лицо захолустнейшего из захолустников, «**идиота**» из «**идиотов**», в древнем смысле, – **Ленина**¹³; В первых рядах – «генералитет и аристократия». Все в коже. **Я говорю, конечно, не о собственной, человеческой, а о телячьей, бараньей** – словом, **революционной коже**, из которой шьются куртки и сапожищи с крагами¹⁴.*

Иногда рефлексивные высказывания интерпретируют слово с точки зрения мотивировочного признака, лежащего в основе слова, причем интерпретация обычно намеренно сводится к так называемой ложной, наивной, народной этимологии: ***Диктатором** называется человек, умеющий диктовать. Все остальные пишут под диктовку и называются населением. Кто не желает подчиняться правилам правописания, высылаются вон и называется **эмигрантом**¹⁵.*

Другая форма эксплицитных рефлексивов – метаязыковая интерпретация – представлена динамическими и личностными рефлексивами. Оценочное значение в динамических рефлексивах выражают прилагательные и наречия, они служат для характеристики названий лиц, нового названия государства, публичной речи: *Множество аббревиатур – названий союзных и автономных республик, надоедливо повторявших сочетание «ССР», очевидно, привело к созданию **иронического названия** Советского Союза – «**Эсэсэрия**»¹⁶; <...> Россия в то время устранилась, **называясь мутно «РСФСР»** – без гласных, как бред немого¹⁷; И тогда начались эти **исступленные и шаманские однообразные крики** о «буржуях», «контрреволюции», «немедленном мире без аннексий и контрибуций», о «буржуазной клевете», «империалистах», «социал-предателях» и о «ноже в спину революции». **Однообразные, часто совсем непонятные** для тёмной массы, они покрыли столбцы всех газет¹⁸; <...> выбивая из жизненного строя под **злой кличкой «буржуев»** все неугодные*

крайним демагогам классы и слои общества, он (государственный переворот 1917 г. – М. П.) останавливал жизненные функции государства¹⁹.

В личностных рефлексивах оценочные высказывания писателей-эмигрантов связаны с сугубо критическим отношением к советскому официальному языку и направлены на раскрытие несоответствия между значением слова и означаемым явлением: *Нужно быть самому нечеловечески, скотски или безумно безнравственным, чтобы называть «внутренними делами» тот случай, когда здоровенный мерзавец насилует женщину или жестокая мать истязает ребёнка, – и не вмешаться под тем предлогом, что упомянутые действия некоторой группой людей называются «социализмом» или «коммунизмом»²⁰; Да, да, это называется «внутренними делами», когда в соседнем доме, среди бела дня, громят и режут разбойники!²¹; Общедоступное объяснение той катастрофы, которая именуется и впрямь будет, вероятно, именоваться русской революцией, прежде всего заключается в ссылке на невежество и некультурность народа²²; Есть агитация, есть «классовая пропаганда», есть «производственные задания» – всё, что делается по указке, по общим схемам, <...>, с распределениями по прямой линии, с дисциплиной, с фронтом. Но никогда никто в мире не называл это литературой²³.*

Следует отметить ассоциативный характер оценок, обусловленный образными ассоциациями с новыми словами: *Новый «Совдеп» (какое словечко! Совиное депо) громит все и вся²⁴; Термин «пятилетка» напоминает мне чем-то конский завод²⁵.*

Все обнаруженные в материале имплицитные рефлексивы являются динамическими и выделяются в тексте с помощью «закавычивания». Они представлены такими тематическими группами новых номинаций, как лица и их объединения, действия властей, новое название Советского государства, советская литература, различные проявления большевистской идеологии: *Почему никто не сказал о России ласкового слова, а всё только о пролетариате и «трудовом народе»²⁶; Петербург сейчас остаётся на добычу хулиганам, разным «районным советам»²⁷; «Комиссар» нашего дома сделался «комиссаром» только потому, что моложе всех квартирантов и совсем простого звания²⁸; После 11 ч. вечера, когда уже запрещено ходить по улицам (т. е. после 8, – ведь у нас «революционное» время, часы на 3 часа вперёд!) музыка не кончается²⁹; В Харькове «принять чрезвычайные меры» против чего? – и все эти меры сводятся к одному – к расстрелу «на месте». В Одессе расстреляно ещё 15 человек (опубликован список)³⁰; В «коммунистическом государстве» пресса допускается, ведь, только казённая. Книгоиздательство тоже только одно, государственное, – казённое. Впрочем, оно никаких книг не издаёт, издаёт пока лишь брошюры*

коммунистические³¹; Революция – грань: за ней «старый период», после неё «новый». Ясно, общедоступно... – и никого не убеждает³²; «Соть» есть открытый, совсем ничем не вуалированный «социальный заказ». Собственно, автору это и совсем неинтересно. Приказали – сделал³³; Так арестовали мужа нашей квартирной соседки, древнего-древнего старика. Он не был, да и не мог быть причастен к «контрреволюции», он просто шёл по Гороховой³⁴; Сюда к Дзержинскому в квартал ЧК без устали свозили «врагов» революции³⁵.

Как видим, неколичественные рефлексивы в исследуемом материале представлены довольно широко. Все структурные формы рефлексивов нашли отражение в творчестве русских писателей – эмигрантов первой волны примерно в равной степени: эксплицитные (оценочные высказывания в форме метаязыковой интерпретации – 11,6%, неоценочные в форме метаязыкового комментария – 10,6%); имплицитные (в форме «закавычивания» – 8,99%).

Если говорить о динамических, стилистических, деривационных и личностных рефлексивах, то они представлены у эмигрантов в разной степени. По числу структурных форм преобладают динамические рефлексивы, которые находят выражение во всех возможных формах (метаязыковой комментарий, метаязыковая интерпретация, «закавычивание»). Деривационные и личностные реализуются только в одной форме: первые в форме метаязыкового комментария, вторые – метаязыковой интерпретации.

По количественному признаку в творчестве представителей русского зарубежья преобладают динамические и личностные рефлексивы, деривационные представлены в незначительной степени, стилистических не выявлено вообще.

Преобладание динамических рефлексивов объясняется интенсивным пополнением русского языка послереволюционного периода новой лексикой, а личностных – абсолютно негативной реакцией эмигрантов на советский язык.

Примечания

- 1 Вепрева И. О функционально-системной организации рефлексивов // Русский язык в контексте современной культуры. Екатеринбург, 1998. С. 28.
- 2 См.: Кормилицына М. Рефлексивы в речевой коммуникации // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000. С. 21.
- 3 См.: Вепрева И. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002. С. 80.
- 4 См.: Пихурова А. Судьба советизмов в русском языке конца XX – начала XXI веков (на материале словарей и текстов): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.
- 5 См.: Вепрева И. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху.
- 6 Адамович Г. Собрание сочинений. Литературные беседы: в 2 кн. СПб., 1998. Кн. 1. С. 337.

- ⁷ Карцевский С. Язык, война и революция. Берлин, 1923. С. 36.
- ⁸ Там же. С. 31.
- ⁹ Зайцев Б. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 10 (доп.). Письма 1901–1922 гг. Статьи. Рецензии. М., 2001. С. 158.
- ¹⁰ Фесенко А., Фесенко Т. Русский язык при Советах. Нью-Йорк, 1955. С. 68.
- ¹¹ Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. М., 1991. С. 194.
- ¹² Алданов М. Бегство. М., 1991. С. 317.
- ¹³ Мережковский Д. Царство Антихриста. СПб., 2001. С. 325.
- ¹⁴ Теффи Н. Житьё-бытьё : Рассказы. Воспоминания. М., 1991. С. 279.
- ¹⁵ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь : Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М., 1994. С. 342.
- ¹⁶ Фесенко А., Фесенко Т. Указ. соч. С. 68.
- ¹⁷ Шмелёв И. Собрание сочинений : в 5 т. М., 1999. Т. 7 (доп.). Это было : Рассказы. Публицистика. С. 234.
- ¹⁸ Андреев Л. Проза. Публицистика. М., 1998. С. 504.
- ¹⁹ Из глубины : сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 48.
- ²⁰ Андреев Л. Проза. Публицистика. С. 488.
- ²¹ Бунин И. Окаянные дни. М., 1991. С. 45.
- ²² Из глубины : сборник статей о русской революции. С. 236.
- ²³ Адамович Г. Указ. соч. С. 403.
- ²⁴ Гиппиус З. Дневники : в 2 кн. М., 1999. Кн. 2. С. 133.
- ²⁵ Набоков В. Рассказы. Воспоминания. М., 1991. С. 219.
- ²⁶ Шмелёв И. С. Указ. соч. С. 305.
- ²⁷ Гиппиус З. Дневники. С. 98.
- ²⁸ Бунин И. Указ. соч. С. 74.
- ²⁹ Гиппиус З. Петербургские дневники. 1914–1919. Нью-Йорк – Москва, 1990. С. 252.
- ³⁰ Бунин И. Указ. соч. С. 74.
- ³¹ Гиппиус З. Петербургские дневники. С. 258.
- ³² Критика русского зарубежья : в 2 ч. М., 2002. Ч. 2. С. 18.
- ³³ Зайцев Б. Указ. соч. Т. 9 (доп.). Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. М., 2000. С. 111.
- ³⁴ Гиппиус З. Петербургские дневники. С. 254.
- ³⁵ Гуль Р. Дзержинский. М., 1992. С. 13.

УДК 821.161.1.09+929Пушкин

КОНЦЕПТ МИЛОСЕРДИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ И В ИДИОСТИЛЕ ПИСАТЕЛЯ

М. Ю. Никитина

Саратовский государственный университет
E-mail: masha.05@inbox.ru

Исследуется эволюция концепта *милосердие* в русском языковом сознании, проводится многоаспектный анализ концепта, рассматривается его функционирование в идиостиле писателя на материале творчества А. С. Пушкина.

Ключевые слова: милосердие, концепт, лингвокультурология, художественный концепт, идиостиль.

Concept *MERCY* in the Russian Linguistic Consciousness and in the Writer's Idiostyle

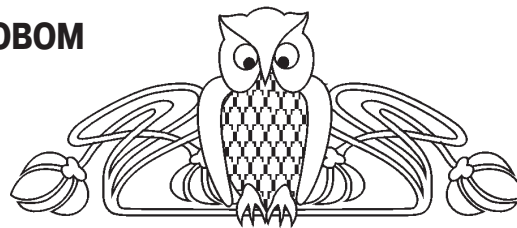
M. Yu. Nikitina

The evolution of the concept *MERCY* is researched in the Russian linguistic consciousness; the concept is analyzed in many aspects; the concept's functioning in the writer's idiostyle is examined on the material of A. S. Pushkin's literary heritage.

Key words: mercy, concept, linguoculture, literary concept, idiostyle.

В современной жизни концепт *милосердие* является одним из наиболее актуальных для выявления нравственных норм и социального поведения человека, о чем свидетельствует постоянное присутствие идеи милосердия в СМИ. Тем не менее среди культурных концептов *милосердие* до сих пор остается одним из наименее изученных.

В наши дни можно наблюдать взаимодействие различных областей знания. В системе гуманитарного знания лингвистика занимает

авангардные методологические позиции, которые плодотворно взаимодействуют между собой. Сложность параметров определения концепта привела к тому, что в современном языкознании нет его единого значения. Наиболее разработанными в настоящий момент считаются четыре методики изучения концепта на основании языкового материала: психолингвистическая, народно-этнографическая, лингвокогнитивная и лингвокультурологическая. С точки зрения психолингвистики А. А. Залевская представляет концепт как продукт психических процессов (познания и общения)¹. Н. Д. Арутюнова, автор логико-филосовской концепции, рассматривает концепт как понятие практической (обыденной) философии, являющейся результатом взаимодействия таких факторов, как национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей². В рамках лингвокогнитивного подхода Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин трактуют концепт как оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике³. В основе нашего анализа культурного концепта лежит лингвокультурный подход к изучению концептов. С позиций лингво-

культурологов Ю. С. Степанова, С. Г. Воркачева, В. И. Карасика и др., *концепт определяется как ментальное образование, отмеченное культурной спецификой*⁴. Исследователи обращают внимание, что лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы дополняют друг друга. Данная точка зрения и служит ориентиром в нашем анализе.

Изучение лингвокультурного концепта *милосердие* в работе ведется в диахроническом аспекте. Анализу подвергается и особый аспект функционирования концепта – как художественного, что осуществляется на материале творчества А. С. Пушкина.

Исследование этимологического аспекта слова-номинанта опирается на данные этимологических словарей. М. Фасмер слово *милосердие* представляет как заимствование из старославянского языка (*милосрбдие*), где оно является словообразовательной калькой латинского слова (*misericordia*)⁵. Лексикографами установлена связь данного слова с его вариантами в других славянских языках: древнерусском (*милосрбдие*), словацком (*milosrdenstvo*), польском (*milosierdzie*) и др.

Историками языка неоднократно отмечалось существование дублетных словообразовательных параллелей на *-ие* и *-ство* в древнерусском языке и постепенное их разрушение. В одном из проявлений разрушения параллели формы на *-ие* оказались более устойчивыми. Это происходило в тех случаях, когда компоненты параллели обозначали свойства, качества, отвлеченные понятия и были соотносимы с качественными основами имен прилагательных или именными словосочетаниями. Именно таковы причины сохранения номинации концепта как *милосьрбие*, а не *милосьрбство*⁶.

В нашей работе используются методы анализа В. И. Карасика, который рассматривает в качестве свойств концепта понятийное, образное и ценностное «измерения»⁷. Учитываются положения Л. А. Ждановой, О. Г. Ревзиной и Е. В. Какориной⁸.

Понятийная сторона концепта – это его языковая фиксация, обозначение, дефиниция. Толкование слова – номинанта концепта *милосердие* значительно изменилось с течением времени. Так, «Словарь русского языка XI–XVII веков» приводит следующее синонимическое толкование: «*Милосердие, сочувствие, сострадание*»⁹. Современный «Толковый словарь русского языка начала XXI века» под ред. Г. Н. Складневской дает лаконичное и емкое определение значения: «*Сострадательная помощь ближнему как христианская добродетель; вообще бескорыстная помощь, сострадание к людям*»¹⁰. В связи с общей тенденцией внимания к понятийному содержанию слов религиозного характера появляется особая помета – «как христианская добродетель». Это важное дополнение отражает значимость для современного сознания христианской милосердной любви как одной из трех – наряду с верой и надеждой – богословских добродетелей.

Образная сторона концепта – это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, обонятельные характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти. Л. А. Жданова и О. Г. Ревзина представляют образ милосердия в виде ряда типичных метафорических моделей, например как погружение во вместилище – о человеке и его социуме (*Для всех, в ком живет милосердие*), как олицетворение абстракции, передающее автономное существование (*сочетания: милосердие живет, умирает, уходит, возвращается*). Вопрос о том, каким образом трансформируется семантическая структура слова *милосердие*, решается в зависимости от того, какой контекст притягивает слово. Исследователи заметили, что в конце XX в. произошел явный семантический сдвиг – от свойств и поступков личности в сторону действий социума. Е. В. Какорина на основе многочисленных контекстов демонстрирует, что значение слова *милосердие* сузилось настолько, что оно стало высоким, но уже обесцвеченным синонимом слова *благодетельность*. Как показывают наши материалы, в современном мире субъектом милосердия могут выступать и личность, и сообщество людей, и организация, и официальное учреждение.

Ценностная сторона концепта. Милосердие предстает как нравственная категория. Практическое милосердие противопоставлено духовному настолько, что милосердие получает два аспекта: как чувство, нравственная категория личности и как действие социальных структур. Анализ публицистических текстов, теле- и радиопередач начала XX в. показывает, что милосердие выступает как единство, неделимость духовной и деятельностной сторон поведения человека.

В «Словаре синонимов русского языка» З. Е. Александровой находим следующие синонимические параллели: *милосердие – жалость, сердоболит, сердобольность, сострадание, сострадательность*¹¹. Приблизительно тот же семантический круг очерчен В. И. Далем: *милосердие... сердоболит, сочувствие, любовь на деле, готовность делать добро всякому, жалостливость, мягкосердечность*¹². Лексические единицы, сближающиеся с данным словом – именем концепта на основе общности ассоциативных связей в художественных текстах, и слова, антонимичные ему, – это *жестокость, бесчувственность, черствость*.

Некоторые характерные аспекты смыслового наполнения концепта *милосердие* в современном языке позволил выявить проведенный нами эксперимент на основе анкетирования. Были получены следующие реакции: *Красный Крест, Дева Мария, врачи*.

Активность этого концепта в русской ментальности отразилась в народном творчестве – пословицах и поговорках, обобщающих многовековой социально-исторический опыт народа. Они имеют устойчивую, лаконичную, ритмически

организованную форму и поучительный смысл. Как важная для народа категория *милосердие* зафиксировано в языковом народном творчестве. Так, «Словарь пословиц русского народа» В. И. Даля содержит паремиологические единицы, заключающие в себе идею милосердия¹³. В русских пословицах милосердие отмечается как положительное качество в поведении и поступках человека, при этом главным выступает однокоренное слово *милость*, так как *милосердие* – церковнославянизм, служащий определением концепта в книжно-славянских текстах, а не в речевом узусе народа: *Не налагай гнева, наложи милость; Милость и на суде хвалится; Красна милость и в правде; Где гнев, там и милость* и др.

В наши дни не ослабевает понимание необходимости и актуальности этого понятия. Идея милосердия постоянно присутствует в различных радио- и телепередачах, газетах и других средствах массовой информации. Такие радиостанции, как «Радио России», «Эхо Москвы», постоянно транслируют передачи, в которых обсуждаются проблемы современной жизни, одной из которых, несомненно, является возрождение в людях таких христианских добродетелей, как милосердие, доброта, забота о ближнем.

Один из сайтов в сети Интернет, посвященных разнообразным благотворительным организациям, является официальным сайтом комиссии по церковной социальной деятельности при Епархиальном совете г. Москвы и называется «Милосердие.ru». Создатели сайта призывают желающих вступить в общество «Друзья милосердия» и провозглашают лозунг: «Начни день с милосердия». Сайт объединяет неравнодушных людей, которые хотят помогать друг другу. Одна из важнейших задач сайта – публикация просьб о помощи и сбор средств для тех, кому они срочно потребовались. В тематических разделах «Дети без родителей», «Больные», «Старики и инвалиды», «Семья», «Армия», «Наркоманы и алкоголики», «Бездомные», «Заключенные» публикуются статьи, помогающие понять, как организовать работу с этими социальными группами, как им лучше помочь. В разделе «Летопись милосердия» публикуются новости о церковной социальной деятельности, об инициативах волонтерских организаций, благотворительных фондов помощи, новости законодательства. Существует большое количество волонтерских движений под названием «Милосердие» в таких городах, как Самара, Нижний Новгород, Краснодар и др. Сфера деятельности службы добровольцев «Милосердие» постоянно расширяется, поэтому ей всегда требуются новые волонтеры, что также говорит о важности милосердия в наши дни.

Художественный концепт выделяют в качестве наиболее универсального элемента системы смысла художественного текста, поэтому именно художественный концепт является объектом анализа в лингвопоэтическом описании текста. Главная особенность художественных концептов состоит в

их индивидуальности и широте возможностей. Мы ориентируемся на определение художественного концепта Н. С. Болотновой, рассматривающей его как элемент поэтической картины мира автора, отраженный в тексте в образной форме в соответствии с определенными интенциями создателя¹⁴.

Важнейшие этапы в миропонимании русского народа знаменует собой творчество талантливых писателей, которые всегда очень трепетно относились к нравственным понятиям и отражали их глубинный смысл. Мы рассматриваем концепт *милосердие* в аспекте его художественного истолкования в текстах А. С. Пушкина, что обусловлено большой активностью исследуемого концепта в творчестве писателя как компонента нравственно-философского осмысления им мира – основы его идиостиля. «Словарь языка Пушкина» предлагает цитату из поэмы «Анджело»: «*Земных властителей ничто не украшает, как милосердие*». Эта поэма – апология не справедливости, а милости, не Закона, а Человека. Основным отражением смысла является именно сцена милосердия. Заключительные слова поэмы: «*И Дук его простил*» вынесены в отдельную графическую строку и являются итогом проходящей через всю поэму темы милости¹⁵.

Повесть «Капитанская дочка» также построена как воплощение идеи милосердия. Центральная сюжетная линия просвещения – история взаимоотношений Гринёва и Пугачёва – есть прежде всего история милосердия¹⁶: «*Спасибо, ваше благородие! Награди вас Господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей!*». А. С. Пушкин разрушает любые схемы и главным измерением сюжета делает такое человеческое качество, как сострадательность, обычная доброта. Писатель рисует образ государыни, употребляющей власть только во благо, во имя добра: «*Я рада, что могла сдержать вам свое слово и исполнить вашу просьбу. Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха*».

В творчестве писателя идея милосердия реализуется не только с помощью слова-номинанта, но также с помощью лексем, являющихся его синонимами. Так, в «Словаре языка Пушкина» находим три значения слова «милость», которое является однокоренным словом и ближайшим синонимом к номинанту исследуемого концепта. Одно из значений – *милосердное, полное доброты и человеколюбия отношение к людям*¹⁷. Это значение в творчестве Пушкина подкрепляется разнообразными контекстами. Например, последняя строка его стихотворения «Памятник» – «*... что в мой жестокий век восславил я Свободу / И милость к падшим призывал*» – есть прямой призыв к милосердию¹⁸. В своей поэзии и прозе Пушкин настойчиво проводит эту тему.

В идиостиле А. С. Пушкина художественный концепт *милосердие* играет очень активную роль и реализуется в разных аспектах. Милосердие выражает общечеловеческие ценности: с одной

стороны, любовь, с другой – дружбу, с третьей – человеческое достоинство и благородство, с четвертой – социальное понятие совести и справедливости, и, наконец, с пятой – миротворчество. Раскрытие идеи милосердия осуществляется и в контекстах социально-философского характера, и в речи персонажей, и в авторской характеристике героев.

Таким образом, своеобразие концепта *милосердие* проявляется в его особой представленности в системе языка: в его активной языковой динамике в течение веков как отражении эволюции культуры и миропонимания, в особых системных связях его номинанта – культурного слова *милосердие*, в ограниченной представленности его в стилях литературного языка в силу отвлеченного философски-религиозного содержания и стилистического облика номинирующего слова – церковнославянизма, в прямом и косвенном отражении в паремиологии. Его производные и круг лексики, отражающей понятийную и семантическую близость к номинанту, очень широк. Слово активно, и все более расширяется сфера его употребления в современной публичной речи.

Будучи важнейшей составляющей нравственной природы русской ментальности и миропонимания, концепт *милосердие* оказывается очень значимым в структуре идиостиля писателя, отражая в его художественном творчестве специфику образа мира.

Примечания

- 1 См.: Залевская А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
- 2 См.: Арутюнова Н. Язык и мир человека. М., 1999.
- 3 См.: Кубрякова Е. Концепт // Кубрякова Е. С. [и др.]. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996 ; Попова З., Стернин И. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 2000.

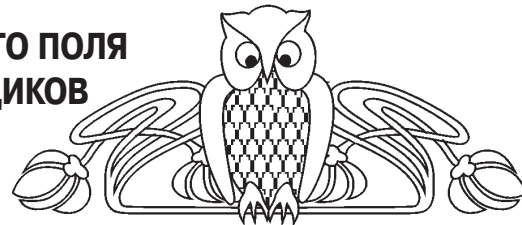
- 4 См.: Степанов Ю. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М., 2007 ; Воркачев С. Концепт как «зонтиковый» термин // Язык, сознание, коммуникация. М., 2003. Вып. 24.
- 5 См.: Фасмер М., Трубачев О. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 2004. Т. 2.
- 6 См.: Кадыкалов Ю. Из истории отвлеченных существительных : имена с суффиксом -иј- (-ј-) в русском языке. Саратов, 2007.
- 7 См.: Карасик В. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- 8 Жданова Л., Ревзина О. «Культурное слово» милосердие // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991; Какорина Е. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000.
- 9 Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1847. С. 303.
- 10 Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. М., 2006. С. 584.
- 11 Александрова З. Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. А. Чешко. М., 1968. С. 215.
- 12 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=965> (дата обращения: 18.11.2011).
- 13 См.: Даль В. Пословицы русского народа : в 3 т. СПб, 1996. Т. 3. С. 616.
- 14 См.: Болотнова Н. Методики анализа концептуальной структуры художественного текста // Слово – сознание – культура. М., 2006.
- 15 См.: Пушкин в XXI веке. Сборник в честь В. С. Непомнящего. М., 2006.
- 16 См.: Лотман Ю. Идеинная структура «Капитанской дочки» // Пушкин : Биография писателя. СПб., 1995.
- 17 Словарь языка Пушкина : в 4 т. М., 2000. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=230> (дата обращения: 18.11.2011).
- 18 См.: Егоров Б. Российские утопии : Исторический путеводитель. СПб., 2007.

УДК 811.161.1'373

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «БОЛЕЗНЬ» В УСТНОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ МЕДИКОВ

Т. В. Родионова

Саратовский государственный медицинский университет
E-mail: rodionovatv2011@mail.ru

Статья посвящена проблеме исследования речи отдельных социально-профессиональных групп с позиций теории семантических полей. Рассматривается специфика лексико-семантического поля «болезнь» на материале устной научной речи медиков,

дается структурно-функциональный анализ исследуемого поля. **Ключевые слова:** социально-профессиональная группа, лексико-семантическое поле «болезнь», устная научная речь медиков, структурно-функциональный анализ.

Peculiarities of the Lexico-Semantic Field «Disease» in the Oral Form of Scientific Medical Discourse

T. V. Rodionova

The article is focused on the problem of investigation of the social-professional group discourse from the viewpoint of semantic fields. It describes the peculiarities of the lexico-semantic field «Disease» based on the material of the oral form of the scientific medical discourse, presents the structural-functional analysis of the field under investigation.

Key words: social-professional group, lexico-semantic field «Disease», oral form of scientific medical discourse, structural-functional analysis.

Одной из приоритетных проблем антропологического направления современной лингвистики последних десятилетий является изучение человеческого фактора в языке и языкового фактора в человеке. В связи с этим несомненный научный интерес представляет исследование речи отдельных языковых личностей и социально-профессиональных групп.

В лингвистической литературе существует большое количество работ по проблемам теории семантических полей. «Полевой» подход к исследованию языка и речи помогает выявить истинное положение единиц в языке, поскольку в поле раскрывается и реализуется картина мира. Большинство лингвистов понимают лексико-семантическое поле (ЛСП) как «тесно связанный по смыслу раздел словаря»¹, как внутренне спаянные отрезки словаря, элементы которого ограничивают друг друга и покрывают какую-либо понятийную сферу.

«Поле – совокупность языковых единиц, объединённых общностью содержания и отражающих понятийное, предметное сходство обозначаемых явлений»². Поле характеризуется связью слов и их отдельных значений, системностью этих связей, относительной автономностью, наличием ядра и периферии.

С целью выявления специфики структуры и функционирования ЛСП «болезнь» в разных типах медицинского дискурса было предпринято комплексное исследование речи медиков на материале научных статей и монографий (письменная научная речь – ПНР), магнитофонных записей лекций медицинской тематики, прочитанных профессорами и доцентами Саратовского государственного медицинского университета студентам старших курсов (устная научная речь – УНР) и магнитофонных записей спонтанных неофициальных бесед с врачами разных специальностей (разговорная речь – РР). Объём материала составил примерно 25 000 словоупотреблений по каждому типу речи. В рамках данной статьи рассматривается специфика исследуемого поля в устной научной речи медиков.

ЛСП «болезнь» в УНР медиков обладает всеми необходимыми признаками поля: общностью

состава; целостностью; произвольностью, размытостью границ; пересечением с другими полями; системным характером связей между элементами поля; выделительностью его в системе языка (и речи); наличием ядерной, околоядерной и периферийной зон в структуре поля и др.

Структура ЛСП «болезнь» в УНР медиков идентична структуре данного поля в ПНР³ и представлена, таким образом, ядром, околоядерной зоной и периферией, в состав которых входят те же 16 лексических группировок – лексико-семантических групп (ЛСГ) и микрополей (МКП).

Ядро поля наиболее ярко отражает структурно-функциональные особенности поля. Ядерная зона в УНР медиков представлена 92 единицами (6,6%); число словоупотреблений ядерных единиц насчитывает 904 (22,8%).

Ядро поля, помимо центра (имени поля – **болезнь**), включает в себя синоним к имени поля (**заболевание**), квазисинонимы (**поражение / сосудов/**, **повреждение /артерии/**, **патология**, **нарушение /кровообращения/**, **аномалия**, **расстройство /механизмов терморегуляции/**) и две ЛСГ – «виды болезней» и «субъект болезни». Случаи квазисинонимии в ядре поля в УНР медиков весьма регулярны и многочисленны. Например: *Артериальная гипертензия... может привести к такой серьёзной **патологии**, как сердечная недостаточность, атеросклероз... Артериальная гипертензия является одним из самых распространённых сердечно-сосудистых **нарушений**...; Заболевания сосудов являются наиболее частым видом **повреждений**...; Болезни сосудов, в особенности **поражение** артерий, часто наблюдаются у людей умственного труда...; Тяжёлые сосудистые **расстройства** требуют экстренного хирургического вмешательства...* и др. Примечательно, что синоним **заболевание** употребляется в УНР медиков примерно в четыре раза чаще, чем само имя поля **болезнь** (ср.: в ПНР – в два раза чаще).

Парадигматически имя поля, его синоним и квазисинонимы связаны отношениями семантического тождества. Наиболее регулярными из синтагматических связей имени поля, синонима и квазисинонимов, как и в ПНР, являются: №₁+№₂ (**болезни сосудов**, **заболевания артерий**, **нарушение кровообращения**, **поражение артерий**, **расстройство терморегуляции**, **повреждение сосудов** и др.); А+N (**сосудистая патология**, **кишечные расстройства**, **кожные заболевания**, **сосудистые повреждения** и др.). Чаще всего вторым членом синтагматической цепи являются слова, относящиеся к полю «телесный» (**болезни кожи**, **заболевания крови**, **поражение артерий** и др.); слова, относящиеся к вошедшей в периферию поля «болезнь» ЛСГ «области медицины» и являющиеся синтаксическими дериватами единиц этой ЛСГ (*хирургические **болезни**, он-*

кологические **заболевания**, гинекологическая **патология**, неврологические **расстройства** и др.); слова **острый**, **хронический**, вошедшие в околядерную группировку «течение болезни» (**хронические повреждения**, **острая патология**, **хронические заболевания**, **острые расстройства** и др.), слова, относящиеся к полю «оценка» (**тяжёлые повреждения**, **опасные заболевания**, **серьёзная патология**, **тяжелейшие расстройства**, **серьёзные нарушения** и др.).

Ядерная ЛСГ «виды болезней» в УНР медиков весьма многочисленна и многообразна. В парцелле выделяются отдельные подгруппы, организующие внутреннюю структуру ЛСГ, особенностью которой является детализированный характер классификации болезней. ЛСГ «виды болезней» включает в себя несколько подгрупп: хирургические заболевания, инфекционные болезни, онкологические заболевания, болезни нервной системы, внутренние болезни, травмы и др. Самой обширной и разветвлённой подгруппой, как и в ПНР, является подгруппа «внутренние болезни», включающая в себя заболевания дыхательной, сердечно-сосудистой, пищеварительной, эндокринной и других систем.

Основным видом парадигматических связей между лексическими единицами в ЛСГ «виды болезней» является родо-видовая связь. Привативную оппозицию образуют как единицы внутри подгруппы (**болезнь** – **ожоговая болезнь**, **гипертоническая болезнь**, **болезнь Лериша**; **диабет** – **сахарный диабет**, **диабет инсулинозависимого типа**, **стабильный диабет**; **пневмония** – **долевая пневмония**, **крупозная пневмония**; **гипертензия** – **артериальная гипертензия**, **вторичная гипертензия**, **симптоматическая гипертензия**, **стабильная гипертензия**; **гипертония** – **вазоренальная гипертензия**, **злокачественная гипертензия**; **инсульт** – **геморрагический инсульт**, **ишемический инсульт**; **травма** – **перелом**, **сдавление**, **рана**, **ожог** и др.), так и все единицы ЛСГ с именем поля, синонимом и квазисинонимами (**болезнь** – **перитонит**, **диабет**, **сифилис**, **атеросклероз**, **инсульт**, **инфаркт**; **заболевание** – **язва**, **ожирение**, **туберкулёз**, **астма**, **эндартериит** и др.). В ряде случаев единицы ЛСГ образуют оппозицию семантического тождества (абсолютной синонимии): **рак** – **опухоль**₁, **новообразование** – 3); **гипертония**₁ – 2) – **гипертензия**; **травма** – **повреждение**₂; **нарушение** – **расстройство**₄. Многие единицы ЛСГ, называющие подвиды и формы основной болезни, находятся между собой в эквиполентной семантической оппозиции: **сахарный диабет** – **стабильный диабет**; **прикорневая пневмония** – **крупозная пневмония** – **долевая пневмония**; **вазоренальная гипертензия** – **злокачественная гипертензия**; **геморрагический инсульт** – **ишемический инсульт**; **артериальная гипертензия** – **стабильная гипертензия**; **химический ожог** – **термический ожог** – **лучевой**

ожог; **гнойная рана** – **гранулирующая рана** и др. (значения слов даются по словарям⁴).

На синтагматическом уровне в ЛСГ «виды болезней» наиболее регулярным и частотным видом связи является А+N (**хирургическая инфекция**, **ожоговая болезнь**, **сахарный диабет**, **спонтанный выкидыш**, **брюшной тиф**, **сибирская язва**, **крупозная пневмония**, **злокачественная гипертензия**, **геморрагический инсульт**, **сердечная астма**, **гипертоническая болезнь**, **сердечная недостаточность**, **вторичная гипертензия**, **гнойная рана**, **термический ожог** и др.). Менее частотны связи №₁+№₂ (**инфаркт миокарда**, **туберкулёз лёгких**, **язва желудка**, **болезнь Лериша**, **болезнь Рено**, **переломы конечностей**, **сдавление мозга** и др.), №₁+А₁+№₂ (**диабет инсулинозависимого типа**, **диабет неинсулинозависимого типа**, **язва двенадцатиперстной кишки** и др.), А+№₁+№₂ (**облитерирующий эндартериит конечностей**, **ишемическая болезнь сердца**, **термический ожог кожи** и др.). Для сравнения: в ПНР медиков наиболее регулярными являются связи №₁+№₂, А₁+А₂+N, А+N, А₁+А₂+№₁+№₂.

1. Вторая ядерная ЛСГ – «субъект болезни» – представлена в исследуемом материале всего несколькими единицами: **больной**, **обожжённый**, **пострадавший** (в значении имени существительного), **пациент**, **инвалид**, **гипертоник**.

Парадигматически единицы ЛСГ «субъект болезни» в УНР медиков связаны отношениями семантического тождества (абсолютной синонимии): **больной** = **пациент**; родовидовыми отношениями: **больной** (= **пациент**) – **обожжённый**, **гипертоник**. В контексте между словами **больной** (= **пациент**), с одной стороны, и **гипертоник**, **обожжённый**, **пострадавший**, с другой стороны, могут наблюдаться (хотя и нечасто) отношения квази- или контекстуальной синонимии: **При термических ожогах III степени у больных возникают глубокие обширные ожоги... У таких обожжённых в дальнейшем развивается ожоговая болезнь... Пострадавшие классифицируются по степени ожога, по площади обожжённой кожи...; Больные с гипертонической болезнью составляют группу риска относительно развития серьёзной сердечно-сосудистой патологии... Гипертоники обычно жалуются на головные боли, шум в ушах, головокружение...**

Синтагматическими партнёрами единиц ЛСГ «субъект болезни» чаще всего являются имена прилагательные – дериваты от имён существительных – членов периферийной ЛСГ «области медицины»; имена прилагательные – члены околядерных лексических группировок «течение болезни», «состояние больного», «симптомы болезни» (модель А+N: **хирургические больные**, **онкологические больные**, **тяжёлые больные**); единицы ядерной ЛСГ «виды болезней» (модель №₁+А+№₂: **больные туберкулёзом**, **больные с ишемическим инсультом**) и др.

Некоторые слова из ядерных ЛСП связаны между собой отношениями словообразовательной производности: *диабет – диабетик, астма – астматик, гипертония – гипертоник*.

Сфера научного общения имеет целью наиболее логичное, точное, однозначное выражение мысли. Именно обобщённый и абстрагированный характер мышления определяет своеобразие научной речи⁵.

Лексический состав ЛСП «болезнь» в УНР (как и в ПНР) медиков отражает все специфические черты, характерные для научного стиля речи. Точность изложения выражается в употреблении терминов, однозначных слов, в слабо развитой синонимичности. На долю терминов приходится 57% от общего числа единиц поля в УНР медиков (ср.: 65,5% – в ПНР). Терминологическая лексика представлена общенаучными, общеупотребительными и узкоспециальными терминами.

Общенаучные термины, предназначенные для выражения категорий и понятий всех областей научного знания, представлены такими лексемами, как **процесс** (*воспалительный процесс, патологический процесс, инфекционный процесс, раневой процесс*), **период** (*латентный период, инкубационный период, период острого воспаления*), **стадия** (*стадия истощения, компенсированная стадия, склеротическая стадия, стадия тревоги, стадия устойчивости, стадия декомпенсации*), **состояние** (*коматозное состояние, возбуждённое состояние, состояние тревоги*), **функция** (*нарушение функции щитовидной железы, повреждение регенеративных функций*), **реакция** (*защитная реакция организма, аллергическая реакция, реакция на шок*), **анализ** (*анализ крови, анализ мочи, бактериологический анализ*), **исследование** (*вагинальное исследование, пункционное исследование, ректальное исследование, рентгенологическое исследование*), **метод** (*радиоизотопные методы, эндоскопические методы, ангиографический метод, метод «девятки», метод «ладони», метод катетеризации по Зингеру*), **аппарат** (*срыв функции защитного аппарата организма, нарушение генетического аппарата, сшивающий аппарат, аппарат для циркулярного шва*), **материал** (*пластический материал, трансплантационный материал*), **дефект** (*замещение дефекта кишки*), **активация** (*активация защитных функций организма, активация перистальтики кишечника*), **операция** (*экстренная операция, радикальная операция, реконструктивная операция, операция Богоразы, операция по удалению бляшки и тромба*), **деформация** (*деформация сустава, деформация органа*), **средство** (*седативные средства, сахаропонижающие средства, антибактериальные средства*), **регуляция** (*вегетососудистая регуляция, регуляция психоэмоциональных процессов*), **нормализация** (*нормализация кровообращения, нормализация функции щитовидной железы*) и др.

Значительную часть всех терминов – единиц ЛСП в УНР медиков составляют узкоспециальные термины, именующие специфические для каждой области медицинского знания реалии, понятия, категории: *болезнь Лериша, облитерирующий эндартериит, ангиопатия, артериосклероз, полибациллярная инфекция, эмболия, дизурия, токсокоз, протеинурия, аневризма аорты, лимфорея, ацидоз, ретинопатия, симптом Салюса – Гунна, лейкопения, феномен перекреста, дисбактериоз, липогенез, секвестрация, нефроангиосклероз, тромбэктомия, интимиотромбэктомия* и др.

Поскольку устная научная речь в исследуемом лекционном материале предназначалась для аудитории студентов-медиков, многие узкоспециальные термины подвергались толкованию, разъяснению или описанию с целью понимания их значений слушателями. Таким образом появились пары синонимов: *тахикардия – учащение пульса, гемоконцентрация – сгущение крови, интоксикация – отравление, гипотермия – переохлаждение, кахексия – общее истощение организма, стеноз – сужение, реконвалесценция – выздоровление, гемотрансфузия – переливание крови, тромбэктомия – операция по удалению тромба, интимиотромбэктомия – операция по удалению тромба и бляшки, эритема – краснота, покраснение, гипергидроз – повышенное потоотделение, эдема – отёк, отёчность, припухлость, протеинурия – наличие белка в моче, глюкозурия – наличие сахара в моче, анурия – задержка мочи* и др.

Большая часть всех терминов – единиц ЛСП «болезнь» в УНР медиков, как и в ПНР, представлена не простыми терминами, а терминологическими сочетаниями (чаще всего двухкомпонентными, в отличие от трех-, четырех- и более компонентных сочетаний в ПНР), построенными по моделям: №₁+№₂ (*травма черепа, потеря плазмы, синдром Лериша, отёк слизистой, некроз тканей, инфаркт миокарда, отравление организма, стеноз привратника, непроходимость кишечника, нарушение кровообращения, переливание плазмы, удаление тромба, наложение лигатуры* и др.); А+N (*ожоговая болезнь, раневое истощение, раневая инфекция, хирургическое вмешательство, аллергическая реакция, гипертоническая болезнь, гипертонический криз, инфузионная терапия, симптоматическое лечение, обходной анастомоз, циркулярный шов, искусственный протез* и др.); А₁+А₂+N (*острая хирургическая инфекция, разлитой гнойный перитонит, пристеночный сосудистый шов* и др.); А+№₁+№₂ (*острый инфаркт миокарда, ишемическая болезнь сердца, искусственная вентиляция лёгких* и др.).

Иногда в УНР встречаются сложные слова-термины (*рефлексотерапия, микротравма, электроожог, моноинфекция, полиинфекция, гиперактивность, травмпункт*), термины с

морфологическими особенностями (*нейрогенный – неврогенный, предрасположение – предрасположенность, отёк – отёчность, дрожь – дрожание, отслоение – отслойка, лопатка – лопаточка*), единичны случаи употребления профессионализмов (*клиника* – в значении «клиническая картина заболевания»), не употребляются общепринятые и другие сокращения, что обусловлено устной формой научного стиля речи.

Вся терминологическая лексика ЛСП «болезнь» в УНР медиков является функционально-стилистически маркированной, в толковых словарях имеет пометы «спец.», «мед.», «биол.», а также целиком представлена в «Энциклопедическом словаре медицинских терминов».

Помимо специальной лексики, в состав поля в УНР медиков входит также общеупотребительная лексика, включающая в себя примерно половину от общего числа всех единиц поля. Вся общеупотребительная лексика стилистически нейтральна, за исключением нескольких «книжных» (*деформация, лабильность, гипертрофия, превентивный, пропедевтика*) и «разговорных» (*температура* – в значении «повышенная температура», *пузырь* – в значении «волдырь (ожоговый)», *держалка* – в значении «зажим, приспособление для поддержания чего-либо») лексем, составляющих 0,4% от общего количества единиц поля в УНР и 0,44% от числа единиц поля, образующих пласт общеупотребительной лексики. Лексем с пометами «диалектн.» и «устар.» в исследуемом материале не встретилось, что полностью согласуется со стилистическими особенностями научной речи.

Как и научной речи в целом, УНР медиков свойственна именность, что выражается в общем преобладании имён (в частности, существительных – 55%) над глаголами. Однако форма речи (устная) обуславливает употребление большего, по сравнению с ПНР, количества имён прилагательных (10,5%), глаголов (8,1%), наречий (1%) и конструкций (25,4%).

Единицы ЛСП «болезнь» в УНР медиков, составляющие ядро поля, в подавляющем своём большинстве представлены именами существительными и их синтаксическими дериватами – именами прилагательными. Ядро поля в УНР медиков является чрезвычайно концентрированным и открыто для пополнения его новыми единицами.

Примечания

- 1 Караулов Ю. Общая и русская идеография. М., 1976. С. 209.
- 2 Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 380.
- 3 Родионова Т. Специфика лексико-семантического поля «болезнь» в письменной научной речи медиков // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2011. № 2. С. 28–31.
- 4 Энциклопедический словарь медицинских терминов : в 3 т. М., 1982–1984 ; Ожегов С., Шведова Н. Толковый словарь русского языка. М., 1993 ; Словарь русского языка : в 4 т. М., 1985–1988.
- 5 Кожина М. Стилистика русского языка. М., 1993.

УДК 811.161.1'373+811.111'373

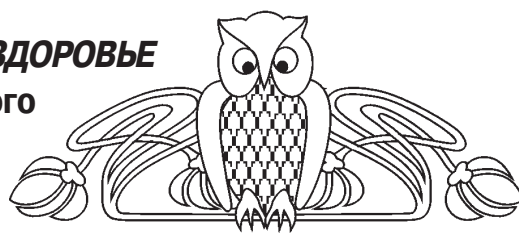
СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *ЗДОРОВЬЕ* В РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ (на материале русского и английского языков)

М. Е. Чижова

Саратовский государственный медицинский университет
E-mail: marrchi@mail.ru

Статья посвящена сопоставительному изучению репрезентации концептов *здоровье – health* в современных русских и английских этикетных формулах, а также в связанных с ними фразеологических единицах и пословицах. Рассматриваются теоретические вопросы исследования механизмов отображения концептов в стандартных выражениях, используемых в разговорной речи носителями двух неблизкородственных лингвокультур. Выявляются базовые когнитивные признаки, определяющие сходство и различия данных концептов, особенности их функционирования в указанных языковых сообществах.

Ключевые слова: концепт, здоровье, лингвокультурология, механизмы репрезентации, когнитивный признак, речевой этикет, этикетные формулы.

Language Representation of Concept *Health* in Etiquette (on the Basis of the Russian and English Languages)

M. E. Chizhova

The article is devoted to the comparative study of ways and methods of concept HEALTH representation in modern Russian and English etiquette phrases including phraseological units and proverbs. Theoretical issues are considered in the article. They concern the mechanisms of concept verbalization in standard colloquial expressions of unrelated linguistic cultures. The basic cognitive signs that allow to determine similarities and differences of concept *health* representation in both language world pictures have been revealed.

Key words: concept, health, linguocultural study, representation mechanisms, cognitive sign, speech etiquette, etiquette phrases.

Изучение универсальных и национальных концептов сохраняет актуальность в современном языкознании, способствуя развитию когнитивной лингвистики. Описание концепта и выявление полного набора языковых единиц, объективирующих его, является одной из важнейших целей когнитивной лингвистики. Особое внимание при этом уделяется способам представления определенной концептуальной единицы в различных языковых сообществах и лингвокультурных пространствах. Следовательно, первостепенная задача исследований в данной области состоит в изучении способов категоризации и концептуализации знаний о мире. Концепт становится инструментом описания и объяснения данных процессов.

Выделяется два основных подхода к рассмотрению концепта: 1) концепт в аспекте культурно-ценностной интерпретации мира; 2) концепт как механизм познавательной деятельности человека. В основе каждого из этих направлений лежит система антропоцентрической концептуализации мира.

Концепт – это дискретная единица человеческого сознания, отражающая какой-либо предмет или явление реального мира. Многие отечественные лингвисты пытались дать точное и целостное определение термина «концепт» (С. А. Аскольдов-Алексеев, Д. С. Лихачёв, Ю. С. Степанов, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, С. Г. Воркачëв, В. И. Карасик, В. Н. Телия, В. А. Маслова, А. П. Бабушкин, Г. Г. Слышкин).

Ю. С. Степанов отмечает, что концепт – это смысл слова, охватывающий его представления, значения, ассоциации в ментальном мире человека определённой культуры¹. В данном случае подчеркивается культурно-ценностная сторона концепта.

По З. Д. Поповой, концепт – это «**базовая единица мыслительного кода человека**, обладающая относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющая собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущая комплексную энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению и предмету»².

Следовательно, З. Д. Попова указывает на оценочную репрезентацию концепта в том или ином языковом коллективе, характеризуя его как универсальное ментальное образование. В процессе познавательной деятельности в сознании человека формируются дифференциальные когнитивные признаки, которые помогают различать отдельные концепты, группы концептов и в то же время помогают связывать и сопоставлять их для восприятия и осмысления действитель-

ности. В каждой культуре существуют свои «специфические сферы опыта», позволяющие структурировать когнитивные признаки в разной последовательности.

С. Г. Воркачëв определяет изучаемую единицу следующим образом: «Концепт – синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в редуцированном виде»³. Таким образом, концепт – это прежде всего методологический подход к изучению языка.

Цель настоящей статьи – определить степень выраженности концепта *здоровье* в речевом этикете двух неблизкородственных лингвокультур (русской и английской), опираясь на фактический языковой материал, посредством выявления дифференциальных и классификационных когнитивных признаков данного концепта.

Для достижения поставленной цели необходимо рассмотреть совокупность языковых единиц, репрезентирующих концепт в современных русском и английском языках, то есть установить «ядро номинативного поля»⁴ концепта *здоровье* в соответствии с его универсальными и социокультурными характеристиками и определить его когнитивные признаки.

В русском языке слову *здоровье* соответствует два основных значения:

1) нормальное состояние организма, при котором правильно действуют все его органы (*вредить здоровью, заботиться о здоровье, укреплять здоровье, потерять здоровье*);

2) самочувствие, физическое и душевное состояние человека (*жаловаться на здоровье, слабое здоровье, спросить о здоровье детей*).

В английском языке представлено три лексико-семантических варианта слова *health*:

1) общее состояние организма (*good health, poor health, to be in poor health, to be in health bloom, to enjoy good health*);

2) нормальное физическое и психическое состояние без патологии (*to improve health, to lose one's health, to restore to health*);

3) нормальное состояние; благополучие (*healthy economy, healthy business*).

Приведенные словарные толкования формируют номинативное поле концепта *здоровье* и констатируют его признаковые качества физического и психического состояния. Оценочно-нейтральная номинация – естественное состояние живого организма – представляет основной классификатор универсального и лингвокультурного концепта *здоровье*. Общий классификатор *оценка* представлен в концепте *здоровье* следующими когнитивными признаками: *хорошее, плохое, крепкое, слабое* (в русском языке); *good, poor (bad), robust, ill* (в английском языке).

В составе семантической системы лексемы *здоровье* в русском языке можно выделить два явных классификатора данного концепта: *норма*

– *состояние*; в английском языке – три: *состояние* – *норма* – *благополучие*. В русском языке классификатор *благополучие* тоже представлен (*здоровая Россия, здоровый образ жизни, здоровый эгоизм*), но в менее выраженной форме, и поэтому находится на периферии номинативного поля концепта.

Вторая по значимости задача исследования заключается в определении выраженности ранее выявленных когнитивных признаков концепта *здоровье* в речевом этикете русской и английской лингвокультур.

Речевой этикет является важной частью каждого национального языка и культуры.

Под речевым этикетом в современном языкознании понимается совокупность правил речевого поведения, система национально специфичных, стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников.

К формулам речевого этикета относятся слова и выражения, употребляемые для приветствия, прощания, просьбы, извинения, сочувствия, пожелания и в других стандартных ситуациях общения. Большинство этикетных слов и выражений сформировалось в ранние периоды развития разных языков и изначально имело обрядовый и ритуальный характер.

Концепт *здоровье* в русском языке в разной степени репрезентирован в этикетных формулах приветствия: *Здравствуй (те)*; *Здрасьте* (сокращение в разговорной речи); *Здорово* (разговорное фамильярное приветствие, встречается чаще в речи мужчин): *Здорово, браток!*, *Здорово, ребята!*, *Здорово, старик!*; *Здорово живёте!* (прост.), *Здорово живёшь!* (прост.); *Доброго здоровья!*, *Доброго здоровьичка!* (прост.), *Доброго здоровьица!* (прост.); *Ну, здравствуйте, если не шутите!*, *Здравствуйте, коль не шутите!*, *Вот и здравствуйте!*, *Здравствуйте Вам!* (ответные реплики на приветствие в разговорной речи).

Универсальной формулой приветствия при встрече в русском языке является *здравствуйте* (*Здравствуйте, Иван Петрович!*, *Здравствуйте, дорогие дети!*) или *здравствуй* (*Здравствуй, мама!*, *Таня, здравствуй!*).

По данным толковых словарей, глагол *здравствовать* выступает в нескольких значениях: 1. Быть здоровым; благополучно существовать. *Вся моя семья живёт и здравствует.*

Выражение *ныне здравствующий* в значении «живущий в данный момент» в настоящее время употребляется редко: *Оба российских нобелевских лауреата по физике, дожившие до XXI века, – ныне здравствующий Алфёров и покойный Гинзбург – атеисты.*

Устойчивое выражение: «*Да здравствует!*» используется на торжественных заседаниях, демонстрациях, митингах и других мероприятиях в качестве приветственного восклицания с пожеланием успеха, процветания, благополучия: *Да здравствует свободная Россия!*; *Да здравствуют*

участники Всероссийского молодёжного форума!; *Да здравствует наш учитель!*

Контекст употребления этой формулы претерпел существенные изменения в постперестроечное время. Стандартные лозунги праздничных демонстраций советского периода ушли в прошлое. Связь с пожеланием здоровья всё более утрачивается. Приветствия типа *Да здравствует мой папа!*; *Да здравствует наш директор!* употребляются всё реже.

В последние десятилетия это выражение резко расширило сочетаемость за счёт наименований предметов, явлений и абстрактных понятий: *Да здравствует любовь!*; *Да здравствует семья!*; *Да здравствует российская наука!*; *Да здравствует природа!*; *Да здравствует Сочи!*; *Да здравствует Интернет!*

В настоящее время спектр значений формулы *Да здравствует!* включает в себя различные типы оценки. Так, наряду с традиционной положительной распространены шутивная (*Да здравствует лень!*; *Да здравствует караоке!*), ироничная (*Да здравствует непропорциональное развитие!*; *Да здравствует гражданский брак!*), неодобрительная (*Да здравствует катастрофа!*; *Да здравствует оккупация!*; *Да здравствует кризис!*) оценки.

Трансформация семантики формы повелительного наклонения *здравствуйте* привела к её употреблению в качестве междометия. В разговорной речи может встретиться употребление, выражающее восклицание, удивление, недовольство чем-либо, совершенно не связанное со значением «здоровье, благополучное существование»: *При встрече я хотел с ней заговорить, а она, здравствуйте, сделала вид, что меня не знает.*

Среди военных традиционно распространено приветствие *Здравия желаю!* Особенности его употребления регламентируются «Уставом внутренней службы», определяющим взаимоотношения военнослужащих. Эта формула употребляется при ответе на приветствие начальника или старшего по званию; в конце ответа добавляются слово «товарищ» и воинское звание без указания рода войск или службы. Например:

- *Здравствуйте, товарищи!*
- *Здравия желаю, товарищ полковник!*

Стандартный вопрос *Как здоровье?*, помимо своей основной функции (получить информацию о состоянии здоровья кого-либо у собеседника), выполняет контактоустанавливающую функцию и не требует от собеседника развёрнутого ответа:

- *Здравствуйте!*
- *Здравствуйте!*
- *Как здоровье?*
- *Спасибо, нормально.*
- *Ну, всего хорошего, до свидания.*

Этикетные формулы-пожелания *Будь здоров!* и *Будьте здоровы!* используются в разных ситуациях общения:

1) в качестве формулы прощания при выходе из разговора:

- До свидания!
- Будьте здоровы, всего доброго!
- Будь здоров!
- Пока, до встречи!

2) в качестве реакции на определённую ситуацию во время общения (ответная фраза тому, кто чихнул; когда чокаются бокалами, сниж.);

3) пожелание «в чистом виде»: *Будьте здоровы, живите богато. Пусть в Вашем доме царят мир и взаимопонимание.*

Этикетная формула *На здоровье!* используется только как вежливое пожелание при угощении или в качестве ответа на благодарность за угощение: *Ешьте, ешьте! На здоровье!*

- Спасибо, всё было очень вкусно!
- Рада, что Вам понравилось, на здоровье!

Фразы *На доброе здоровье!*; *На доброе здоровье!*; *На доброе здоровычко!* в настоящее время практически вышли из употребления.

Концепт *здоровье* последовательно репрезентируется также в стандартных формулах тостов в ситуациях официального и неформального общения: *За здоровье!*; *За Ваше здоровье!*; *За здоровье всех присутствующих!*; *Крепкого вам здоровья!*; *Так будьте здоровы!*

В русской национальной картине мира здоровье понимается как важнейшее неотъемлемое качество человека, способного к повседневной деятельности и труду.

Проанализированные формулы речевого этикета, в которых в той или иной мере репрезентирован концепт *здоровье*, получили широкое распространение и закрепились в современном русском языке. Основным когнитивным признаком данного концепта становится общее состояние человека; особую выраженность данный классификатор приобретает в этикетных формулах приветствия, а в ситуациях прощания и в вежливых пожеланиях замечен специализированный когнитивный признак *норма*, отражающий не только общее хорошее состояние, но и отсутствие болезни, какой-либо патологии.

В рамках русского речевого этикета вопросы о здоровье являются допустимыми наряду с характерными вопросами об отношениях в семье, воспитании детей, их учёбе. Нежелательны, но допустимы жалобы на возникшие трудности и проблемы, плохое самочувствие и болезни.

Этикетные формулы, связанные со здоровьем человека, могут дополняться пословицами и поговорками: *Будь здоров на сто годов; Здоров будешь – всё сделаешь; Здоров будешь – всё добудешь; Здоров – скачет, захворал – плачет; Крепился, да с ног свалился; Сила воли помогает лучше всех лекарств.* Пословицы и поговорки – неотъемлемый элемент формирования национальной картины мира. Таким образом, в русской лингвокультуре основной когнитивный признак

концепта *здоровье* представлен классификатором *норма*.

Для английского языка характерным является использование в речевом этикете форм сослагательного наклонения, вопросительных предложений. На лексическом уровне значительно реже, чем в русском языке, привлекаются стандартные обороты и устойчивые выражения. Концепт *health* представлен в этикетных формулах английского языка не столь разносторонне и объёмно, как в русском языке. Рассуждения о своем здоровье или нездоровье считаются недопустимыми в разговоре.

Лишь малая часть этикетных формул раскрывает смысл концепта *health* и представлена в основном в виде фразеологических единиц, пословиц и поговорок: *Break a leg!* – *Ну, с Богом!* (дословно «сломай ногу»); *Early to bed, early to rise makes a man healthy, wealthy and wise* – *Кто рано встает, тому бог подаёт*; *Good health is above wealth* – *Доброе здоровье дороже богатства.*

Репрезентация концепта *health* в английских пословицах и поговорках, используемых в разговорной речи, представляет собой взаимодействие двух классификаторов – *норма* и *благополучие*.

Выражения *To drink to someone's health*, *Your Health* употребляются как пожелание здоровья при угощении; *Take care* (*Будь здоров*), *Stay healthy* (*Не болей*) – реплики, сопровождающие прощание.

В речевом этикете различных культур можно выделить универсальные черты. Практически у всех народов существуют устойчивые формулы приветствия, прощания, благодарности, совета, пожелания, формы уважительного обращения к старшим и др.

Помимо стереотипных норм речевого поведения в языковом сознании любого этноса хранятся уникальные этикетные формулы, отражающие номинативное поле универсальных концептов (труды З. Д. Поповой) и их исторический слой (труды Ю. С. Степанова).

В процессе общения носители того или иного языка учитывают существующую в современном языковом коллективе систему ценностей, а также традиции и всевозможные изменения, происшедшие в жизни общества и нашедшие отражение в родном языке.

Примечания

- 1 См.: Степанов Ю. Константы : Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 2004. С. 42–43.
- 2 Попова З. Когнитивная лингвистика. М., 2007. С. 34.
- 3 Воркачёв С. Постулаты лингвоконцептологии // Антология концептов. Волгоград, 2005. С. 11.
- 4 Попова З. Указ. соч. С. 66.

УДК 811.161.1-25

ВЫБОР РАЗНОВИДНОСТИ ТИПА ОБЩЕНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

А. Н. Байкулова

Саратовский государственный университет
E-mail: Fhology@sgu.ru

В статье рассматривается соотношение официального и неофициального общения и влияние выбора типа общения на процессы коммуникации.

Ключевые слова: официальное и неофициальное общение, коммуникативная компетенция, культура речи.

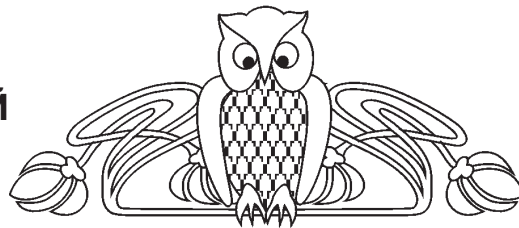
Choosing Communication Type Variant as a Component of Communicative Competence

A. N. Baikulova

The article addresses the correspondence of the formal and informal communication and the influence of the communication type on the communication processes.

Key words: formal and informal communication, communicative competence, speech culture.

Одной из составляющих коммуникативной компетенции являются знания или хотя бы представление индивида о типах и видах общения. В зависимости от этого общение дома и на работе, в транспорте, в школе, в поликлинике и других общественных местах должно проходить по-разному. Выбор разновидности типа общения во многом определяется коммуникативной компетентностью говорящих и их культурным уровнем¹. К сожалению, в речевой практике очень часто можно встретить с некомпетентностью в этой области или элементарным бескультурьем, когда человек позволяет себе пренебрегать нормами, свойственными той или иной разновидности типа общения. А ведь «речевое поведение, предречевой процесс выбора языковой системы, подсистемы или их единиц детерминируют многие факторы. В результате их действия одна и та же семантическая информация может воплощаться в субстанционально различающихся языковых высказываниях»². На наш взгляд, в качестве одного из таких детерминантов может выступать фактор официальности/неофициальности, который применим, по сути, к любому компоненту конкретного коммуникативного акта, будь то ситуация, коммуниканты с их целями, намерениями, социальными характеристиками, речевым поведением или сама речь, включая и её невербальное сопровождение, и т. д., и способен в результате определять характер выбора языка/речи/типа общения. В связи с этим в данной статье мы рассмотрим проблему соотношения официального и

неофициального общения и влияние выбора типа общения на процессы коммуникации.

Процесс влияния фактора «официальность/неофициальность» на выбор речевых форм убедительно иллюстрирует фрагмент из произведения Ю. Трифонова, который в качестве примера приводит в своём исследовании Н. И. Формановская³. Позволим себе также использовать данный текст: «Друзьяев спросил: – Ваш научный руководитель Николай Васильевич Ганчук? Как в детской игре «горячо-холодно», Глебов почувал вдруг, что тут-то и есть «тепло». Друзьяев не сказал Ганчук, что прозвучало бы сухо и напряжённо, и не сказал Николай Васильевич, что было естественней всего, если уж не дружески-фамильярное Никвас, он избрал чёткую, официальную формулу Николай Васильевич Ганчук, как при вручении премии или траурном объявлении. Оно было и уважительно и чем-то неумовимо отделяло названный авторитет от некоего целого».

Автор отразил психологию выбора нужной речевой формы, а по большому счёту – стиля и типа общения. «Официальная формула» возникла, судя по данному контексту, вследствие особого отношения к человеку (в реальной ситуации можно было бы выявить и другие причины), и выбор оказался удачным, поскольку соответствовал намерениям говорящего, который достиг коммуникативной цели.

Однако можно привести массу примеров, когда этот выбор настолько неудачен, что является причиной конфликта. В произведении А. П. Чехова «Скрипка Ротшильда» представлена ситуация визита к врачу: гробовщик Яков вместе со своей больной женой посетил врача Максима Николаича. В начале визита речь Якова отражает официальный характер общения (обращение на *вы*, именование врача по имени отчеству, стандартные речевые и этикетные формулы – *изволите видеть, позвольте вам выразиться, чувствительно вас благодарим*). Иное в речи врача: вследствие низкого социального статуса пациентов он ведёт разговор в неофициальной тональности, о чём свидетельствует прежде всего обращение на *ты*, *любезный*, использование местоимения *ей* в присутствии данного лица вместо официального именованного: *Ну, так вот, любезный, будешь прикладывать ей на голову холодный компресс и давай вот эти порошки по два в день. А засим до свидания, бонжур*.

В конце визита, вследствие того что Яков попросил поставить больной «пьявки», «фельдшер вспылил и крикнул:

– *Поговори мне ещё! Дубина...*

Яков тоже вспылит и побагровел весь, но не сказал ни слова <...>. Только когда уже садились в телегу, он сурово и насмешливо поглядел на больницу и сказал:

– *Насажали вас тут, артистов! Богатому небось поставил бы банки, а для бедного человека и одной пьявки пожалел. Ироды!*⁴.

Фрагмент иллюстрирует развитие характера коммуникации и, соответственно, речи в связи с особенностями параметров среды: речевое поведение определяется прежде всего социальным статусом персонажей, их коммуникативными установками и психологическим настроением. Нельзя исключать и такой параметр, как коммуникативная компетенция в выборе типа общения. Если рассматривать данный фрагмент с лингвистических позиций, то отчётливо проявляется антитеза официального и неофициального в общении: нарушение правил, кодекса общения – одна из главных причин возникшего конфликта.

Следует заметить современность А. П. Чехова: в сегодняшнем общении, принимая во внимание резкое социальное расслоение общества при несформированности отдельных социальных ролей, например роли потребителя⁵, бескультурье населения, аналогичные ситуации далеко не редки. Приведём лишь несколько примеров:

пассажи́р в маршрутном такси: *На Перспективной пожалста остановите // (водитель не услышал просьбу и не остановил такси) Просил же на Перспективной! Уши надо чистить! – Водитель: Сам уши прочисть! Бубнит б... себе под нос б...!*

в регистратуре поликлиники (из телефонного разговора регистратора-женщины по поводу вызова на дом врача). Регистратор больному гипертонией (о враче): *Может быть, придёт часов в пять. Ждите... если дождётся!;*

в регистратуре протезной мастерской врач другому врачу в присутствии пациентов: *Наталья Петровна / Отпусти эту бабульку // А то она нас уже всех затрахала //.*

К тому же в быденном дискурсе официальное общение постоянно переплетается с «живым», неофициальным, и часто можно наблюдать, как неумело осуществляется выбор между одним и другим. Иногда недостаток «живого» общения в сфере обслуживания может приводить, по мнению некоторых учёных, к обесцениванию речевого взаимодействия и даже грубости, а его избыток – мешать нормальной работе⁶.

Важность проблемы заставляет обобщить существующие научные подходы к соотношению понятий «официальное общение» и «неофициальное общение» и определению релевантных признаков этих типов коммуникации.

Среди многообразия выделяемых видов общения – знаковое/незнаковое, вербальное/невербальное, устное/письменное, диалогическое/монологическое, информативное, регулятивное,

фатическое, непосредственное, или прямое/опосредованное, персональное, или межличностное/представительское, или институциональное, групповое/массовое, кооперативное/конфликтное, свободное/стереотипное и др. – выделяется общение о ф и ц и а л ь н о е (в официальной обстановке) и н е о ф и ц и а л ь н о е, или ч а с т н о е (бытовое, дружеское, семейное)⁷.

Многие учёные (М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова, М. Н. Кожина, О. Б. Сиротина, Е. Н. Ширяев, Е. П. Захарова и др.) фактору официальности/неофициальности придают большое значение. Е. А. Земская называет официальность/неофициальность важнейшим признаком, влияющим на дифференциацию речи, причём связывает этот признак с существованием двух видов коммуникации – официальной и неофициальной⁸. Ю. М. Скребнев также считал неофициальность языкового общения абсолютно релевантным признаком разговорной речевой сферы⁹. Тем не менее следует сказать, что эта точка зрения принимается не всеми. В частности, О. А. Лаптева считает фактор официальности речи сомнительным, поскольку как понятие «о ф и ц и а л ь н ы е о т н о ш е н и я» отправителя и получателя речи, так и понятие «о ф и ц и а л ь н а я о б с т а н о в к а», по её мнению, являются трудноопределимыми¹⁰. Свою позицию исследователь объясняет тем, что в отношении официального лица человек, безусловно, старается избегать коллоквиализмов, фамильярности, но особенностей устной речи, своих речевых привычек ему избежать просто не удастся. Совершенно не поддаётся определению, по мнению О. А. Лаптевой, и понятие «официальная обстановка». Можно ли считать официальной обстановку в транспорте, если там мы пользуемся устоявшимися устно-разговорными стереотипами, парламент, если депутаты демонстрируют в процессе заседаний речевую непринуждённость безо всякой заботы о кодифицированности речи, учебную аудиторию, если в ней царит доверительная дружеская атмосфера, вполне справедливо вопрошает автор. Вместе с тем О. А. Лаптева допускает, что фактор официальности может оказывать влияние на людей, хорошо владеющих языком, но это бывает не часто и сродни ораторскому искусству¹¹.

Нечёткость оппозиции официальность/неофициальность замечают и другие исследователи, например М. Л. Макаров, исследующий дискурс в малых социальных группах, Н. А. Бобарыкина, предметом кандидатской диссертации которой являлись выделенные в малой рабочей официальной группе типы общения – официальный, полуофициальный и неофициальный, М. В. Колтунова, рассматривающая нормы официального и полуофициального делового общения¹².

Авторы учебника для вузов «Межличностное общение» В. Н. Куницына, Н. В. Казаринова и В. М. Погольша¹³, характеризуя этот тип общения, выделяют его различные формы, в частности

формальное (ролевое, деловое, профессиональное) и неформальное общение, причём этим терминам отдаётся предпочтение, они считаются более правильными по сравнению с терминами «официальное/неофициальное». Свою позицию исследователи объясняют тем, что «официальные отношения “руководитель – подчинённый” могут осуществляться как на формальном, так и на неформальном уровне»¹⁴. Различие между формальным и неформальным общением, по их мнению, определяется степенью включённости межличностных контактов, учётом личностных особенностей коммуникантов, мерой использования способов психологического воздействия. Такая позиция вызывает некоторые сомнения, поскольку сразу возникает ряд вопросов: что такое официальные отношения? сохраняется ли официальность отношений при переходе на неформальный уровень? может ли быть ролевое, деловое, профессиональное общение неформальным? К тому же, отказываясь от терминов «официальное/неофициальное», авторы тут же дают определение: «...официальное, или служебное, общение имеет место в сфере делового, функционально-ролевого общения, регламентированного правилами организации и служебным этикетом». По всей вероятности, авторы учебника опираются на работы зарубежных лингвистов (в частности, упоминаются исследования Э. Мэйо), где используется только обозначение «формальное/неформальное общение»¹⁵.

Более чёткой нам представляется позиция М. Л. Макарова¹⁶, который, ссылаясь на работы прежде всего зарубежных авторов, выявляет возможные аспекты рассмотрения категории «формальность»: формальность как характеристика аудитории, как составляющая категории *контактность*, как компонент *речевой констелляции*, как один из стилиобразующих факторов или в связи с понятием *регистр*, как один из параметров речевого общения, как совокупность речевых признаков, отличающих официальную интеракцию от разговорной¹⁷. М. Л. Макаров считает правомерным рассматривать формальность как признак группы – коллективного субъекта общения. Большинство исследователей, как пишет автор, относит формальность к ситуативному контексту. И. А. Стернин, например, сопоставляя официальное и неофициальное общение, указывает на то, что официальное общение ведётся «в официальных, то есть в формальных коммуникативных ситуациях...»¹⁸.

Хотя многие учёные называют признаки формальности универсальными для всех культур¹⁹, разделяем сомнение в этом М. Л. Макарова. На наш взгляд, в русской коммуникативной культуре понятия «официальное/неофициальное» и «формальное/неформальное» имеют разное значение и не могут быть взаимозаменяемыми, хотя формальность действительно можно рассматривать как один из параметров общения. Если же гово-

рить о формальном общении как речевом, то его можно было бы охарактеризовать как общение поверхностное, малосодержательное, ущербное, неискреннее, что подкрепляется толкованием слова «формальный». Формальный, по данным «Русского толкового словаря» В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной, это: 1. Проникнутый формализмом. 2. Основанный на принципах формализма. 3. Произведённый в принятом, законном порядке. 4. Существующий только для видимости²⁰. В связи с этим нам представляется логичным официальное/неофициальное называть типом общения, а формальное/неформальное – видом общения.

На наш взгляд, выделение неофициального общения вполне правомерно. Прежде всего, следует отметить, что в языковом сознании русского человека понятие «официальность» связывается, по данным современных толковых словарей²¹, с такими понятиями, как «должностной, правительственный» (*о. сопровождение, о. лицо*), «принятый, допущенный, общепризнанный» (*о. вид спорта, о. общественная доктрина*), «имеющий документальное подтверждение своих прав» (*о. дистрибьютор, о. консультант правительства*), «соблюдающий все правила, формальности» (*о. приглашение, о. тон беседы, о. заявление*), «холодно-вежливый, сдержанный» (*о. тон*). Сочетаемость слова *официальный* довольно широка, к тому же она включает всю шкалу оценки (от негативной до положительной, включая нейтральную) человеком ситуации (*о. момент, период, раунд, мероприятие; о. часть* и т. п.), события (*о. праздник, о. встреча, дискуссия* и т. п.) и его отношения с социумом (*о. отношения, о. контакт, отказ, соглашение* и т. п.). Признак официальности присутствует и в оценке самого человека – его внешности, поведения, речи (*о. вид, о. костюм, стиль одежды; о. причёска, улыбка, походка, манера; о. тон, голос, оборот речи, фраза, слово, стиль речи* и т. п.).

Словом *неофициальный* вступает в антонимичные отношения со словом *официальный*, являясь его лексико-словообразовательным антонимом вследствие присоединения приставки *не-* с отрицательным значением. Поэтому возникает смысловая противопоставленность официального неофициальному, что, очевидно, и закрепляется в сознании носителя языка. Поэтому мы считаем, что отрицать влияние данного фактора на характер человеческого общения нельзя, напротив, следует указать на его важность.

В теории коммуникации исследователи отводят разное место официальности/неофициальности.

Так, Е. А. Земская, как уже было отмечено, с фактором официальности/неофициальности связывает характер коммуникации, вид общения – официальное/неофициальное – и пять разновидностей городской устной речи:

– неофициальная личная речь (способ реализации – разговорный язык),

- неофициальная личная речь (просторечие);
- официальная личная речь (кодифицированный литературный язык – КЛЯ);
- массовая публичная речь (КЛЯ);
- коллективная публичная речь (КЛЯ)²².

М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова в комплексе признаков, характеризующих коммуникативный акт, отводят место официальности/неофициальности в таких признаках, как коммуникативная установка партнёров коммуникации (ПК) и тип общения²³.

В. В. Красных, создавая матрицу коммуникативного акта, под которым понимается функционально цельный фрагмент коммуникации, имеющий две составляющие – ситуацию и дискурс, – выделяет четыре аспекта каждого коммуникативного акта: экстралингвистический (конситуация), семантический (контекст), когнитивный (пресуппозиция), собственно лингвистический (речь)²⁴. В этой матрице фактору официальности/неофициальности отводится место во второй группе составляющих I порядка конситуации – объективно существующей собственно экстралингвистической ситуации общения, включающей условия общения и его участников (где, когда, с кем и почему ведётся разговор)²⁵. Как указывает автор матрицы, конситуация и речь эксплицитно присутствуют в любом коммуникативном акте, являясь его «поверхностными компонентами», а пресуппозиция и контекст представлены имплицитно – это его «глубинные компоненты»²⁶. Однако можно предположить, что параметр «официальность/неофициальность» имеет место не только в поверхностных, но и в глубинных компонентах коммуникативного акта: его действие можно обнаружить и в речи, и в пресуппозиции, и в контексте. Так, Е. А. Земская, сопоставляя проявление коммуникативных факторов в разных языках, отмечает, например, что немецкие студенты, слушавшие в Эдинбурге курс английской литературы, были поражены языком лекторов, поскольку это был, по их мнению, coffee-talk²⁷. Коммуникативная неудача связана, очевидно, с тем, что в пресуппозиции немецких студентов заложено представление о том, что лекция не должна читаться, как coffee-talk. Составляющие 3–8 матрицы коммуникативного акта, куда входит и рассматриваемый параметр, по мнению В. В. Красных, будучи объективными, могут получать разные оценки коммуникантов²⁸. В связи с этим возникает вопрос об объективности параметра. Возможно, его следует считать объективно-субъективным.

Другой взгляд на фактор официальности/неофициальности предлагает Е. П. Захарова, рассматривая его в составе выделяемых ею коммуникативных категорий, под которыми исследователь понимает категории речевого общения, участвующие в организации и/или регулировании коммуникативного процесса, имеющие определённую структуру (в виде оппозиции, шкалы, спектра), собственное коммуникативное содержание, на-

бор разноуровневых языковых и речевых (в том числе коммуникативно-прагматических) средств для выражения этого содержания²⁹.

Категория «официальность/неофициальность», по мнению исследователя, не относится к обязательным коммуникативным категориям, таким как речевые жанры, локальность, темпоральность, персональность, тональность, чуждость, неопределённость, информационность, значимость, определённость: наряду с категориями вежливости и категоричности она входит в состав сопутствующих коммуникативных категорий (подвид – регулятивные, социально-этические), выполняющих регулируемую функцию³⁰. С этим трудно согласиться. На наш взгляд, рассматриваемую коммуникативную категорию можно отнести к основным, поскольку она выполняет и коммуникативно-организующую функцию.

Чрезвычайно важным в исследовании Е. П. Захаровой представляется вывод, что коммуникативные категории, отражая разные стороны коммуникации, находятся в постоянном движении, развитии и взаимодействии, они формируют коммуникативные нормы и нередко связаны с субъективной оценочностью³¹.

Рассуждая о категории «официальность/неофициальность», исследователь фактически выявил её основные характеристики:

- данная категория базируется на разграничении официальной и неофициальной сфер;
- обладает комплексом разноуровневых языковых и речевых средств выражения своего коммуникативного содержания, включая невербальные. Перечень основных средств: коммуникативы, включая этикетные формулы; невербальные средства; тональность; набор коммуникативных стратегий и тактик; набор жанровых форм; коммуникативные импликатуры; собственно лингвистические средства (лексика определённой функционально-стилевой принадлежности, словообразовательные и морфологические показатели, разные элементы языковой игры, эмоционально-экспрессивные единицы, синтаксические конструкции, текстообразующие средства и др.);
- комплекс средств выражения официальности и неофициальности неодинаков: он связан как с наличием/отсутствием тех или иных средств, так и с характером и степенью их использования;
- важными категориальными признаками являются подготовленность/спонтанность речи, эксплицитность/имплицитность; отсутствие эмоциональности/ограниченная эмоциональность/ярко выраженная эмоциональность; кодифицированная/узусальная нормативность. Официальность связывается с традиционностью, ритуализованностью, общепринятостью: «...официальной речи **надлежит быть** (выделение наше. – А. Б.) сценарно подготовленной, эксплицитной, строго нормативной, с допустимым уровнем эмоциональности»³²;
- официальность/неофициальность образует оппозицию в виде шкалы. Официальность: стро-

гая – нейтральная – дружеская (на грани с полуофициальностью); неофициальность: нейтральная – дружеская – фамильярная;

– границы официального общения совпадают с границами статусно-ролевого общения, а неофициальное общение ограничено личностно-ориентированным общением и лингвистически представлено прежде всего РР;

– важнейшие факторы, определяющие данную категорию: условия и обстановка коммуникации; статус коммуникантов, их взаимоотношения, речевая культура; адресованность (персональная, публичная); тип личности говорящего, коммуникативная цель, речевой жанр, предмет обсуждения;

– коммуникативная категория официальности/неофициальности имеет широкие комбинаторные возможности, о чём свидетельствуют наличие полуофициального общения (городская коммуникация, по Е. П. Захаровой) и возможность коммуникативной дистанции между речевыми партнёрами, а также взаимодействие факторов противоположных сфер, когда в официальное общение включаются элементы неофициального и наоборот;

– коммуникативная категория официальности/неофициальности активно взаимодействует с риторическими категориями нормативности и эффективности³³.

На наш взгляд, вышеназванные характеристики категории «официальность/неофициальность» нуждаются в уточнении и дополнении. Так, например, дискуссионным представляется утверждение о совпадении границ официального и статусно-ролевого общения. Статусно-ролевое общение выходит за рамки официального: доказано, например, что в семейном общении коммуниканты исполняют семейные роли – матери, отца, сына, дочери³⁴. В свою очередь, нельзя утверждать и ограниченность неофициального общения личностно-ориентированным общением. Являясь ли личностноориентированной неофициальная коммуникация между случайными прохожими на улице (например, когда кто-то спрашивает, как найти какую-либо улицу) или вопрос человека, занимающего очередь, кто последний? По всей видимости, нет. За рамки личностноориентированного общения могут выходить и формы опосредованного общения – общение в интернет-форумах, чатах, блогах.

Есть сферы, которые без труда можно отнести к неофициальному или официальному общению. Именно на них и базируется, по мнению Е. П. Захаровой, категория «официальность/неофициальность». Так, к неофициальному общению традиционно относится прежде всего сфера *обыденной/повседневной/повседневно-бытовой/бытовой* (обратим внимание на разнообразие терминов) коммуникации, связанной, как правило, с семейным и дружеским общением. Целостного исследования, позволяющего представить всю

эту сферу, пока нет. В диссертационных работах А. В. Занадворовой, В. С. Анохиной и автора данного исследования впервые осуществлены попытки разноаспектного изучения СО в составе обыденного общения (ОО)³⁵, но этого явно недостаточно. Остаётся много проблем, которые ждут своего решения. Фактически малоизученными оказываются такие разновидности ОО, как общение в различных малых трудовых и профессиональных группах, коллективах, объединяющих людей по интересам, общение в магазине, в транспорте и т. п. Здесь, по-видимому, с точки зрения официальности/неофициальности не всё будет однозначно. Н. А. Бобарыкина³⁶, например, исследуя общение в конкретной малой рабочей официальной группе (коллектив филологов), в результате пришла к выводу, что оно неоднородно, выявляются его типы: внутри МСГ общение в основном полуофициальное и неофициальное, в переменных группах (при наличии собеседников, не являющихся членами данной группы) – неофициальное, а за пределами МСГ (во время общения с посетителями, на официальных заседаниях вне МСГ и т. д.) официальное. Вместе с тем в работе автора используются термины, так или иначе уточняющие характер коммуникации: *официальное институциональное и неинституциональное общение, полуофициальное статусно-ролевое, неофициальное профессиональное (условно названное деловым), неофициальное профессиональное с фатическими вкраплениями (условно названное фатическим), неофициальное профессиональное и непрофессиональное*. Н. А. Бобарыкина видит необходимость и в использовании обозначения «р а б о ч а я к о м м у н и к а ц и я», определяющего типы общения как внутри МСГ, так и за её пределами при выполнении сотрудниками служебных обязанностей. При этом исследователь подчёркивает отсутствие чётких границ между выделяемыми типами коммуникации.

В одной из своих работ Е. А. Земская, отвечая на возражения некоторых исследователей, считающих признак «неофициальности отношений между говорящими» неясным, высказала мнение о том, что этот признак приобретает необходимую отчётливость, если исключить из исследования промежуточные, нечёткие явления³⁷. Следует сказать, что вообще всё, что связано с языком, не подлежит чёткому разграничению, «любое общение носит многомерный, партитурный характер, и его типы выделяются с известной степенью условности»³⁸. Стремление же лингвистов всё упорядочить и разграничить определяется лишь конкретными потребностями научных изысканий.

Такой подход позволяет назвать наиболее отчётливо выступающие релевантные признаки как официального (Оф.О), так и неофициального (НО) общения.

Перечислим эти признаки.

Исследователи указывают, что НО осуществляется в сфере непринуждённого обыденного

общения (семейного, дружеского, общения в разных бытовых ситуациях), тогда как Оф.О – в сфере делового, функционально-ролевого общения, регламентированного правилами организации, служебным этикетом³⁹. НО связывается с понятием неформального, в отличие от Оф.О, (формального), которое осуществляется при строгом соблюдении протокола, предписываемого статусом и социальными ролями участников коммуникации. НО может быть непринуждённым, дружеским, интимным, фамильярным⁴⁰.

НО и Оф.О осуществляется как в устной, так и в письменной форме. Основная форма вербальной коммуникации в межличностном общении – беседа, разговор⁴¹, письменная форма – письма, записки, интернет-сообщения личного характера. Сторонники жанровой теории разрабатывают систему жанров непринуждённого неофициального общения⁴².

Тексты Оф.О: деловые письма, переговоры, дипломатические документы, протоколы, официально-деловые бумаги и др.

Исследователи указывают на то, что НО всегда ведётся при обращённости к личному адресату, независимо от количества участников общения (двое и более), то есть и в диалоге, и в полилоге, и в рассказе⁴³. Возможен квазиадресат, аутоадресат (в разговорах с грудными детьми, животными, вещами, самим собой)⁴⁴. Причём Е. А. Земская считает, что НО бывает только личным⁴⁵, той же точки зрения придерживается и Е. П. Захарова⁴⁶, а О. М. Казарцева полагает, что оно бывает только личным (непосредственным)⁴⁷. Последняя точка зрения представляется нам не совсем верной: НО может быть и опосредованным (записки, письма, дневники). Следует учитывать также появление новых видов речевого общения – компьютерно-опосредованную коммуникацию в чатах, на форумах, общение ди-джеев радиостанций со слушателями и др. Дискуссионно утверждение и о только личном характере НО. Так, например, разговор ди-джея с радиослушателями, по наблюдениям С. В. Андревой и Т. А. Сорокиной⁴⁸, содержит элементы межличностного общения на основе массового, поскольку в разговорах с конкретным радиослушателем одновременно осуществляется ориентация на прогнозируемого вторичного адресата. Современное интернет-общение может быть как личностным, так и одновременно публичным и массовым. Не только личностным может быть и общение на улице между незнакомыми людьми, когда оно не адресовано к конкретной личности. Рассуждая на эту тему, мы сталкиваемся с необходимостью уточнения терминов «личное» и «личностное». На наш взгляд, более точным, по сравнению с «личным» общением, является использование термина «персонально адресованное», если адресатом является конкретный человек; «личностное» же мы связываем с характером общения, когда говорящие относятся друг к другу как к личностям.

По Е. П. Захаровой, граница Оф.О совпадает с границами статусно-ролевого общения⁴⁹. Сомнения по этому поводу были высказаны выше. Устное Оф.О допускает любого адресата: личного – безличного, единичного – коллективного – массового⁵⁰. В связи с этим Оф.О бывает личным (непосредственным) и публичным (массовым – выступление по радио, телевидению – и коллективным – лекция, доклад, выступление на собрании), всегда ведётся с учётом аудитории⁵¹. Особенности публичного общения: подготовленность, содержательность, убедительность, сознательная установка на выбор средств выражения, характерных как для книжной речи (ораторские приёмы, стилистические фигуры и т. п.), так и для устной формы языка (жесты, мимика, интонация)⁵².

Е. А. Земская отмечает и другие особенности НО.

НО – общение полностью неподготовленное, тогда как Оф.О может быть как подготовленным, так и импровизированным.

НО в большей мере, чем официальному, свойственна конситуативность, то есть опора на конситуацию, в связи с чем речь фактически является сплавленной с ситуацией. С этим связано широкое распространение подвидов такой речи – речи-сопроводителя и речи-комментария. Речь-комментарий и речь-сопроводитель свойственна и публичной речи, но там она менее распространена. А может быть речь и самодостаточная.

НО протекает, как правило, по произвольной тематике, которая фактически не знает ограничений (исключая ограничения коммуникативного и социо-культурного характера)⁵³. Даже если тематика фиксирована, часто возникают непреднамеренные отступления. Характерно свободное тематическое развитие дискурса, часто речь движется по признаку ассоциативного присоединения. В Оф.О тема бывает фиксирована.

НО осуществляется только на разговорной речи (РР), если говорящий – носитель литературного языка. Отсюда высокая эллиптичность, повышенное употребление местоимений и других дейктических слов. М. Л. Макаров, обобщая исследования зарубежных лингвистов (Atkinson; Brown, Fraser; Cazden; Irvine; Levinson; Ochs; Fillmore; Holmes; Tannen; Labov и др.), сопоставляет формальную и неформальную речь. Среди признаков формальной речи часто называются «более высокая структурная организация, синтаксическая, лексическая и фонетическая нормативность, тщательность, замедление речевого производства и увеличение объёма, высокий уровень когезии и когеренции, упорядоченность мены коммуникативных ролей, фиксированность темы и т. д.»⁵⁴. Формальность связывается с предварительной подготовленностью речи. Неформальная же речь характеризуется меньшей структурированностью, эллипсисом, повторами, гезитациями, преобладанием действительных конструкций, более высо-

ким темпом и ритмом, отсюда меньшим объёмом единиц, тематическим разнообразием, снижением уровня когезии⁵⁵.

Оф.О. осуществляется только на кодифицированном литературном языке (КЛЯ), если говорящий – носитель литературного языка⁵⁶. Дискурс/текст содержит немало стереотипных, клишированных компонентов⁵⁷.

Типической особенностью устного НО, отмеченной ещё Л. П. Якубинским, Л. В. Щербой, является диалогичность, состоящая в перераспределении ролей говорящий/слушающий⁵⁸. Причём мена ролей обязательна. В НО есть и монолог, но он диалогизирован⁵⁹. Диалогичность воплощается в сигналах членения или сигналах речи (*угу, ага, а-а, ну-у, да, да-да, нет-нет* и др.)⁶⁰.

В Оф.О мена ролей необязательна, но всегда возможна.

Спаянностью НО с ситуацией определяется особая роль в нём невербального компонента. Е. А. Земская считает, что в НО больше возможностей для его использования, чем в Оф.О. Важной особенностью непринуждённого общения являются, например, такие невербальные компоненты общения, как жесты и мимика – не как сопроводители, иллюстраторы или усилители речи, а как полноправные носители информации, заменители вербального компонента. Большую роль играет возможность переспроса, и даже если его нет, говорящий готов к нему.

В официальной речи, особенно публичной, меньше употребляются средства невербального общения, в основном используются два вида жестов: указательные и подчёркивающие, выделяющие⁶¹.

Если говорить о соотношении НО и Оф.О в общем массиве устной речи, то доля непринуждённого НО несравнимо больше доли устной

публичной речи, несмотря на то что её роль возрастает: человек больше всего говорит дома, в разных бытовых ситуациях⁶².

Таковы основные особенности официального и неофициального (формального/неформального) общения, представленные в работах отечественных и зарубежных исследователей.

Однако, как отмечалось выше, в дихотомии официальность/неофициальность существуют нечёткие явления, исключать которые или не замечать, как нам кажется, просто нельзя: их можно отражать как явления переходного порядка. Н. А. Бобарькина при исследовании общения в МСГ филологов выделила полуофициальное общение – «профессионально обусловленное общение всех членов группы при коллективном решении той или иной задачи, отличающееся от неофициального своей профессиональной направленностью, использованием в связи с этим большого количества профессиональной лексики, но совпадающее с неофициальным по ряду параметров»⁶³. Главное, что объединяет полуофициальное общение с НО, по Н. А. Бобарькиной, – РР и её нормы. Исследователем выявлены разновидности полуофициального общения: профессионально обусловленное общение членов группы при коллективном решении той или иной задачи, профессиональное общение между начальником и подчинённым без посторонних, непрофессиональное общение с посетителями в приёмной при условии хорошего знакомства с собеседником. Автор считает, что полуофициальное общение – это «общение статусно-ролевое, асимметричное, профессионально насыщенное»⁶⁴.

М. В. Колтунова⁶⁵ выявила системные различия коммуникативных характеристик и норм официального и полуофициального делового общения и представила их в таблице.

Системные различия коммуникативных характеристик и норм официального и полуофициального делового общения

Официальное общение	Полуофициальное общение
Регулируется социокультурными нормами общения и специфическими конвенциональными нормами делового общения, носящими системный характер	Регулируется социокультурными конвенциями и корпоративными коммуникативными нормами. Нормы не носят системного характера
Высокий уровень стандартизации коммуникативного поведения. Ориентация на стандартные модели профессионального коммуникативного взаимодействия	Сниженный уровень стандартизации коммуникативного поведения. Ориентация на общие правила и модели профессионального коммуникативного взаимодействия
Ориентация на структуру и строгость тематической организации общения	Ориентация на реакцию партнёра. Спонтанный характер тематического развития дискурса
Высокий уровень самоконтроля, ролевой идентификации коммуникативного поведения	Сниженный уровень контроля. Выход за рамки статусно-ролевого поведения. Размытость и наложение ролевых характеристик
Кодексный характер норм и проективный принцип их соблюдения. Нормы носят характер жёсткого предписания	Канонический характер норм и избирательно-ситуативный принцип их соблюдения

Автор делает вывод о качественном и системном различии уровней конвенциональности коммуникативного поведения в официальном и полуофициальном деловом общении. М. В. Колтунова считает, что кодексный проективный

принцип законченной системы коммуникативных норм официально-делового общения противопоставлен менее жесткой формирующей и поэтому непроецируемой системе канонических норм полуофициального делового общения⁶⁶.

Представленные разнообразные точки зрения на реализацию параметра «официальность/неофициальность» в общении заставляют сделать вывод, что проблема разграничения типов общения дискуссионна и далеко не исчерпана. Позволим себе высказать собственный взгляд на эту проблему и в качестве гипотезы высказать предположение, что **официальным** типом общения можно считать общение, строго регламентированное коммуникативными, этическими и речевыми нормами, служащее иерархически организованному взаимодействию членов общества и способствующее регулированию прежде всего государственных, деловых, профессиональных отношений. Этот тип общения обязывает говорящих хорошо владеть языком, его функциональными разновидностями, а также всеми видами языковых/речевых, коммуникативных, этических норм, норм этикета. Следовательно, он предполагает специальное обучение. Наиболее отчетливо официальный тип общения представлен в жанрах письменной коммуникации с использованием КЛЯ.

Тогда **неофициальным** можно считать тип относительно свободного общения, не регламентированного жесткими рамками коммуникативных, этических и речевых норм, в наибольшей степени соответствующего волеизъявлению человека и отражающего особенности его языковой личности. Прежде всего, этот тип общения связан с устной непринужденной непосредственной коммуникацией, где широко распространена РР, но используется и в отдельных жанрах опосредованной коммуникации.

Промежуточные явления мы связываем с **рабочим** типом общения, допускающим или разрешающим в силу определенных причин те или иные отступления от принятых в официальном общении строгих норм и правил (речевых и неречевых), не выходящих за рамки литературного языка и существующих этических норм. Причём термин «рабочий» (тип общения) нам представляется более приемлемым вследствие четкой определенности (в отличие от слова «полуофициальный») самого значения слова: «рабочий» в четвертом значении, по словарю В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной, – «относящийся к работе, предназначенный для работы»⁶⁷. Объём и характер указанных отступлений может отражать широкий спектр зоны между двумя полюсами оппозиции официальность/неофициальность. Это даёт основания считать, что между представленными типами общения нет четких границ, есть ядерные и периферийные зоны, которые можно считать зонами наложения.

Предполагаем, что тип общения может быть не только предопределён для говорящего экстралингвистическими факторами, но и обусловлен его личным выбором в соответствии с речевыми и внеречевыми целями, характером ситуации, а также уровнем коммуникативной компетенции и общей культуры. Следовательно, этот выбор

должен носить, по всей вероятности, субъективно-объективный характер. Такой подход, на наш взгляд, позволит определить тип общения в каждой конкретной ситуации применительно к конкретному говорящему.

Многие современные люди не безразличны к своей речи, потому что хорошее владение языком, умение правильно вести разговор становится частью имиджа человека, способствует успешному решению самых разных общественных и производственных задач. Отсюда стремление улучшить прежде всего своё официальное общение, речь в профессиональной сфере, о чём свидетельствуют, например, вопросы, задаваемые сотрудникам кафедры русского языка и речевой коммуникации Института филологии и журналистики СГУ по «горячей линии», начавшей работать в Год русского языка. О своей же обыденной речи большинство не беспокоится, здесь господствуют не конкретные знания, а представления. Фактически не востребованы, к примеру, знания о специфике общения в семье, в трудовом коллективе, в транспорте, в магазине, в других общественных местах⁶⁸. А ведь именно речь в неофициальной сфере общения вызывает сейчас самую большую тревогу⁶⁹. Характерно, что и в радиопередачу «Служба русского языка» поступает очень много вопросов (до шестидесяти за 40 минут эфира), но и они в основном о значении и происхождении слов и фразеологизмов, о нормах орфографии и орфоэпии.

Знания о специфике видов общения особенно необходимы в условиях наметившейся и активно наступающей тенденции широкого проникновения разговорности в сферу официального общения и противостоящей ей тенденции проникновения официальности в обыденное общение. Так, например, М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова считают, что в последние годы произошли изменения, которые существенно поколебали чёткость бинарного членения коммуникативного пространства на официальное и неофициальное: «...границы функциональных сфер стали более проницаемы, что привело к активизации определенных типов речи друг на друга». Например, современная устная публичная речь, язык СМИ отмечены широким вторжением разговорных, жаргонных элементов, а в повседневное бытовое общение, напротив, стали проникать элементы официально-деловой и специальной речи, иноязычная лексика⁷⁰. В связи с этим, на наш взгляд, преследуя цели повышения речевой культуры общества, необходимо больше внимания уделять формированию компетенции, связанной с особенностями разных видов и типов общения. Фактор официальности/неофициальности имеет важное значение для коммуникации; во многом компетенция в этой сфере позволяет участникам общения избегать коммуникативных неудач, а конкретные знания об особенностях официального и неофициального общения способны снизить риск речевых конфликтов.

Примечания

- 1 О влиянии различных факторов на реализацию языка в конкретном дискурсе см.: *Сиротинина О.* Под влиянием каких факторов происходит реализация языка в конкретном дискурсе // *Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. Пермь, 2010. Вып. 14.*
- 2 *Никольский Л.* Синхронная социолингвистика (теория и проблемы). М., 1976. С. 124 (цит. по: *Земская Е., Китайгородская М., Ширяев Е.* Русская разговорная речь : Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981. С. 13).
- 3 *Формановская Н.* Речевое взаимодействие : коммуникация и прагматика. М., 2007. С. 10.
- 4 *Чехов А.* Скрипка Ротшильда // *Чехов А. Сочинения : в 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 7.*
- 5 О несформированности отдельных социальных ролей см.: *Байкулова А.* Социальный аспект и социальная составляющая в изучении коммуникативной компетенции личности // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. Саратов, 2010. Вып. 1.*
- 6 Об особенностях коммуникации в сфере обслуживания см.: *Кучевский В.* Психология общения продавца и покупателя : учеб. пособие для студентов коммерческих институтов. М., 1993.
- 7 О видах общения см.: *Гольдин В., Сиротинина О., Ягубова М.* Русский язык и культура речи : учебник для студентов-нефилологов. Саратов, 2001 ; *Дементьев В.* Фатические и информативные жанры непрямого общения // *Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000 ; Занадворова А.* Речевое общение в малых социальных группах (на примере семьи) // *Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003 ; Каган М.* Мир общения : Проблема межсубъектных отношений. М., 1988 ; *Стернин И.* Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001 ; *Формановская Н.* Указ. соч.
- 8 См.: *Земская Е.* Городская устная речь и задачи её изучения // *Разновидности городской устной речи. М., 1988.*
- 9 См.: *Скрёбнев Ю.* Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1971.
- 10 О терминах «официальное и неофициальное общение» см.: *Лантева О.* Теория современного русского языка. М., 2003.
- 11 Там же.
- 12 О полуофициальном общении см.: *Макаров М.* Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998 ; *Бобарыкина Н.* Общение в малой социальной группе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003 ; *Колтунова М.* Конвенции как прагматический фактор делового диалогического общения. М., 2005.
- 13 О формальном и неформальном общении см.: *Куницына В., Казаринова Н., Погольша В.* Межличностное общение. СПб., 2001.
- 14 Там же. С. 277.
- 15 Там же.
- 16 О категории «формальность» см.: *Макаров М.* Указ. соч.
- 17 Там же.
- 18 *Стернин И.* Указ. соч. С. 12.
- 19 О признаках формальности см.: *Макаров М.* Указ. соч. С. 147.
- 20 *Лопатин В., Лопатина Л.* Русский толковый словарь. М., 2006. С. 845.
- 21 См.: *Крысин Л.* Толковый словарь иноязычных слов. М., 2005 ; *Лопатин В., Лопатина Л.* Указ. соч. ; *Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М., 2004 и др.*
- 22 О разновидностях городской устной речи см.: *Земская Е.* Указ. соч.
- 23 О признаках коммуникативного акта см.: *Китайгородская М., Розанова Н.* Речь москвичей : Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.
- 24 О структуре матрицы коммуникативного акта см.: *Красных В.* «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? М., 2003.
- 25 Там же. С. 87–88.
- 26 Там же. С. 85.
- 27 О проявлении коммуникативных факторов в разных языках см.: *Русская разговорная речь (PPP). М., 1973. С. 13.*
- 28 О коммуникативных параметрах см.: *Красных В. В.* Указ. соч. С. 88.
- 29 О коммуникативных категориях см.: *Захарова Е.* Коммуникативные категории и нормы // *Хорошая речь. Саратов, 2001.*
- 30 Там же. С. 164.
- 31 Там же. С. 167.
- 32 Там же. С. 175.
- 33 Там же.
- 34 О семейных ролях см., например: *Беликов В., Крысин Л.* Социолингвистика : учебник для вузов. М., 2001 ; *Байкулова А.* Речевое общение с новорождённым // *Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2005. Вып. 5 ; Она же.* Семейная роль детей и её речевое выражение // *Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2007. Вып. 7 ; Она же.* Семейная роль и речь : муж и жена // *Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Том 7. Сер. Филология. Журналистика. Саратов, 2007. Вып. 2 ; Она же.* Семейные роли и их отражение в речи одного и того же человека // *Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2006. Вып. 6 ; Занадворова А.* Указ. соч. и др.
- 35 О семейном общении см.: *Анохина В.* Коммуникативный и адаптационный аспекты речевого общения в семье как в малой социальной группе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2009 ; *Байкулова А.* Речевое общение в семье : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006 ; *Занадворова А.* Указ. соч.
- 36 О типах общения в малых социальных группах см.: *Бобарыкина Н.* Указ. соч.
- 37 *Русская разговорная речь (PPP). С. 17.*
- 38 *Карасик В.* Структура институционального дискурса // *Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000. С. 29.*
- 39 О специфике официального и неофициального общения см.: *Куницына В., Казаринова Н., Погольша В.* Указ. соч.

- 40 О специфике официального и неофициального общения см.: *Формановская Н.* Указ. соч.
- 41 См.: *Куницына В., Казаринова Н., Погольша В.* Указ. соч.
- 42 О системе жанров непринуждённого неофициального общения см.: *Китайгородская М., Розанова Н.* Указ. соч.; *Дементьев В.* Теория речевых жанров. М., 2010 и др.
- 43 См.: *Земская Е.* Указ. соч.; *Казарцева О.* Культура речевого общения: теория и практика обучения. М., 2003.
- 44 См.: *Земская Е.* Указ. соч.
- 45 Там же.
- 46 См.: *Захарова Е.* Указ. соч.
- 47 См.: *Казарцева О. М.* Указ. соч.
- 48 См.: *Андреева С., Сорокина Т.* Специфика новых видов речевого общения в современном обществе // Предложение и Слово. Саратов, 2008. С. 280–281.
- 49 См.: *Захарова Е.* Указ. соч.
- 50 См.: *Земская Е.* Указ. соч.
- 51 О специфике официального общения см.: *Казарцева О. М.* Указ. соч.; *Земская Е.* Указ. соч.
- 52 Об особенностях публичного общения см.: *Казарцева О. М.* Указ. соч.
- 53 О специфике неофициального общения см.: *Земская Е.* Указ. соч.; *Китайгородская М., Розанова Н.* Речь москвичей: Указ. соч.
- 54 О признаках формальной речи см.: *Макаров М.* Указ. соч. С. 147.
- 55 О неформальной речи см.: Там же.
- 56 См.: *Земская Е.* Указ. соч.; *Китайгородская М., Розанова Н.* Указ. соч.
- 57 См.: *Формановская Н.* Указ. соч. С. 40.
- 58 Об особенностях неофициального общения см.: *Земская Е.* Указ. соч.; *Казарцева О. М.* Указ. соч.
- 59 См.: *Земская Е.* Указ. соч.
- 60 См.: *Земская Е.* Указ. соч.; *Казарцева О. М.* Указ. соч.
- 61 О роли невербального компонента в неофициальном общении см.: *Земская Е.* Указ. соч.
- 62 О соотношении официального и неофициального общения см.: Там же.
- 63 *Бобарыкина Н.* Указ. соч. С. 23.
- 64 Там же.
- 65 См.: *Колтунова М.* Указ. соч. С. 182.
- 66 Там же. С. 182–183.
- 67 *Лопатин В., Лопатина Л.* Указ. соч. С. 622–623.
- 68 См.: *Байкулова А.* Социальный аспект и социальная составляющая в изучении коммуникативной компетенции личности.
- 69 См.: *Сиротинина О.* Положительные и негативные следствия двадцатилетней «свободы» русской речи // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2008.
- 70 См.: *Китайгородская М., Розанова Н.* Указ. соч. С. 7.

УДК 811.161.1'38:004.738.5+811.161.1'367

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ И ПОРЯДКА СЛОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Т. А. Сорокина

Саратовский государственный университет
E-mail: s.t.a.2007@inbox.ru

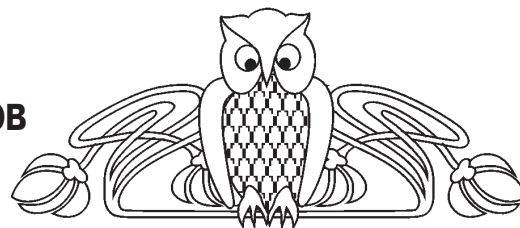
В статье рассматриваются некоторые закономерности актуального членения и порядка слов в интернет-коммуникации. Выявлены случаи нарушения синтаксической иерархии в связи с актуализацией коммуникативно значимого компонента. Сделан вывод о сходстве словопорядка интернет-коммуникации с нормами разговорной речи.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, актуальное членение, тема, рема, порядок слов, синтаксическая иерархия, синтаксическая группа.

Some Aspects of Actual Division Research and Word Order in Internet Communications

T. A. Sorokina

In article some common factors of actual division and a word order in Internet communications are considered. Cases of syntactic hierarchy infringement in connection with actualization of communicatively significant component are revealed. The conclusion is drawn on similarity

of an Internet communications word order to informal conversation standards.

Key words: internet communication, actual division, theme, rheme, word order, syntactic hierarchy, syntactic group.

Любое предложение состоит из структурных единиц, занимающих определенные позиции. В соответствии с этим оно подвергается грамматическому членению на группу подлежащего и группу сказуемого, а далее на компоненты словосочетаний, составляющих эти группы.

Вместе с тем, реализуясь в речи, предложение становится коммуникативной единицей и оформляется в соответствии с речевым замыслом говорящего. Как коммуникативная единица оно подвергается актуальному членению, цель которого – передача «актуальной информации»¹. При актуальном членении предложение делится на две составляющие: исходный пункт высказывания и ядро (термин В. Матезиуса)². В литературе встречаются и другие номинации этих составляющих: *психологический субъект* и *психологический предикат*, *основа* и *предсказуемая часть*, *данное* и

новое. В современной лингвистике части актуального членения обозначаются терминами *тема* и *рема*.

Поскольку тема является предметом сообщения, то «типичным способом выражения темы служит подлежащее или группа подлежащего»³. Рема же – это то, что сообщается о теме, поэтому типичным выразителем ремы считается сказуемое или его группа. Следует заметить, что далеко не всегда актуальное членение предложения соответствует его грамматическому членению: *Я с ними не пойду. Они идут еще и в тесар*. Во втором предложении два коммуникативных члена – тема *Они идут* и рема *еще и в тесар*, – т. к. целью сообщения является обозначение места празднования, а все остальное известно собеседнику из контекста и ситуации общения. С синтаксической точки зрения предложение членится совсем по-другому: подлежащее – *они*, сказуемое – *идут*, обстоятельство – *в тесар*. Это пример нарушения иерархии синтаксического членения вследствие актуализации.

Как известно, конструкции, в которых актуальное членение расходится с грамматическим (тема выражена сказуемым или группой сказуемого, а рема – подлежащим или его группой), обусловлены контекстом и занимают синтагматически зависимую позицию:

abel-jimel (13:41:16 15/01/2009) *Мне насчет документов не звонили. Не звонили и по поводу работы*⁴.

Из примера видно, что структурный компонент *не звонили*, выполняющий функцию сказуемого, в первом предложении выражал рему, а во втором стал темой, поскольку это исходный пункт второго предложения (из контекста следует, что ранее речь об этом уже шла).

Королева (12:11:46 19/01/2009) *А еще кто-нить не пойдет?*

Виктория (09:55:36 15/12/2008) *Я не пойду, и это главное...*

В данном случае коммуниканту необходимо сообщить, что именно он не пойдет, поэтому подлежащее *я* выражает рему, которая вынесена в препозицию, что также не является естественным для актуального членения неэкспрессивных высказываний.

Общепризнано, что исходная коммуникативная структура, в которой тема выражается группой подлежащего и занимает препозицию, а постпозитивная рема выражена группой сказуемого, является расчлененной:

444774358 (13:39:42 15/01/2009) *Я поругалась с Женей. Он не хочет брать кредит* (тема – *я*, он, рема – *поругалась с Женей, не хочет брать кредит*).

Другой коммуникативный тип высказывания – нерасчлененный – в большинстве случаев включает только рему. Такие высказывания особенно характерны для разговорной речи и, как показывают наши наблюдения, распространены в

интернет-коммуникации, где в ответной реплике опускается известная часть сообщения и содержится только сообщаемое:

Бобер (21:21:35 27.08.2010): *Танечка.как дела?*

Татка (21:35:00 27.08.2010):*все нормально, покупаю пеленки, мама шьет распашонки, будущий папа зарабатывает деньги.*

Соблюдению иерархии синтаксического членения и выражению актуального членения служит **порядок слов**. В большей степени это касается письменной речи, поскольку в разговорной речи важным средством выражения актуального членения является интонация.

Согласно грамматической норме в двусоставных распространенных предложениях имя существительное в роли подлежащего распространяется препозитивным прилагательным и постпозитивной зависимой словоформой, а сказуемое – препозитивным наречием на -о/-е и постпозитивными зависимыми падежными словоформами. Главные члены в сочетании со своими распространителями образуют группу подлежащего и группу сказуемого. В своей совокупности они представляют предикативную группу, которая может распространяться детерминантом⁵. Такая структура предложения соответствует правилам расположения синтаксических компонентов, свойственным письменной речи.

Рассмотрим, как обстоит дело с порядком слов в интернет-коммуникации. В первую очередь нами были выявлены случаи разрушения синтаксической иерархии вследствие актуализации одного из компонентов высказывания, что выражается в «изменении порядка следования синтаксических групп или в нарушении цельности синтаксической группы»⁶.

Изменение порядка следования синтаксических групп может проявляться в актуализации детерминанта в качестве ремы:

1) nastya2356 (17:40:47 19/01/2009) *сйжу я дома уже месяца 4.*

2) Королева (12:11:46 19/01/2009) *уедем мы как только мне подпишут заявление*

3) [22:18:56] <samsa>: *у мя инет сломался поэтому мя 2 месяца не было*

Согласно закономерностям расположения синтаксических компонентов детерминант должен занимать позицию перед предикативной группой, т. к. распространяет всю группу. Однако вследствие актуализации детерминанта, выражающего рему, он становится постпозитивным (1, 2) или интерпозитивным (3). Это объясняется принципом построения высказывания: переход от данного к новому, а рема, как известно, является информационным центром высказывания. Поэтому предикативная группа, выражающая тему, предшествует детерминанту – реме.

Нарушение цельности синтаксической группы в связи с актуализацией одного из ее компонентов заключается в том, что «зависимые компонен-

ты словосочетаний перестают занимать то место, которое предусмотрено для них иерархически организованной синтаксической структурой»⁷.

Рассмотрим случаи нарушения цельности словосочетания, компонентами которого выступают существительное и прилагательное. Так, в интернет-коммуникации нарушением нормы порядка слов можно считать постпозицию определения в адъективном словосочетании. Отрыв постпозитивных определений от существительного, их логическая подчеркнутость и «делает возможным функционирование определений в качестве самостоятельного коммуникативного члена, в том числе и нового»⁸:

1) [22:16:41] <В@bon>: *а к нам в класс седня девочка новая пришла*

[22:17:49] <Morandi>: *а девочка то пришла красивая* ❤️

В приведенном примере нас интересует высказывание Morandi, которое содержит определение «красивая», выражающее в данном контексте собственно ремю.

В исследуемом материале отмечены случаи употребления постпозитивного определения, поясняющего сказанное:

2) TIN 13.01.2007 – 16:51: *с выражениями не гони...нас дети читают...несовершеннолетние*

Как видно, определение находится за пределами предложения и выполняет функцию добавления, которое, безусловно, рематично, однако малозначимо для коммуникации. Постпозицию добавляемого определения О. Б. Сиротинина считает своеобразием устной речи. В письменной же речи, где предложение заранее обдумывается, такие случаи постпозиции невозможны.

В интернет-речи встретился и такой тип нарушения единства адъективного словосочетания, как постпозиция коммуникативно незначимых определений:

3) [22:16:41] <В@bon>: *а к нам в класс седня девочка новая пришла*

Здесь определение *новая* входит в состав ремы, но «не играет роли в передаче понятия»⁹, поскольку первый приход в класс девочки предполагает, что в этом классе это новая ученица, поэтому рассматриваемое определение обозначено нами как коммуникативно незначимый компонент.

Таким образом, в большинстве случаев (за исключением примера 3) мы имеем дело с адъективным словосочетанием с дистантным расположением определения. По мнению О. Б. Сиротининой, такое дистантно расположенное определение «всегда обусловлено стилистическими факторами»¹⁰ и чаще всего является собственно ремой высказывания.

Результаты исследования, проводимого на материале интернет-коммуникации, мы сравнили с данными, полученными О. Б. Сиротининой на материале письменной и живой разговорной речи.

При рассмотрении порядка слов в адъективных словосочетаниях исследователь отмечает, что

закономерности словорасположения в письменной и устной речи почти не различаются. В разговорной речи ею было зафиксировано 899 случаев сочетания существительного с согласованным определением, из них 61 пример постпозитивного расположения определения, в семи из которых оно выражало ремю высказывания. При анализе нашего материала¹¹ были получены следующие результаты: 76 – 10 – 3 соответственно. Вместе с тем из трех случаев только один является иллюстрацией выражения ремы согласованным определением, один пример функционирования коммуникативно незначимых прилагательных, входящих в состав ремы, и одно рематичное добавление, играющее незначительную роль в процессе общения. Из этого следует, что порядок слов в адъективных словосочетаниях, употребленных в интернет-коммуникации, в своем большинстве соответствует грамматической норме.

Аналогично разрушаются синтаксические связи между именем существительным и зависимой словоформой:

[22:17:48] <LennyTao>: *какой ключик-то потеряла, сестрѐн*

[22:18:14] Т@нюх@: *от сердца потеряла ключик* 😊 *от сердца* ❤️

В результате актуализации нарушается цельность словосочетания *ключик от сердца*, компоненты которого попадают в разные коммуникативные группы: зависимая словоформа *от сердца* выражает ремю высказывания, а существительное *ключик* входит в состав темы. Здесь мы имеем дело с эмфатическим словорасположением в экспрессивном высказывании. Использование такого метафорического словосочетания (*ключик от сердца*) свидетельствует о его рематичности. В устной речи эмфаза была бы подчеркнута ударением, а в интернет-речи о повышенной ударности ремы свидетельствует её абсолютная препозиция.

О. Б. Сиротинина отмечает меньшую семантическую спаянность элементов глагольного словосочетания, вследствие чего вступает в силу коммуникативная функция порядка слов¹².

Рассмотрим особенности словопорядка в сочетаниях сказуемого с прямым дополнением. В нашем материале зафиксированы случаи, когда сказуемое и прямое дополнение в результате актуализации попадают в разные коммуникативные группы. Так, сказуемое может выражать собственно тему, а прямое дополнение – ремю высказывания:

1) Run 3.01.2007 – 16:27: *не знаю*^{Т1} *я*^{Т2} *конкурентов в борьбе за ОИ'14^Р:))))))))))*¹³

2) Eiella 26.04.2010 – 10:17: <...> *что вы читаете? Во что играет? Где бываете? В общем, как проводите свободное время?*

Пупса БО 26.04.2010 – 10:32: *Читаю*^{Т1} *я*^{Т2} *интересные книги*^Р, *играю с бабушкой в домино, чё за вопросы, блин* <...>

3) Настена (17:14:35 19/12/2009); *ты туда звонила? Че-нить предложили?*

Татка (17:18:42 19/12/2009) *Ха!!! Предложили^{T1} мне^{T2} найдостойнейший вариант: з/п 4330р. и даже премию;*^R

В приведенных примерах последовательность расположения составляющих глагольного словосочетания соответствует грамматической норме. Нарушение его цельности происходит по причине того, что коммуникативно незначимый компонент (по терминологии И. И. Ковтуновой – вторая тема) разрывает единое словосочетание, в результате чего связь глагола с зависимой словоформой приобретает дистантный характер. Это свидетельствует о явном влиянии разговорной речи на интернет-коммуникацию.

Возможно в интернет-речи препозитивное расположение прямого дополнения в качестве собственно темы:

1) Chri\$ty 25.03.2007 – 21:13: *фотку^{T1} я^{T2} бы разместила^R, но меня бесит один мужской факт <...>*

2) [22:16:10] <LennyTao>: *а полосы эти черные^{T1} я^{T2} быстринько перекрашу^R*

3) [15:12:28] Мускари: *сантехника^{T1} мы^{T2} уже вызывали^R. весело было*

Здесь нарушение цельности словосочетания проявляется в следующем. Во-первых, порядок расположения компонентов словосочетания не соответствует грамматической норме, т. к. зависимая словоформа находится в препозиции по отношению к глаголу. Вместе с тем такое расположение объясняется влиянием актуального членения и нормой порядка следования коммуникативных членов: тема – рема. Во-вторых, нарушение цельности словосочетания, как и в предыдущей группе примеров, выражается в дистантном расположении его элементов за счет присутствия коммуникативно незначимых компонентов (подлежащие *я, мы*).

В нашем материале отмечены такие случаи, когда сочетание сказуемого с препозитивным дистантным прямым дополнением является одним коммуникативным членом – темой высказывания:

1) Татка (09:57:37 15/12/2008): *а кто за все отвечает фактически? Кто документы подписывает?*

Виктория (09:58:34 15/12/2008): *доки конечно же подписывает лена, хотя всем как всегда заправляет № №*

2) [00:14:52] СТЕФАНИ: *это готы розовым волосам красят?*

[00:15:26] Dagus: *неет волосы в розовый цвет красят это а готы жилиют что не родились вампирами*

Таким образом, для интернет-коммуникации характерна препозиция прямого дополнения (нередко дистантная).

Анализируя словопорядок в сочетании сказуемого с прямым дополнением, О. Б. Сиротина отмечает, что для письменной речи характерна преимущественно контактная постпозиция прямого дополнения, а его дистантное расположение

обычно не превышает 15–20%. С устной речью дело обстоит следующим образом: всего исследователем зафиксировано 959 случаев употребления сочетания сказуемого с прямым дополнением, из них 206 примеров (22%) постпозитивного расположения прямого дополнения, выражающего рему высказывания, 244 случая (26%) препозиции прямого дополнения в качестве темы высказывания и 137 употреблений (14%) сочетания препозитивного прямого дополнения со сказуемым в роли темы высказывания¹⁴.

Наше исследование порядка слов в глагольном словосочетании с прямым дополнением на материале интернет-речи показало приблизительно равное соотношение препозитивного и постпозитивного (соответственно 57 и 66 из 123) употребления прямого дополнения. При этом 23 постпозитивных прямых дополнения выражали рему высказывания, что соответствует 19% от общего числа использования рассматриваемого словосочетания.

Позиция косвенного дополнения в сочетании со сказуемым зависит, по мнению О. Б. Сиротиной, от типа связи в этом словосочетании (сильное либо слабое управление) и коммуникативной роли косвенного дополнения в рассматриваемом предложении. Исследователь отмечает преимущественную постпозицию косвенного дополнения в письменной речи и преобладающую препозицию как сильноуправляемого, так и слабоуправляемого дополнения в живой разговорной речи. В нашем материале отмечено 482 употребления косвенных дополнений. В большинстве случаев косвенное дополнение препозитивно, причем препозиция характерна как для сильно-, так и для слабоуправляемых косвенных зависимых словоформ.

Наиболее распространены сильноуправляемые препозитивные дистантные косвенные дополнения, выражающие собственно рему высказывания:

1) Нади (17:38:54 6/12/2006): *я кстати валю на улице встретила* ⊕

2) [23:28:43] Dan\$: *я влек собираюсь себе купить, ганять буду*

[23:29:15] Звездная пыль: *ты СЛОВАРЬ лучше себе купи, нужнее будет*

3) Antonella 19.03.2011 23:48:51: *А вот с волосами лучше не экспериментировать*

Как видно из примеров, сказуемое в сочетании с косвенным дополнением под влиянием актуального членения оказывается в разных коммуникативных группах.

Обращает на себя внимание еще один способ расположения косвенного дополнения:

1) Просто Света 21.03.2007 – 11:40: *<...> вот и давайте обсудим: с кем или чем вам не жалко расстаться?*

Estrella 21.03.2007 – 16:58: *не жалк с парнем расстаться: ушел один придет другой, как трамвай*

2) Bob@ (13:08:12 15/04/2010): *почему он не хочет с нами идти?*

Еno\$hk@ (13:09:06 15/04/2010): *да не с вами, он не хочет к **Машке** идти, думаю из-за разница в возрасте и положении*

3) Королева (12:15:41 19/01/2009): *только муж сейчас замучает испеки это испеки то*

MumZell (12:17:05 19/01/2009): *мой тоже меня постоянно просит торты **ему** печь*

Здесь косвенное дополнение разрывает семантически связанные элементы одной конструкции. В первом примере речь идет о сложном предикате в односоставном предложении (*не жалко расстаться*), во втором – о составном глагольном сказуемом (*не хочет идти*), в третьем – о сказуемом с инфинитивом в роли дополнения (*просит печь*). Такое расположение косвенного дополнения, выражающего рему высказывания, легко объяснимо влиянием разговорной речи на интернет-коммуникацию. Для разговорной речи типично положение ремы в середине высказывания, поскольку в начале высказывания у слушающего еще нет настроенности на восприятие информации, а в конце, наоборот, возникает потеря внимания. Поэтому новая, коммуникативно значимая, информация наиболее эффективно воспринимается, если подается в середине высказывания, когда коммуникант уже настроен и еще слушает.

В интернет-коммуникации нами были отмечены случаи нарушения цельности словосочетания, элементами которого выступают сказуемое и обстоятельство образа действия, выраженное наречием на -о/-е. Если в состав группы сказуемого входит сочетание глагола с наречием образа действия, то грамматическая норма словоупотребления предполагает препозицию наречия:

1) SUNNY ANGEL 20.03.2007 – 18:10: *не приспособлен??? Город **АБСОЛЮТНО** не приготовили к проведению игр!!!*

2) menedem (10:02:12 15/12/2008): *<...> про-сто ты **презв**о смотри на ситуацию)*

Однако в результате актуализации наречия в интернет-коммуникации появляются следующие варианты их употребления:

1) Viola (13:03:51 19/07/2011): *мой тоже задерживается на работе **постоянно***

2) Nazgul21 8.01.2007 – 22:13: *ОИ должны быть в сочи **однозначно***

3) [19:34:56] Мелвик: *без бинтов я отобью руки **быстрее***

Нарушение порядка слов в глагольном словосочетании с наречием проявляется в постпозитивном дистантном расположении зависимого наречия по отношению к глаголу по требованию актуального членения. Обстоятельство образа действия, несущее информативную нагрузку, выражает рему высказывания, а грамматическая основа входит в состав темы. Таким образом, элементы одного словосочетания оказываются в разных коммуникативных группах.

В интернет-коммуникации, так же как и в разговорной речи, в большинстве случаев обстоятельство образа действия препозитивно – 22 примера из 31, причем 16 выражают рему высказывания. Дистантность обстоятельства крайне редко встречается в письменной речи и распространена в интернет-коммуникации.

Спецификой интернет-коммуникации можно считать графическое выделение ремы высказывания. В разговорной речи информационный центр высказывания подчеркивается интонационно. Пользователи Сети, выделяя из потока речи наиболее значимые элементы, пользуются такими графическими средствами, как смена цвета или начертания, подчеркивание, написание слов прописными буквами и т. п.

Итак, актуализация какого-либо компонента высказывания в интернет-речи приводит к следующим изменениям порядка слов. Во-первых, нарушается порядок следования синтаксических групп. В частности, детерминант занимает несвойственную ему позицию абсолютного конца высказывания или интерпозицию, выражая рему высказывания. Как известно, интерпозитивная рема нехарактерна для письменной речи.

Во-вторых, нарушается цельность синтаксических групп. Имеет место так называемый непроективный порядок слов, который создается разрывом словосочетания (в том числе за счет коммуникативно незначимых компонентов) и дистанцированием его элементов.

Обращает на себя внимание большое количество нерасчлененных высказываний. Это объясняется немоналогическим видом речи. Исходный пункт (тема) зачастую содержится в вопросе, поэтому стремление к экономии усилий, времени и языковых средств исключает в ответной реплике повторение сказанного и предполагает сообщение только новой информации.

Сопоставление результатов исследования порядка слов в интернет-коммуникации с данными, полученными исследователем О. Б. Сиротининой на материале письменной и живой разговорной речи, обнаруживает большое сходство порядка слов в интернет-речи, носящей диалогический характер, с разговорными нормами.

Примечания

- 1 Под актуальной информацией П. Адамец понимает «суть данной коммуникации, из-за которой эта коммуникация реализуется и без которой она не имела бы смысла» (*Адамец П.* Порядок слов в современном русском языке. Прага, 1966. С. 20).
- 2 См.: *Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок : сборник статей. М., 1967. С. 239–245.
- 3 *Ковтунова И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976. С. 37.

- 4 Примеры представлены с соблюдением всех графических, орфографических и пунктуационных особенностей источника – на материале интернет-коммуникации (форум Точек.нет, чаты Excelente, у Августа, Каприз; ICQ).
- 5 См.: Ковтунова И. Указ. соч. ; Русская грамматика : в 2 т. М., 1980. Т. 2. Синтаксис.
- 6 Ковтунова И. Указ. соч. С. 74.
- 7 Там же.
- 8 Сиротинина О. Порядок слов в русском языке. М., 2003. С. 15.
- 9 Там же. С. 16.
- 10 Там же. С. 20.
- 11 Нами было проанализировано по две тысячи словоупотреблений в каждом жанре интернет-коммуникации – форуме, чате и ICQ. Ранее мы проводили исследование порядка слов с каждым из рассматриваемых жанров от-

дельно. Поскольку результаты анализа не обнаружили значительной разницы в показателях, в данной работе мы объединили все три жанра и рассмотрели порядок слов в интернет-коммуникации в целом. В дальнейшем планируется проанализировать порядок слов в каждом из жанров в отдельности на примере одной коммуникативной личности.

- 12 Коммуникативная функция порядка слов, по мнению О. Б. Сиротининой, «обеспечивает выражение степени коммуникативной значимости слова, не являющегося собственно новым» (Сиротинина О. Указ. соч. С. 9).
- 13 Здесь и далее употребляются следующие условные обозначения: T1 – собственно тема, T2 – коммуникативно незначимый компонент, выражающий тему высказывания, R – рема высказывания.
- 14 Подробнее об общем объеме проанализированного материала см.: Сиротинина О. Указ. соч. С. 8.

УДК 811.111'37

СОЦИАЛЬНЫЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ»

Т. А. Шаповалова

Саратовский государственный университет
E-mail: shaptatyana@yandex.ru

В статье рассматриваются социальный и коммуникативный аспекты толерантности, анализируется общее воздействие данных аспектов на текст и его элементы при их реализации. Исследование проводится на материале выступлений представителей ООН.

Ключевые слова: социальная толерантность, коммуникативная толерантность, политическая корректность, некатегоричность, эвфемизация, идеологема, безагенсивность.

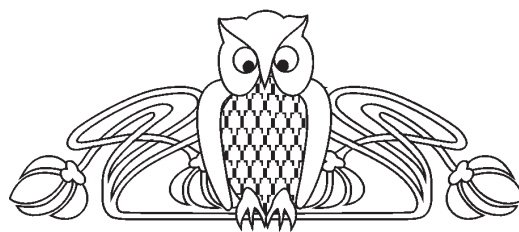
Social and Communicative Aspects of Tolerance

T. A. Shapovalova

The article deals with social and communicative aspects of tolerance and identifies their practical influence on text and its elements. The research represents a case-study of UN speeches.

Key words: social tolerance, communicative tolerance, political correctness, down-toning, euphemization, ideologeme, agent absence.

Толерантность – многоаспектное понятие, которое используется различными дисциплинами и является актуальным по всему миру. В то же время широкое распространение понятия обуславливает неоднородность его восприятия. Представители различных культур вкладывают в понятие толерантности собственное содержание, а различные дисциплины рассматривают его в разных аспектах. Более того, вариативность интерпретации толерантности возможна и в рамках одной дисциплины в связи с наличием родственных категорий.

Лингвистика является одной из наук, которые уделяют толерантности особое внимание, в первую очередь благодаря реализации толерантности в различных видах дискурса и наличию таких родственных явлений, как политическая корректность и вежливость. Современные исследователи рассматривают толерантность в аспекте культуры речи, речевого этикета, коммуникативной компетенции личности, ведения межкультурной коммуникации; изучают ее с точки зрения стратегии и тактики общения, языковых форм выражения, а также с позиции противопоставленности толерантности вербальной агрессии и манипуляции.

При исследовании реализации толерантности в общении важно учитывать план содержания и план выражения данной категории. План содержания толерантности непосредственно связан с ее философией, которая заключается в неагрессивном, уважительном восприятии «иног», стремлении к бесконфликтному решению проблем, умении выслушать другого человека и поставить себя на его место. План выражения толерантности – это реализация данной категории в общении посредством использования различных языковых средств. Для удобства разграничения философии и реализации, содержания и формы толерантности выделяются два аспекта ее понимания – социальная и коммуникативная.

Социальная толерантность – социально-психологический ее аспект, который отражает основные идейные установки данной категории.

В установках толерантности заложен вектор уважительного, неагрессивного отношения к принципиально «иному», определены конфликтогенные области, темы общения, требующие особого поведенческого и/или лингвистического такта. Социальная толерантность во многом близка по своей идейной сущности политической корректности, которую иногда называют «языковой толерантностью»¹. Однако в сферу толерантности входит более широкий спектр отношений, характеризующихся какой-либо непохожестью, будь то мнение, мировоззрение или личность другого человека. Толерантность охватывает политические, религиозные, экономические, культурные и межличностные аспекты взаимоотношений, в то время как политическая корректность «подразумевает выработку терпимости по отношению к определенным группам людей: национальным и сексуальным меньшинствам, инвалидам, малоимущим и некоторым другим», являясь лишь частью толерантности².

Рассмотрим аспекты, входящие в сферу социальной толерантности:

- уважительное отношение к непохожести другого (вне зависимости от его национальности, расы, религии, пола, возраста, состояния здоровья, умственного развития, социального статуса и профессиональной принадлежности). Данный аспект реализует антидискриминационные призывы настоящего времени. Именно он сближает толерантность с политической корректностью;

- уважительное отношение к чужому мнению. Данный аспект предусматривает уважительное отношение к мировоззрению собеседника, его мнению при ведении беседы, спора, научной дискуссии, политической полемики;

- неагрессивное отношение к «раздражителю», то есть к тем факторам, которые могут вызывать недовольство, недоумение, резкие негативные эмоции. Для данного аспекта характерна тенденция к сдержанности в высказываниях, снижению их категоричности, самоконтролю и смягчению реакции в ответ на грубость или бестактность.

Коммуникативная толерантность – лингвистический и поведенческий аспект толерантности, который реализуется в потенциально конфликтных или конфликтных ситуациях. По своей практической направленности коммуникативная толерантность близка к этикету общения и вежливости как тенденция к предупреждению или преодолению конфликта. При этом в арсенал коммуникативной толерантности входит набор разнообразных языковых средств: стратегия и тактика гармонизации общения, различные способы снижения категоричности высказывания, эвфемизация речи, преобразования на грамматическом уровне.

Вышесказанное не означает, что в языке находит свое выражение только коммуникативная толерантность. Коммуникативная толерантность

является реализацией социальной толерантности, но общее представление о толерантности возможно только при взаимодействии двух аспектов.

Рассмотрим социальную и коммуникативную толерантность на практическом материале, а именно текстах выступлений представителей ООН. Данные тексты сами по себе являются эталоном толерантности, так как политика ООН направлена главным образом на поддержание мира и урегулирование конфликтов, соблюдение гражданских прав. Текстам выступлений представителей ООН свойственна сдержанная тональность общения, несмотря на насыщенность содержательного компонента, связанного с проблематикой обсуждаемых вопросов. «Эффект сдержанности» достигается благодаря реализации социальной и коммуникативной толерантности.

Социальная толерантность находит выражение в тексте за счет употребления лексем, отражающих принципы толерантности, акцентирования важности таких понятий, как *agreement* (соглашение), *peace* (мир), *cooperation* (кооперация, взаимодействие), *respect* (уважение), *dialogue* (диалог), *resolution/settlement of conflict* (разрешение конфликта), *negotiations* (переговоры).

Данные лексемы указывают на ценностные ориентиры ООН и являются идеологемами толерантности. Идеологема – вербально выраженные политизированные идеи³, единицы, направленные на формирование и поддержание идеологии⁴. Толерантность является своего рода идеологией, отклонение от которой в большинстве случаев вызывает неодобрение и общественное порицание.

Исследованный материал свидетельствует о том, что идеологема толерантности характеризуются высокой частотностью. Например, лексема *peace* насчитывает 400 употреблений на 60 страниц текста, то есть 6,7 единицы на 1 страницу; лексема *cooperation* насчитывает 127 употреблений – 2 единицы на страницу. Разнообразен и контекст употребления данных лексем:

progress towards peace, expand peace, restoring peace and stability, peace building processes, peaceful elections;

we must place special focus on cooperation, called for closer cooperation, committed to fruitful cooperation, continue to cooperate;

bring about resumed negotiations, set the stage for renewed negotiations, to promote Israeli-Syrian peace negotiations;

respect international humanitarian law, we call for their rights to be respected, full respect for the freedom of the press;

engaged in a continuous dialogue, platform for dialogue, to advance dialogue.

В то же время наряду с идеологемами в текстах выступлений представителей ООН можно встретить и так называемые слова-амебы, то есть «прозрачные, не связанные с контекстом реальной жизни»⁵. Особенностью данных слов, согласно Сергею Кара-Мурзе, является то, что

они могут использоваться практически в любом контексте и не привлекать внимания. Слабая референция слов-амеб придает тексту в целом эффект «разбавленности». Например, такие слова, как *security* (281 употребление на 60 страниц текста), *development* (81), *progress* (48), *stability* (36), занимают значительную часть текстового пространства, размывая его и способствуя нейтральной тональности общения.

Размытость высказывания, расширение его семантики, смещение акцента, снижение категоричности являются общими тенденциями, свойственными коммуникативной толерантности. Рассмотрим основные языковые средства, используемые для достижения данного эффекта.

Во-первых, это употребление лексем с обширной семантикой, особенно при описании негативных явлений. Наиболее частотными лексемами при описании конфликтной ситуации, вооруженного столкновения, нападения являются *violence* (насилие), *violent acts* (акты насилия), *violent incidents* (проявления насилия), *tensions* (напряжение), *confrontation* (столкновение). Данные слова обозначают конфликт, столкновение, но не уточняют, какую именно форму оно имело. Лишение высказывания конкретики одно за другим создает эффект текста с размытым содержанием.

I am concerned by the increase in verbal attacks and even some acts of violence in Lebanon against staff members of the United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees in the Near East...

Since last month's briefing, there has been an increase in violent incidents and tensions on the ground...

The Sierra Leone configuration has reiterated its appeal to the international community to ensure that the police have the necessary resources at their disposal...to respond to cases of election-related violence in a timely manner.

Во-вторых, коммуникативная толерантность реализуется через некатегоричность высказывания, которая достигается путем употребления «некатегоричного определителя», преуменьшающего либо преувеличивающего значение определяемого. В следующем примере данные определители представлены отрицательными частицами с прилагательными. Частица отрицает негативное явление, в то время как прилагательное определяет его масштаб. Таким образом, внимание акцентируется на отрицании проблемы:

Registered voters in Southern Sudan, Northern Sudan and out of country were able to vote without any major problems. No significant security incident affected polling areas.

Понятнейшую цепочку к данному примеру можно представить следующим образом: без каких-либо значительных проблем → проблемы были, но незначительные; значительного инцидента не произошло → инцидент произошел, но не очень серьезный.

В следующем примере определителем является наречие *relatively* (относительно):

The Council has today adopted a resolution that authorizes far-reaching measures under Chapter VII of the United Nations Charter; with relatively little credible information on the situation on the ground in Libya.

В результате фразы «относительно мало достоверной информации» воспринимается следующим образом: информации мало, но это только относительно.

В последующих примерах определители-наречия *broadly/hardly* преуменьшают значение определяемых лексем *соответствовать международным стандартам* (*consistent with international standards*)/*быть моделью для подражания* (*be a model worthy of emulation*). В итоге получаем: референдум соответствовал международным стандартам, но только *в основном плане*.

Center called the referendum *peaceful and credible and broadly consistent with international standards*.

In an earlier debate, I spoke about the ponderous nature of the United Nations bureaucracy and pointed out that an organization that takes up to 200 days to fill positions in the field can hardly be a model worthy of emulation when it comes to institution-building.

Говорящий обращает внимание на то, что бюрократический аппарат ООН *едва ли* является моделью, достойной подражания.

При реализации коммуникативной толерантности активно используются эвфемизация (непрямое, прикрытое, вежливое, смягчающее обозначение какого-либо предмета или явления⁶) и парафраза (перифраз) (описательное выражение⁷). В выступлениях представителей ООН можно найти следующие примеры использования данных языковых средств: *loss of life* (потеря жизни), *to narrow equipment shortfalls* (ликвидировать недостаток оружия), *high human cost of the conflict* (значительные гуманитарные последствия конфликта), *violation of the physical integrity of persons* (нарушение физической целостности индивидов), *gender-based violence* (насильственные действия по отношению к противоположному полу). Перифраз и впоследствии многословие смещают акценты с неприятных сторон действительности на более нейтральные.

Неотъемлемой чертой коммуникативной толерантности является особая подача критики, в частности критика с использованием лексем сожаления, разочарования, обеспокоенности. Толерантно оформленная критика звучит не только менее категорично, но и подчеркивает сочувствие, обеспокоенность со стороны говорящего по отношению к объекту критики.

We participated actively in the discussions on the draft resolution. Unfortunately, work on that document was not in keeping with standard practice in the Security Council (К сожалению, работа по данному документу не соответствовала стандартам, принятым в Совете безопасности).

However, the passion of some Council members for methods involving force prevailed. This is most unfortunate and regrettable (Однако увлечение некоторых членов Совета силовыми методами имело перевес. Данный факт вызывает большое сожаление).

In my opinion, it was disappointing that OSCE standards, including media and election standards, were not met during December's presidential elections in Belarus. The chairmanship also regrets the decision of the Government of Belarus to terminate the work of the OSCE Office in Minsk (По моему мнению, тот факт, что стандарты ОБСЕ, включая медиа-стандарты и стандарты выборов, были нарушены во время президентских выборов в Белоруссии, является очень печальным. Председательство также сожалеет, что правительство Белоруссии приняло решение о прекращении функционирования отделения ОБСЕ в Минске).

We therefore regret that the office in Minsk will close. Much more needs to be done to ensure the protection of human rights and fundamental freedoms in Belarus (Таким образом, мы выражаем сожаление по поводу того, что отделение в Минске будет закрыто. Еще многое должно быть сделано в области защиты гражданских прав и основных свобод в Белоруссии).

Germany wishes to express concern regarding the closure of the OSCE office in Minsk by the Government of Belarus (Германия желает выразить свою обеспокоенность по поводу закрытия правительством Белоруссии отделения ОБСЕ в Минске).

Использование лексем сожаления, разочарования, обеспокоенности переключает внимание с самого факта критики на ощущение, которое испытывает говорящий.

Тексты ООН относятся к официально-деловому стилю общения, поэтому им присущи черты, характерные для данного стиля в целом. Одна из таких черт – злоупотребление канцеляризмами.

Примером проявления категории канцелярита в выступлениях представителей ООН является употребление страдательного залога. Страдательный залог способствует безагентовости, то есть отсутствию лица, выполняющего действие. Отсутствие агента лишает высказывание конкретности, так как говорящий не упоминает ответственного за совершение того или иного действия. В последующих примерах не называется лицо, выполняющее действие запрещать, принимать меры и привлекать к правосудию.

Israel, as the occupying Power, is prohibited from destroying property belonging to individuals or communities, except when absolutely required by military necessity (Израилю, стране-оккупанту,

запрещено разрушать собственность, принадлежащую индивидам или сообществу, за исключением случаев, вызванных крайней военной необходимостью).

The Secretary-General and the Quartet unequivocally condemned the murders, offered condolences and called for those responsible to be brought to justice... (Генеральный секретарь и Четверка резко осудили убийства, выразили свои соболезнования и призвали привлечь ответственных за содеянное к правосудию...)

We also wish to provide assurances that concrete measures will be taken to bring to justice any individual – Ivorian or not – found guilty of attacking... (Мы желаем уверить всех в том, что будут приняты конкретные меры по привлечению к правосудию любого индивида, вне зависимости от того является ли он жителем Кот д'Ивуара или нет, признанного виновным в совершении нападения...)

Таким образом, исследованный материал позволяет сделать вывод о том, что реализация социальной и коммуникативной толерантности в текстах выступлений представителей ООН создает общий эффект сдержанности, который достигается путем лишения высказываний конкретности, размывания содержания, некатегоричности, смещения акцентов, описательных выражений и канцеляризованности речи.

Примечания

- 1 Прядильникова Н. Эвфемизмы в аспекте языковой толерантности // Электронный Вестн. СПбГУ. 2003. URL: <http://www.evcpk.ru/article.php?id=28> (дата обращения: 01.04.2008).
- 2 Панин В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. С. 9.
- 3 См.: Купина Н. Тоталитарные идеологемы и мифологемы на страницах районных газет Урала // Речевое общение : специализированный вестник. Вып. 8–9 (16–17). Красноярск, 2006. С. 83.
- 4 См.: Каблуков Е. Идеологемы «инновация» и «нано» в современном российском медиадискурсе // Материалы международной научно-практической конференции «Российские СМИ и журналистика в новой реальности». Екатеринбург, 2011. URL: <http://www.journ.usu.ru/index.php/component/content/article%20/420> (дата обращения: 01.06.2011).
- 5 Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2008. С. 90.
- 6 Ахманова О. Словарь лингвистических терминов. М., 2010. С. 521.
- 7 Там же. С. 312.

УДК 811.161.1'42

КОНЦЕПЦИЯ «МЕНТАЛЬНЫХ ПРОГРАММ» КАК МОДЕЛЬ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА РОССИИ

Т. В. Харламова

Саратовский государственный университет
E-mail: kharlamovatv@yandex.ru

Статья посвящена изучению современного политического дискурса России и предлагает анализ 16 обращений российских президентов к Федеральному собранию за 1994–2009 гг. В исследовании была сделана попытка установить взаимосвязь языка, политической идеологии и культурных ценностей. В ходе практического анализа подтверждены заявленные теоретические положения о влиянии измерений культуры «дистанция власти» и «коллективизм – индивидуализм» на формирование дискурсивного пространства России.

Ключевые слова: политический дискурс, идеология, политические и культурные ценности, измерения культуры.

The Concept of «Mental Representations» as a Model for Categorization of Political Discourse in Russia

T. V. Kharlamova

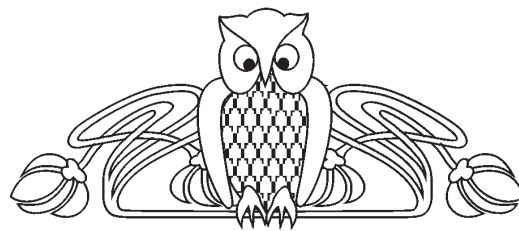
The presented paper provides an insight into modern Russian political discourse and offers the analysis of 16 speeches delivered by Russian Presidents to the Federal Assembly in 1994–2009. An attempt has been made to show a tripartite connection between language, political ideologies and cultural values. Theoretical assumptions on power distance and the degree of individualism/collectivism in the modern Russia are illustrated with instances of discourse.

Key words: political discourse, ideology, political and cultural values, cultural dimensions.

Данное исследование посвящено изучению современного политического дискурса России и затрагивает проблему репрезентации культурных и идеологических ценностей, которые получают свое воплощение в языке.

Идея о том, что идеология создается, реализуется и воплощается с помощью языка, не является новой. Современные исследователи, занимающиеся критическим дискурсивным анализом, уделяют значительное внимание проблеме взаимодействия идеологии и языка. Многие также было написано про связь языка и культуры. В данной работе, которая основывается на достижениях современного дискурс-анализа и культурологии, была сделана попытка согласовать исследование дискурсивного пространства с репрезентацией культурных ценностей. Мы полагаем, что существует трехсторонняя связь между языком, политической идеологией и культурными ценностями¹.

Для достижения поставленной цели использовался междисциплинарный подход. Исследование основывается на теории измерений

культуры Г. Хофстеде, а также различных теориях и концепции современных российских культурологов и социологов. Лингвистический анализ текстового материала, проведенный в ходе данного исследования, рассматривается как ключ к пониманию современных общественных процессов, происходящих в России. Исследование базируется на методе контент-анализа (качественного и количественного), который позволяет выявить ключевые слова текущего момента и проследить влияние современных дискурсивных практик на социальную жизнь.

Материал исследования включает 16 посланий российских президентов (Б. Н. Ельцина, В. В. Путина, Д. А. Медведева) Федеральному собранию РФ в 1994–2009 гг. Для выявления механизмов взаимодействия власти и общества были проанализированы материалы, опубликованные в блоге Д. А. Медведева (2009).

В работе рассматриваются такие проблемы, как взаимосвязь идеологии и культурных ценностей, влияние измерений культуры «дистанция власти» и «коллективизм – индивидуализм» на современное политическое дискурсивное пространство России, а также предлагается практический анализ, подтверждающий заявленные теоретические положения.

Взаимосвязь идеологии и культурных ценностей

Для нашего исследования основополагающим является взаимосвязь идеологии и культурных ценностей, которые тесно переплетаются друг с другом. Термин «идеология» широко используется в различных дисциплинах, таких как история, философия, антропология и др. Лингвистика, особенно изучение языка как социального феномена, также не является исключением в этом ряду дисциплин.

В данной работе используется как широкое, так и узкое понимание идеологии, которая, с одной стороны, рассматривается как комплекс идей и практик, направленных на поддержание общественного порядка и удержание власти, а с другой – включает в себя систему верований и моральных ценностей, которые характерны для данного языкового сообщества. Полагаем, что верования и идеи, представляющие менталитет определенного народа, являются неотъемлемой частью понятия «культурные ценности». Идеология и культурные ценности не являются изолированными друг от

друга феноменами, напротив, идеология определяется и прививается в обществе с помощью актуализации и использования определенных культурных ценностей.

С одной стороны, существует целый ряд верований, регулирующих социальное поведение людей и являющихся стабильными для определенной национальной общности. Для того чтобы их изменить, требуется достаточно много времени. С другой стороны, существуют идеологии, которые создаются для определенных политических целей, то есть для поддержания или изменения существующего общественно-политического порядка.

Идеология внедряется в первую очередь с помощью языковых средств². Идеологии меняются в зависимости от политических целей и задач, то же происходит и с языковыми средствами, реализующими их. Вследствие этого идеология является более подвижной и гибкой сущностью по сравнению с культурными ценностями.

В проведенном исследовании язык и дискурсивные средства рассматриваются нами как средства репрезентации и культурных ценностей и идеологий, существующих в определенный исторический период. Следует отметить, что язык не может быть нейтральным, он всегда несет определенную культурную и идеологическую нагрузку. Следовательно, анализ дискурсивных средств президентского дискурса позволит нам выявить особенности проводимой идеологии, а также определить, как культурные ценности изменяются под воздействием возникающих идеологий.

Наше исследование базируется на концепции «ментальных программ» Г. Хофстеде, которая используется в культурной антропологии и межкультурной коммуникации. В своих работах Г. Хофстеде подвергает культуру определенной категоризации³. Ментальные программы (механизмы формирования ощущений, мыслей и моделей поведения, источниками которых являются культура и социальное окружение) определяются так называемыми измерениями культуры, включающими в себя: дистанцию власти, коллективизм – индивидуализм, маскулинность – фемининность, избегание неопределенности и долгосрочную или краткосрочную ориентацию. Каждая культура может быть охарактеризована с точки зрения того или иного измерения. Концепция Г. Хофстеде не использовалась ранее для проведения дискурсивного анализа, однако данная теория доказала свою состоятельность при проведении социальных исследований. Мы полагаем, она может также успешно применяться и для проведения лингвистических исследований.

Дистанция власти: влияние политического дискурса на трансформацию культурных ценностей

Г. Хофстеде выделяет шесть измерений культуры, мы же остановимся на двух, которые наиболее ярко отражают взаимоотношения власти и

общества – «дистанции власти» и «коллективизме – индивидуализме».

Дистанция власти является одним из основополагающих измерений культуры. Г. Хофстеде полагает, что дистанция власти измеряет степень, в которой наименее наделенный властью индивид в обществе принимает неравноправие в распределении власти и считает его нормальным положением вещей.

При проведении анализа мы отталкивались от того, что президент является официальным лицом, наделенным властью, которое проводит определенную линию поведения с народом. Российская история отражает сложные взаимоотношения власти и народа. Многие отечественные историки и культурологи указывают на традиционно сильную власть в России, которая всегда имела огромное влияние и доминировала в обществе.

Другая сторона взаимодействия власти и народа – это отношение народа к власти, а именно представителей общества, не наделенных властью, к распределению власти в обществе и их взаимоотношения с властью имущими.

В советскую эпоху отсутствовал диалог между властью и народом, а именно власть должна была быть услышана народом, однако народ, в свою очередь, не имел возможности озвучить свою позицию. Советские лидеры лишь создавали иллюзию диалога и небольшой дистанции власти, изредка участвуя в заранее отрепетированных встречах с людьми.

Сегодня появилось значительное количество коммуникативных событий, направленных на взаимодействие власти и народа. Осознание необходимости диалога власти и общества повлекло за собой применение новых эффективных средств коммуникации с избирателями, использование диалогических жанров общения, а также новых форм общения с людьми, таких как интернет-конференции, видеоблоги, видеообращения главы государства к народу и т. п. Диалогизированное общение создает новый облик власти – демократичной, открытой для общения, продвигающей демократические принципы существования.

Демократия предполагает горизонтальную структуру власти с небольшой дистанцией между властью и обществом. Апелляция к демократическим ценностям помогает отличить демократическое государство от авторитарного.

Российский опыт демократии и рыночной экономики претерпел значительное изменение, взлеты и падения. Приход к власти М. С. Горбачева ознаменовал начало гласности и перестройки. Реформы, проводимые в стране, были направлены на формирование новых устоев демократии и гражданских свобод и реорганизацию экономики. Б. Н. Ельцин продолжил демократические начинания первого Президента СССР, однако привнес свое видение демократии. По мнению некоторых исследователей, В. В. Путин значительно повлиял на стабилизацию экономики в стране, но

в некоторой степени отказался от претворения демократических принципов в жизнь. Тем не менее демократическая линия активно проводилась в российском обществе как важная составляющая его дальнейшего развития.

Само толкование термина «демократия» – политический режим, при котором народ имеет возможность реализовать свою волю непосредственно либо через своих представителей, а власть несет ответственность перед гражданами за свои действия в общественной сфере – предполагает незначительную дистанцию между властью и обществом.

Обратимся к текстам посланий президентов РФ. Их анализ позволит выяснить, как часто российские лидеры прибегают к языковому воплощению культурных ценностей в своей речи, направленной на проведение новой политики в жизнь и

установление более тесных взаимоотношений с народом. Лингвистический анализ дает возможность детально описать эти взаимоотношения с учетом культурных и идеологических ценностей и продемонстрировать взаимодействие вербального, политического и культурного компонентов.

В качестве гипотезы выдвигаем идею о том, что переход российской политической системы от авторитарной к демократической непосредственно отражается на выборе лексических единиц, реализующих ценностные ориентиры демократического государства. Рассмотрим использование таких слов, как *демократия/демократический, независимость/независимый, равенство/равный, свобода/свободный, ответственность/ответственный, прозрачность/прозрачный*, которые выражают основные принципы демократии (табл. 1).

Таблица 1

Обращение президентов России к демократическим ценностям в посланиях Федеральному собранию РФ

Автор послания (кол-во слов)	Демократия/ демократический	Независимость/независимый	Равенство/ равный	Свобода/свободный	Ответственность/ответственный	Прозрачность/ прозрачный
Ельцин, 1994 (15 755)	42	14	1	38	20	7
Ельцин, 1995 (20 642)	34	15	4	35	14	15
Ельцин, 1996 (12 634)	33	10	3	42	18	5
Ельцин, 1997 (13 611)	3	4	1	10	30	7
Ельцин, 1998 (14 799)	6	8	5	10	25	9
Ельцин, 1999 (20 920)	20	7	5	29	37	12
Путин, 2000 (3876)	9	2	3	7	10	2
Путин, 2001 (5921)	1	1	1	6	4	5
Путин, 2002 (5686)	1	2	–	5	4	2
Путин, 2003 (6058)	4	1	2	7	6	5
Путин, 2004 (5208)	8	2	2	9	5	4
Путин, 2005 (5212)	23	6	4	12	4	4
Путин, 2006 (6533)	2	1	1	2	5	2
Путин, 2007 (8036)	8	–	1	3	8	4
Медведев, 2008 (8492)	26	5	2	29	14	4
Медведев, 2009 (9826)	8	1	4	10	–	10

Количественный анализ полученных данных показал, что обращение к демократическим ценностям является основополагающим для выступлений Б. Н. Ельцина. Первый президент России особенно часто апеллирует к демократическим принципам в начале и в конце своего срока пребывания у власти. Частотными являются номинации *демократия/демократический, независимость/независимый, свобода/свободный, ответственность/ответственный*.

В 1990-е гг., когда людям прививались новые идеологические взгляды, вербальная составляющая играла важнейшую роль в формировании нового мышления. Многократное повторение ключевых номинаций – ориентиров демократического общества – постепенно вырабатывало новое отношение к выбранному политическому курсу в стране.

Важно также указать на то, что самый высокий уровень использования этих номинаций был отмечен в 1994–1996 гг., тогда как в 1997–1998 гг. намечилось некоторое снижение их использования (за исключением номинаций *ответственность/ответственный*). В 1999 г. прослеживается новый всплеск этих номинаций. Текст строится на систематическом повторении *демократия/демократический, свобода/свободный, ответственность/ответственный, прозрачность/прозрачный*. Послание 1999 г. является своеобразным прощальным обращением первого президента России к будущим поколениям политиков, в задачу которых входит поддержание и развитие демократических идей.

Первое обращение В. В. Путина смещает акцент на проблемы экономического роста и со-

циальной сферы, силу и единение страны, тогда как демократические ценности отходят на второй план.

Тем не менее в 2005 г. В. В. Путин демонстрирует свою приверженность демократической идеологии и часто прибегает к использованию номинаций *демократия/демократический, свобода/свободный*. В 2006–2007 гг. наблюдается ситуация, схожая с ситуацией 2000–2004 гг., когда демократические принципы теряют свое первоначальное значение.

Д. А. Медведев в своем обращении 2008 г. возрождает идеи демократии, обращая особое внимание на использование таких слов, как *демократия/демократический, свобода/свободный, ответственность/ответственный*.

Таким образом, мы полагаем, что апелляция к демократическим принципам и свободам помогает власти сократить дистанцию. Такая тенденция четко прослеживается в тексте. Чтобы взглянуть на данную ситуацию с другой стороны, «снизу вверх», обратимся к блогу Президента России Д. А. Медведева, который был создан в 2009 г. и стал интернет-ресурсом, часто посещаемым россиянами. Основной целью создания блога является получение отклика людей на события в стране, установление контакта с широкой аудиторией россиян. Исходя из этого можно с уверенностью сказать, что власть пытается создать свой имидж как прозрачной и демократической, готовой к диалогу с российским обществом.

Анализ сообщений в блоге показал, что сформировались две полярные точки зрения на происходящее – вера и полное неверие в открытость власти. Часть аудитории полностью поддерживает власть и верит в сокращение дистанции между ней и обществом, другая часть отрицает эту точку зрения. Рассмотрим лингвистические средства реализации существующих точек зрения.

Вот вы говорите, почему именно государство? Потому что все население практически трудится на государство. Хорошо, если население будет работать на дядю, в свою очередь этот дядя будет думать только о благе своего кармана, и этому дяде не очень будет интересно, будете ли вы в старости есть хлеб или хлеб с колбасой. Если вы посмотрите фильм гладиатор, то там именно Рим как государство был поддержкой для народа... (<http://blog.kremlin.ru/post/109>).

В российском блоге во многих комментариях прослеживается разговорность в общении – частое использование местоимений 2-го лица, риторических вопросов, вопросно-ответных комплексов, восклицательных предложений, однако официальная тональность общения, дистанция власти в целом, как правило, сохраняется. В то время как власть стремится сократить дистанцию общения, люди подчеркнута ее сохраняют, что отражается на выборе официальной тональности общения.

Иерархичность во взаимоотношениях власти и общества (как одна из характеристик общества

с большой дистанцией власти) прослеживается в комментариях в противопоставлении определенных номинаций (*верха – низы, чиновники – народ, бюрократия – народ*).

А вообще за это кто-то отвечает? Удивительно если да! Давайте сформируем комитет по земельным проблемам. И на каждое письмо-жалобу будем выезжать на места и наказывать нерадивых чиновников... Вот пока всеми этими вопросами занимаются уже состоявшиеся чиновники, такой бардак будет продолжаться. Это бюрократия, пока документ дойдет до нужной подписи, будет уже поздно что-то менять. И в итоге сами виновные остаются безнаказанными (<http://blog.kremlin.ru/post/112>).

Итак, исследование подтвердило, что между властью и обществом наблюдается определенная коммуникативная дистанция (значительная или незначительная). Исторически сложилось, что для России эта дистанция является значительной. И сегодня, несмотря на усиления, прилагаемые властью, эта дистанция остается довольно большой. Политические лидеры пытаются внедрить новую демократическую идеологию, однако на настоящий момент разрыв между идеологией и культурными ценностями сохраняется – частично из-за неподкрепленности слова делом, частично из-за традиционных национальных устоев.

Индивидуализм vs коллективизм в российском дискурсивном пространстве

Другое измерение, тесно связанное с измерением дистанции власти, – «коллективизм – индивидуализм». По мнению Г. Хофстеде, основным является вопрос о связи индивидуума с обществом. На одном конце шкалы располагаются общества, в которых связи между индивидуумами слабые, а на другом конце – общества, в которых связи между индивидуумами очень крепкие.

В индивидуалистических обществах связи между индивидуумами очень слабы. Каждый индивидуум движим личными интересами и интересами ближайших членов семьи. В коллективистских обществах связи между индивидуумами очень крепкие. Каждый индивидуум с рождения включен в некоторое сообщество, предполагается, что он соблюдает интересы своей группы и не имеет мнений или убеждений, отличных от ее. В обмен на это группа должна защищать своих членов, когда им что-то угрожает.

Исследователь утверждает, что его понимание слова «коллективизм» не имеет политического значения. Тем не менее индивидуализм или коллективизм как ценностный ориентир культуры может проникать в политическую идеологию. Нередко сложно сказать, является ли индивидуализм (или коллективизм) неотъемлемой частью национального менталитета в обществе или представляет собой результат последовательной

идеологической работы, проводимой представителями власти.

Возникает вопрос, к какому типу культуры следует отнести Россию – индивидуалистскому или коллективистскому. Многие исследователи подчеркивают коллективистский характер русского общества, который уходит своими корнями в глубину веков. По мнению О. Морозовой, русскому народу не были чужды и коллективистские, и индивидуалистские модели поведения, которые менялись в зависимости от ситуации. На сочетание в русском национальном характере противоположных черт указали философы Н. А. Бердяев и Б. П. Вышеславцев⁴.

В то же время многие исследователи указывают на соборность русского общества⁵. Соборность – одно из главных духовных условий национального единства и создания мощной державы, какой была Россия.

С нашей точки зрения, шкала «индивидуализм – коллективизм», предложенная Г. Хофстеде для дифференциации различных культур, не позволяет вписать российскую соборность в предложенные рамки.

В таком случае какой же тип общества предстает в российском политическом дискурсе? Какие ценности выходят на передний план – западный индивидуализм, российская соборность, где каждый человек является ценной частью общества, или коллективизм, в котором интересы группы превыше всего? Для ответа на эти вопросы проведем лингвистический анализ президентского дискурса.

С нашей точки зрения, дискурс индивидуалистской культуры должен быть пронизан «я-линией», так как личное местоимение *я* является средством формирования личности и используется для выражения собственной точки зрения, описания личного опыта и отношения к различным проблемам. В коллективистской культуре употребление местоимения *я* сводится к минимуму, так как в центре внимания находятся более крупные сущности, такие как общество, народ, нация и т. п.

В табл. 2 представлены результаты количественного анализа различных лексических номинаций, употребляемых для выражения того или иного адресата.

Таблица 2

Адресатные средства в посланиях Федеральному собранию РФ В. В. Путина и Д. А. Медведева

Адресатное средство	Путин, 2002 (5686)	Путин, 2004 (5208)	Путин, 2006 (6533)	Медведев, 2008 (8492)	Медведев, 2009 (9826)
Я/мой	12	5	11	30	54
Мы/наш	104	98	142	159	219
Вы/ваш	9	1	19	9	4
Страна	16	26	28	25	42
Государство	8	16	15	24	18
Россия	24	32	33	12	40
Люди/народ	13	32	13	36	37
Население	10	6	1	3	8
Нация	–	1	–	6	2
Граждане	24	23	9	30	17
Общество	3	11	6	23	17
Семья	1	6	16	3	5
Молодежь/молодые	–	4	10	2	10
Дети	2	2	8	3	10
Студенты	2	1	–	–	–
Каждый	1	4	–	10	6
Человек	–	7	–	15	5

Исследование показало, что российские лидеры часто используют местоимение *я*, однако в анализируемом дискурсе преобладает местоимение *мы*, которое повторяется на протяжении всего текста. И В. В. Путин, и Д. А. Медведев в основном обращаются к стране, государству, народу, гражданам, тогда как определенные группы (студенты, молодежь, служащие, учителя и др.) представлены единичными номинациями.

Следует также отметить достаточно высокую частотность употребления местоимения *я* и обращений к отдельному человеку в послании Д. А. Медведева, что свидетельствует, с нашей точки зрения, о более индивидуалистском подходе и приверженности более либеральной политике.

В России на протяжении веков господствовал культ государства и мнимой мудрости административного аппарата. А отдельный человек

с его правами и свободами, личными интересами и проблемами воспринимался в лучшем случае как средство, а в худшем – как помеха для укрепления государственного могущества. Повторю, так было на протяжении веков. И хотел бы привести слова Петра Столыпина, который говорил: «Прежде всего надлежит создать гражданина, и, когда задача эта будет осуществлена, гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность. А у нас обыкновенно проповедают наоборот (Медведев, 2008).

Конечным итогом наших совместных действий станет качественное изменение не только уровня жизни граждан нашей страны. Измениться должны мы сами. Необходимо преодолеть широко распространённые представления о том, что все существующие проблемы должно решить государство или кто-то ещё, но только не каждый из нас на своём месте. Личный успех, поощрение инициативы, повышение качества общественной дискуссии, нетерпимость к коррупции должны стать частью нашей общенациональной культуры, именно частью общенациональной культуры (Медведев, 2009).

Приведенный выше пример дает прямой ответ на поставленный вопрос, к чему же стремится Россия, – к соборности, когда каждый человек является неотделимой и значимой частью общества.

Тем не менее в президентском дискурсе нередко подчеркивается идея чрезвычайной важности интересов страны в целом:

Во-вторых, мы обязаны беречь единое культурное пространство страны во всём его многообразии, помогать сохранению богатых национальных традиций народов России и при этом всемерно развивать и совершенствовать программы обучения русскому языку, который является основой межнационального общения и единства нашей страны (Медведев, 2009).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современный президентский дискурс базируется на традиционных для России ценностях: обращение к соборности помогает власти подчеркнуть интересы страны в целом. Тем не менее наряду с удовлетворением коллективных потребностей роль личности приобретает особое звучание в современном политическом

дискурсе, что свидетельствует о попытке внедрения новой индивидуалистской идеологии после продолжительного периода советского коллективизма.

Итак, анализ политического дискурса подтвердил предположение о том, что политические идеологии базируются на традиционных культурных ценностях, которые составляют триединство языка, идеологии и культуры.

Теория измерений культуры Г. Хофстеде может эффективно применяться для описания культурного и идеологического пространства России. В данном исследовании особое внимание уделялось двум важным для понимания взаимодействия власти и народа измерениям (дистанция власти, индивидуализм – коллективизм). Анализ доказал, что на сегодняшний день существует некоторое несоответствие между новыми внедряемыми демократическими принципами и традиционно большой дистанцией власти.

С нашей точки зрения, линейная шкала Г. Хофстеде «индивидуализм – коллективизм» не позволяет вписать в предложенные рамки российскую соборность, которая вбирает в себя и коллективные, и личностные интересы. Однако анализ политического дискурса еще раз доказал активное использование политиками традиционных культурных ценностей при внедрении определенных идеологий в массы.

Примечания

- 1 См.: *Dubrovskaya T., Kharlamova T.* Representations of ideological and cultural values in modern Russian political discourse // *Philologia Hispalensis*. 2011 (в печати).
- 2 См.: *Blommaert J.* Language ideology. *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Elsevier, 2006.
- 3 См.: *Hofstede G.* Culture's Consequences : comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations (2nd ed.). Thousand Oaks, CA, 2001.
- 4 См.: *Морозова О.* «Эгалитаризм», «коллективизм» и «трудолюбие» русского народа : неочевидная очевидность // *Cogito*. Альманах истории идей. Вып. 2. Ростов н/Д, 2007.
- 5 См.: *Гринева С.* Коллективизм и соборность в российском менталитете // *Вестн. СевКавГТУ. Сер. : Гуманитарные науки*. 2004. № 1. URL: <http://www.ncstu.ru> (дата обращения: 21.10.2011).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09-2+929 [Гоголь+Булгаков]

КОНЦОВКА «РЕВИЗОРА» В АСПЕКТЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗГЛЯДОВ БУЛГАКОВА

Е. В. Трухачёв

Саратовский государственный университет
E-mail: truehard@yandex.ru

Одно высказывание Булгакова о концовке пьесы Н. В. Гоголя «Ревизор» наводит автора работы на размышления о финалах пьес самого Булгакова. Исследователь приходит к выводу, что концовка гоголевской пьесы рассматривалась Булгаковым как образец гротескной или, пользуясь словами самого писателя, «оглушительной» развязки. Автор доказывает, что такой искусственный, условный тип финала характерен для многих пьес Булгакова.

Ключевые слова: сюжет, фабула, концовка, драматургия, пьеса, театр, сценарий, развязка.

The Final of Gogol's «Revizor» in Aspect of Literary Principles of Mikhail Bulgakov

E. V. Trukhachov

The single sentence by Mikhail Bulgakov about the final of Nikolay Gogol's play «Revizor» provokes the author of this work to contemplate the finals of Bulgakov's plays as well. The researcher suggests that Bulgakov considered the Gogol's final an excellent example of a grotesque («thunderous», as Bulgakov himself called it) end of action. He proves that such type of an unnatural, unexpected denouement distinguishes many Bulgakov's works.

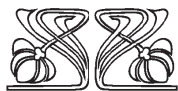
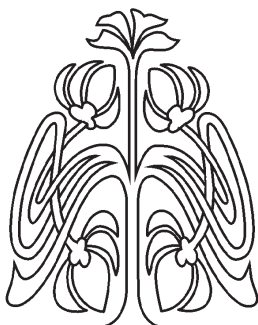
Key words: plot, story line, final, dramaturgy, play, theatre, scenario, denouement.

М. Булгаков не оставил после себя оформленного комплекса концептуальных высказываний или статей, касающихся принципов его творчества, который можно было бы назвать его литературным манифестом. О полемике Булгакова с коллегами по писательскому цеху исследователи делают выводы главным образом на основании его произведений, изображающих писателей и мир литературы, писем, воспоминаний и свидетельств современников.

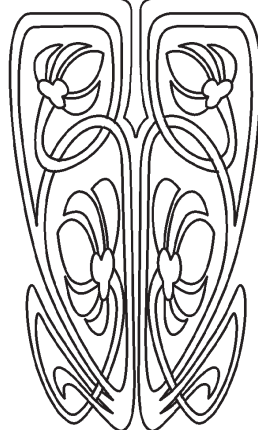
Одним из самых декларативных в этом ряду можно считать роман «Жизнь господина де Мольера». Пользуясь формой биографического повествования от лица человека, близко знакомого с театром, соотносящего судьбу Мольера со своим опытом, Булгаков выразил в романе некоторые собственные соображения о драматургии, ее законах и критериях качества. Писатель убедительно показывает, как в драматургии преломляется судьба Мольера. Пространство действия в романе, как и в пьесе «Кабала святош», амбивалентно: мир – огромный, безусловный и жестокий театр, а театр – это эстетизированный миниатюрный мир.

В пьесе «Кабала святош» сюжетное соотношение судьбы Мольера с его пьесой «Тартюф» проявляется даже сильнее, выпуклее, становится частью сценического эффекта «театр в театре». Оттого, вероятно, так разителен контраст между желаемым, выраженным Мольером в своей пьесе, и действительным. В реальности Тартюф губит свою жертву, а прозорливый король не спасает ее, конфликт разрешается прямо противоположно тому, как он разрешен в мольеровской пьесе.

Косвенное пояснение авторской позиции дается в «Жизни господина де Мольера», где рассказчик восклицает: «Слава полицейскому офицеру и слава королю! Без них я решительно не знаю, чем бы господин де Мольер развязал своего “Тартюфа”. Равно как не знаю, чем бы, по прошествии лет ста семидесяти примерно, в далекой и холодной моей родине другой больной сатирик развязал бы свою довольно из-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

вестную пьесу «Ревизор», не прискочи вовремя из Санкт-Петербурга жандарм с конским хвостом на голове»¹.

Эмоциональная тирада рассказчика оказывается глубже, чем простое проведение параллели между двумя драматургами. Булгаков иронизирует по поводу условности сцены, тех концовок, в которых развязка происходит благодаря невероятным обстоятельствам, по неожиданности сходным с античным приемом *deus ex machina*. Но ирония это сочувствующая, в ней есть и доля самоиронии. Мольер и Гоголь являются для Булгакова безусловными авторитетами, да и сам он не раз использовал такой тип концовки для развязки своих безысходных и фантастических сюжетов. Тут вспоминаются приход милиции в финале «Зойкиной квартиры» и «Блаженства» («слава полицейскому офицеру!») или чудесное пробуждение Тимофеева в конце «Ивана Васильевича». В этот же ряд попадает и повесть «Роковые яйца»: пусть она и не имеет непосредственного отношения к сцене, но этот прием открыто пародируется в ее последней главе, названной «Морозный бог в машине».

Можно даже сказать, что милиция у Булгакова играет роль как бы видоизмененного божества, которое не участвует в перипетиях действия, а появляется ближе к концу для того, чтобы рас судить героев и воздать им по справедливости. Милиция становится чем-то вроде силы возмездия и расплаты, только на месте божества тут воздвигнуто государство. Такая пародийно-трагедийная функция стражей правопорядка становится актуальной в комедии благодаря тому трепету, в который обывателей повергает вид людей в форме. Например, в «Иване Васильевиче» Бунша-Корецкий, изнемогающий под ношей «государственных преступлений», до самоотречения рад принять наказание: «С восторгом предаюсь в руки родной милиции, надеюсь на нее и уповаю» (508).

Отчасти таким же явлением государственного божества заканчивается и пьеса «Адам и Ева», где Ефросимову, который ждет, что его поведут на расстрел, Дараган отвечает: «Иди, тебя хочет видеть генеральный секретарь» (195). Генеральный секретарь не появляется на сцене, но сам факт его вмешательства оказывается спасительным, так же как участие короля в действии «Тартюфа». Глава государства, персонифицирующий власть, стоит над конфликтами и интересами сторон и принимает справедливое решение.

«Кабала святош» выбивается из этого ряда. Чудесной спасительной развязки или комической разрядки в ней не происходит. Порок если и не торжествует, то во всяком случае не несет наказания. Высший смысл жизни Мольера остается за скобками. Мольер умирает не как великий драматург, автор бессмертных пьес, а как обыкновенный комедиант, и никому о будущем его имени ничего не известно. В связи с этой установкой Булгаков подвергает ироническому разбору концовки пьес

драматургов XIX в. Критикуя в романе наивные слезливые финалы, придуманные Жорж Санд и В. Р. Зотовым, где на слова «Государь! Мольер умер!» Людовик XIV отвечает: «Мольер бессмертен!», Булгаков наверняка держит в уме свой собственный вариант.

По его замыслу, Мольер «не хочет умирать ни дома, ни вне дома», его жизнь не заканчивается под фанфары, а обрывается на неожиданной ноте. В пьесе Мольер умирает на сцене во время спектакля, в романе – дома. Тут понятия «дом» и «театр» оказываются взаимозаменяемыми. Дом Мольера превращается в театр, театр становится для него домом. Ни тут ни там его смерть нельзя назвать спокойной, но и тут и там она является в образе черной монахини с глухим голосом.

«Кабала святош» отличается особым безысходным трагизмом. «Адама и Еву» драматург мог закончить так, как, на его взгляд, *следовало* закончиться противостоянию между гением и властью. В «Кабале святош» Булгаков вынужден был изобразить то, что *произошло* в реальности. Наконец, где как не в пьесе о драматурге и театре обнажить и вывернуть наизнанку театральную условность, наивную и горькую в сравнении с действительностью! Тем более что прием контраста был одним из излюбленных приемов Булгакова-драматурга.

Бог, высказывающийся на сцену при помощи эремы, впервые появился в трагедиях Еврипида, который, как утверждает М. И. Никола², заботился скорее о переживаниях героев, чем о тщательно продуманном сюжете, поэтому стремился искусственно развязать действие. Есть ли такое стремление у Булгакова? М. Горький, которому «Роковые яйца» очень понравились, тем не менее раскритиковал концовку повести, предположив, что можно было бы создать великолепную картину нашествия рептилий на Москву. Так что в известном смысле можно считать наступление морозов искусным и искусственным прерыванием действия. Искусное оно потому, что его искусственность почти незаметна. Так же и в других пьесах «оглушительная» (слово Булгакова) концовка нисколько не вредит композиции в целом, являясь театральным приемом снятия психологического напряжения.

Тогда встает другой вопрос: считал ли Булгаков неестественной концовку «Ревизора»? Этот вопрос возникает еще и потому, что в нашем распоряжении есть киносценарий «Необычайное происшествие, или Ревизор», написанный Михаилом Афанасьевичем в соавторстве с режиссером М. С. Каростиним в 1935 г.³ Концовка киносценария значительно отличается от оригинала: после объявления жандарма о прибытии нового, настоящего ревизора все испускают звук удивления и немеют, но Городничий вскоре выходит из оцепенения и деловито повторяет свою начальную фразу: «Я пригласил вас, господа, с

тем чтобы сообщить вам известие: к нам приехал ревизор». Чиновники начинают предлагать дальнейший план действий, но Антон Антонович берет инициативу в собственные руки. Собирает со своих подчиненных деньги и с кругленькой суммой отправляется в гостиницу к чиновнику из Петербурга. Исчезает за дверью номера, за которой слышится «сильнейший начальственный разнос», но потом все смолкает. Городничий выскальзывает из двери, облегченно вздыхает, крестится и говорит: «Взял».

Финал нельзя считать полностью булгаковским, вернее даже, он совсем не булгаковский, если судить по некоторым свидетельствам. Это доказал Б. Ф. Егоров, используя письма и черновик конспекта сценария, набросанный Булгаковым⁴. Согласно этому наброску либретто Булгаков предполагал закончить фильм той же сценой, которая завершает пьесу. Точнее, он является автором сценария «Ревизор» всего лишь на четверть: это следует из распределения гонораров, которое проводилось в соответствии с объемом проделанной работы. Проще говоря, Булгаков поправил сценарий, предоставленный ему Каростиним⁵.

Возможно, изменение финала понадобилось режиссеру потому, что существующая концовка не могла быть передана во всей своей смысловой полноте языком кино. Это на театральных подмостках немая сцена могла произвести желаемый эффект справедливого комического ужаса персонажей, а в кинофильме она, пожалуй, смотрелась бы странно. «Не скульптурно-предметная статика, а человеческая динамика»⁶ требовалась постановщикам. Е. С. Булгакова, фиксируя в дневнике то, как Булгаков обсуждал работу над сценарием с А. Д. Диким, отмечает мнение режиссера: «Гоголя очень трудно разрешить в кино, и никто не знает, как разрешить»⁷. Здесь, по-видимому, имеется в виду не только развязка комедии, но драматический сюжет, скудный на разнообразные положения, предметы и обстоятельства, дающие основу для видеоряда.

Учитывая, что биография Мольера для ЖЗЛ писалась в 1932–1933 гг., можно утверждать, что приведенная в ней оценка концовки «Ревизора» – не просто мимолетная шпилька классику, но результат оценки собственной творческой позиции драматурга. Булгаков, как мы увидели, не пренебрегает оглушительными чудесными развязками в своих произведениях, а скорее даже утверждает свою приверженность к литературной традиции через данный театральный прием. В то же время имеются в его творчестве и финалы совершенно иного рода, такие как в «Последних днях» и «Кабале святош».

Концовка «Ревизора» не принадлежит Булгакову, но по композиции до странности напоминает сюжет пьесы «Мертвые души», написанной Булгаковым по поэме Гоголя для постановки на сцене Художественного театра в 1932 г. В пьесе

Булгаков не только довольно свободно обращается с текстом первоисточника, но и создает некоторые сцены и эпизоды заново, руководствуясь знанием Гоголя и возрождая в собственном произведении дух его творчества. Так, к примеру, в сцене, названной «камеральной», происходит допрос свидетелей о том, кто же все-таки этот Чичиков. Допрашивают Ноздрева, Коробочку, Селифана и Петрушку, а потом почтмейстер выдвигает версию, что Чичиков не кто иной как капитан Копейкин, и рассказывает историю инвалида войны, ставшего разбойником. В финале этой сцены входит человек, который представляется капитаном Копейкиным. Прокурор от страха падает замертво. На самом же деле Копейкин оказывается фельдъегерем, который приехал сообщить чиновникам, что к ним в город для проверки прибыл генерал-губернатор. Как видим, тут разворачивается та же ситуация неожиданного, не подготовленного перипетиями сюжета прибытия ревизора, которое наводит на участников действия несказанный ужас и вносит в сюжет непредвиденный поворот.

Однако действие булгаковских «Мертвых душ» на этом не заканчивается. За описанным событием начинается новый акт, основанный на отрывке второго тома «Мертвых душ», в котором Чичикова арестовывают, но он отделяется от заточения тем, что отдает все деньги, которые у него есть. И в сценарии «Ревизор», и в пьесе «Мертвые души» справедливое наказание героя-плута отсрочивается благодаря взятке. Стяжательство оказывается неистребимым, порок торжествует, лишь едва соприкоснувшись с очистительной стихией страха и расплаты. В полном согласии с булгаковской формулой Гоголь в первых картинах приходит в смехе, а уходит, «подернувшись пеплом больших раздумий»⁸.

По-видимому, явление лица, облеченного властью, Булгаков считал одним из специфических приемов гоголевской комедии. Писатель развил белое упоминание в тексте «Мертвых душ» до целого фантазмагорического, ослепляющего гротеском действия. Именно в таком буффонном ключе ему, вероятно, представлялся финал «Ревизора». Более того, как мы выяснили выше, Булгаков продолжал гротескную линию «полицейского офицера» в собственном творчестве. Отношение Булгакова к финалу «Ревизора» как образцу особой гротескной концовки представляется вполне ясным.

Каким образом сценарий, придуманный Каростиним, совпал в завершающем повороте фабулы с переделкой «Мертвых душ» Булгакова? Концовка стала продуктом обсуждений «Ревизора» между режиссером и писателем, и, возможно, это был один из тех эпизодов, в которых им удалось найти общий язык. Это был язык кинематографа, который тогда еще только зарождался на стыке нескольких искусств и требовал новых, синтетических выразительных средств. С другой

стороны, вероятно, в этой концовке отдана дань реалистическому гению Гоголя, не утратившему красок и звучания даже спустя сто с лишним лет. Этими развязками не просто были помилованы авантюристы и коррупционеры, их существование как бы продлили во времени, вплоть до современности, заставляя думать о неистребимости, непотопляемости этих типов в русской жизни⁹. И неслучайно современный публицист рассматривает персонажей «Ревизора» в свете современной уголовной системы и находит, что «Гоголь вывел в “Ревизоре” некую формулу российской жизни. На удивление, она оказалась применима к любому государственному устройству – будь то самодержавие, советская власть или суверенная демократия»¹⁰.

Примечания

- ¹ Булгаков М. Кабала святош : Роман, пьесы, либретто. М., 1991. С. 432. Далее ссылки в тексте по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ² См.: Никола М. Еврипид // Зарубежные писатели. Биобиблиографический словарь : в 2 ч. М., 1997. Ч. 1. С. 310–313.

- ³ Булгаков М., Каростин М. Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю) : сценарий // Искусство кино. 1983. № 9.
- ⁴ Егоров Б. М. А. Булгаков – «переводчик» Гоголя (инсценировка и киносценарий «Мертвых душ», киносценарий «Ревизора») // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома за 1976 год. Л., 1978.
- ⁵ См.: Файман Г. «В манере Гоголя...» // Искусство кино. 1983. № 9. С. 106.
- ⁶ Слова оператора фильма «Ревизор» Н. П. Топчия приводит Т. Деревянко: Деревянко Т. Из истории постановки фильма «Ревизор» // Искусство кино. 1983. № 9. С. 110.
- ⁷ Булгакова Е. Дневник. 1933–1940 // Воспоминания о Булгакове. М., 2006. С. 68.
- ⁸ Из письма К. С. Станиславскому от 31 декабря 1931 года (см.: Булгаков М. Письма : Жизнеописание в документах. М., 1989. С. 214).
- ⁹ Слова Булгакова о «чиновничестве, которое постоянно возрождается», сказаны им по поводу творчества Гоголя (см.: Чудакова М. Гоголь и Булгаков // Гоголь : история и современность. М., 1985. С. 360).
- ¹⁰ Шишкова-Шипунова С. Ревизоры и городничие : От Гоголя до наших дней // Знамя. 2009. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/8/sh13.html> (дата обращения: 11.02.11).

УДК: 821.161.1.09-2 + 929 [Горький + Чехов]

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ДРАМАТУРГИИ ЧЕХОВА И ГОРЬКОГО («ТРИ СЕСТРЫ» И «ВАРВАРЫ»)

Л. Г. Тютелова

Самарский государственный университет
E-mail: largenn@mail.ru

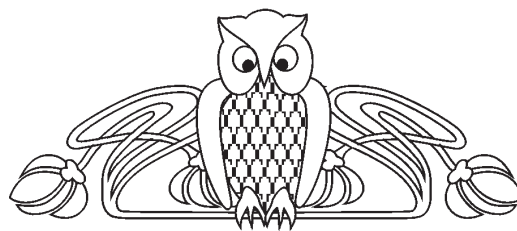
В статье рассматривается поэтика пространственного образа – провинциального города – в пьесах Горького и Чехова. Контекст классической драмы XIX века позволяет обозначить новое содержание образа провинции, выявить как общие особенности поэтики «новой драмы», так и индивидуально-авторские, а также сопоставить мировоззренческие позиции двух ее создателей – Чехова и Горького, – отразившиеся в несовпадающих оценках перспектив развития русской провинциальной жизни в начале XX столетия.

Ключевые слова: русская «новая драма», драматическое пространство, поэтика субъектной сферы, концепция драматического действия и героя.

Provincial Space in Chekhov and Gorky's Drama («Three Sisters» and «The Barbarians»)

L. G. Tyutelova

In this article we are considering the poetics of the spatial image – the provincial town – in the plays by Gorky and Chekhov. The context of the XIX century classical drama enables to determine the new content of the province image, to reveal common features of the «new drama»

poetics and author's individual peculiarities as well, and to confront the world outlook positions of its two creators – Chekhov and Gorky reflected in the failing – to – coincide appraisals of the perspectives in the development of the Russian provincial life in the early XX century.
Key words: Russian «new drama», drama space, poetics of subject sphere, conception of drama action and hero.

В современной теории драмы вопрос о поэтике пространственных образов является одним из перспективных, поскольку позволяет обозначить принципиальные изменения в структуре и содержании образа человека, повлекшие за собой существенные изменения в драматической системе в целом. Герой, ранее предстающий перед читателем/зрителем фигурой «готовой», равной себе в каждый новый момент своего существования на сцене, в «новой драме» явился фигурой становящейся. В силу этого драматическое пространство, как и время, «обрело» новое содержание: новый драматический язык позволил показать движение времени, в котором меняется не только человек, но и облик мира в целом.

Одна из особенностей русской жизни, как это было отмечено еще в XIX столетии и подтверждено рубежной ситуацией, – ее сосредоточение

в провинции, противопоставленной столице. По мнению исследователей, занимающихся проблемами драмы, возникновение оппозиции «провинция – столица» в отечественной литературе связано с Петровскими реформами, приведшими к появлению новой культуры, во многом заимствованной и противопоставленной исконной¹. Создается особая русская география с центром-«столицей» и удаленной от нее «провинцией». Культура «привозится» в главный город страны и распространяется далее.

Но уже в первой половине XIX в. в творчестве А. С. Пушкина и А. С. Грибоедова герой, «ввозящий» чужие идеи, становится фигурой, иронично освещенной автором (достаточно вспомнить Чацкого – персонажа грибоедовской пьесы «Горе от ума»). Начинается возрождение традиций отечественной культуры. В русской драме оно связано в первую очередь с именем А. Н. Островского – автора, рисующего в «москвитянинский» период творчества провинциальное пространство как истинно российский мир. Из бытовых особенностей этого мира вырастает характер героев драматурга. Альтернативой национальной жизни становится чужой мир, чьи представители отличаются «безграничным своеволием», безответственностью перед окружающими, готовностью «кого угодно и что угодно принести в жертву своим страстям и желаниям»². Этот тип личности воспринимается Островским как наследие той петровской культуры, в которой происходит испытание человеческой природы как таковой. Одним из ярких, в том числе и драматических образов, представляющих этот процесс, является гоголевский чиновник, становящийся не выразителем внутренних закономерностей жизни, ее нравственных основ, что важно для Островского, а тем, кто живет по воле случая. Герой пытается «означиться» – «обрести видимую форму (стать видимым знаком) и тем самым спастись от исчезновения во мраке или быстром движении, в самой видимости обрести значение как сущность, противоположную исчезновению, ничтожеству, небытию»³. Стать знаком можно, но при этом невозможно остаться человеком.

Одновременно с Островским в середине XIX столетия о таком же герое, который когда-то возник у Гоголя, пишет Л. Н. Толстой. Для него особенности поступков персонажей – следствие влияния на русский мир новых экономических отношений, уже утвердившихся в Европе. Наиболее ярко представленный образ Наполеона («Война и мир»), этот тип героя отличается отношением к жизни, которое, по утверждению С. Г. Бочарова, состоит в том, «что личным интересом и целью исчерпываются для человека все жизненные проблемы. Нет ничего, кроме человеческих “атомов”, единиц и их единичных целей. Поскольку все они разные, отрицают друг друга, случаем, соотношением сил в данный момент определяется все. Жизнь идет “как получится”, анархично, без

внутренней необходимости, и нет другого закона, кроме стихийного совпадения обстоятельств, определяющего в беспорядочном столкновении волю какую-то равнодействующую. И нет другого мировоззрения у человека, кроме культа личной активности»⁴.

Влияние новых экономических отношений на облик провинции – естественное следствие исторического развития страны. Поэтому образы и «захолустной жизни», и ее героя во второй половине XIX в. меняются. Они становятся искаженными моделями столицы и столичного жителя, как в силу иных обстоятельств это было когда-то и у Гоголя. У позднего Островского «уездный город превращается в губернский, большой, то есть по характеру притязаний на цивилизованность приближающийся к столичному, а соответственно, окончательно лишившийся провинциальной патриархальности, рождавшей как самодурство, так и порывы, приводящие к позитивному изменению мира»⁵. Герои, попадающие в него извне, оказываются теперь вполне сопоставимыми с теми, кто населяет уездные и губернские города и их окрестности.

Таким образом, в то время, когда А. П. Чехов (как автор уже «новой драмы») приходит в русскую литературу, существует сложный художественный контекст, определяющий отношение художника к проблеме русской провинции. Но чеховское творчество базируется на иных эстетических принципах, нежели у классиков XIX в., в чьих пьесах в центре находился герой, осознающий противоречия жизни и действующий во имя своих целей, указывающих на особенности его характера. Эти особенности при всей их усложненности и скрытости индивидуальным наполнением являются некой узнаваемой структурой («социально-психологическим каркасом», по Л. Я. Гинзбург⁶). Они детерминированы жизненной средой, выразителями специфики которой эти герои в конечном счете являются. Поэтому изображенная провинциальная жизнь в классической драме – это мир, порождающий характеры действующих лиц, чьи поступки и их последствия оцениваются автором.

В «новой драме» в итоге герой перестает быть пассивным объектом изучения художника и становится субъектом действия, направленного на выявление внутренней противоречивости и изменчивости личности. Вместо четкой иерархии образов человека и мира, порождающего характер этого человека, определяющего его сущностные черты, в «новой драме» возникает сложная взаимосвязь личности и пространства, к которому эта личность имеет отношение. Анализирующий особенности чеховского образа места Б. Зингерман отмечает: «Театральные персонажи воспринимаются как необходимая часть окружающей природы, а природа оказывается проекцией их душевной жизни. Пейзаж поэтизирует и возвышает обыденную жизнь действующих лиц, в свою очередь, они

очеловечивают родную природу, дают ей душу, тем более что усадебный пейзаж – сад, парк – сотворен руками человека и соразмерен ему»⁷.

Чеховский герой интересен способностью к рефлексии. Она из-за особенностей содержания образа героя у Чехова «связывает» его не только с внешними обстоятельствами, под влиянием которых он становится марионеткой, совершающей по инерции те или иные действия, но и с не представленным на сцене, но ощущаемым персонажем – пространством, создаваемым благодаря его репликам в воображении читателя/зрителя.

Образ места действия, возникший во многом как суммарный итог восприятия жизни, ее движения персонажами, импрессионистичен, а потому в своей целостности несет в информацию о восприятии действительности автором (теперь у драматурга есть возможность выразить собственное отношение не к герою, черты которого предопределены миром, а к миру как таковому). И, что важно, пространственный образ обладает временными чертами. Отсюда и специфика провинциальной жизни у Чехова. Это, в первую очередь, темпорализованное пространство. Для него важны категории «сегодня», «вчера» и «завтра», а не «свое» – «чужое», как в классической драме.

«Сегодня» для персонажа, долго находящегося в провинции, становится временем «несвободе». Б. Зингерман отметил особенность размещения действующих лиц в чеховской усадьбе («Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад») – месте, казалось бы, самом провинциальном. Оно сохранило тот неторопливый темп жизни и близость с природой, которые уже исчезли в столичном мегаполисе, близком западной цивилизации, подчинившемся новым ритмам и далеком от национальных истоков. Собственно, русская усадьба как особое культурное явление появилась тогда, когда у дворянства возникла возможность определять свою судьбу. Поэтому она – знак внутренней свободы человека, по чьей воле создана. Но в исторически изменившихся обстоятельствах мир усадьбы, когда-то подчиненный человеку, начинает ощущаться как сдерживающий. Поэтому чеховские персонажи в усадьбе ведут себя так, «как будто они уже не могут – или не хотят – обжить ее поместье, они не находят себе места, ютятся по углам – словно не у себя дома»⁸. Герои чувствуют то скрытое, постепенно усиливающееся историческое движение, которое обуславливает постоянное расширение драматического пространства в «новой драме» и желание персонажа покинуть место, в данный момент им занимаемое. Жажда движения усиливается, когда окружающее кажется неизменным – вечным «сейчас» и никогда – «завтра», чему способствует медленный ритм провинциальной жизни.

Интересна реплика Вершинина в «Трех сестрах»: «Если послушать здешнего интеллигента, штатского или военного, то с женой он замучился, с имением замучился, с лошадьми замучился...

Русскому человеку в высшей степени свойствен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему в жизни он хватается так невысоко?»⁹. Драматург создает парадоксальный образ, имеющий план видимый, в котором русский человек «хватается так невысоко», и план, скрытый за этим видимым. Каждый из персонажей судит о том, что открывается его взору здесь и сейчас, то есть о первом плане, где каждый – марионетка жизненной обусловленности. Возникает образ уездного города, где «знать три языка ненужная роскошь. Даже и не роскошь, а какой-то ненужный придаток, вроде шестого пальца»¹⁰.

Этот мир не вызывает симпатии у тех, кому «свойственен возвышенный образ мыслей». Они уверены в его закостенелости и не замечают изменений, разрушительных по своей сути. Но зловеще звучат слова новой хозяйки дома Прозоровых: «Велю прежде всего срубить эту еловую аллею, потом вот этот клен... И тут везде велю понасажать цветочков, цветочков, и будет запах...»¹¹. Интересно, что о запахе в новом доме мечтала и Анна Андреевна у Гоголя: «Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый в столице и чтоб у меня в комнате такое было амбре, чтоб нельзя было войти и нужно было только этак зажмурить глаза. (*Зажмуривает глаза и нюхает.*) Ах, как хорошо!»¹². Возможно, ассоциация возникает случайно, но и у Гоголя, и у Чехова это мечты героев со стереотипным мышлением. Их мир ограничен эмпирикой, они лишены способности чуткого отношения к жизни. По Чехову, именно такие персонажи не тяготеют настоящим, не жалеют о прошлом, не желают невозможного. Поэтому каждое новое действие в «Трех сестрах» – реализация очередного желания Наташи: выйти замуж, поместить Бобика в комнату Ирины, переселить в гимназию Ольгу, выгнать Анфису. И последняя мечта – стать единовластной хозяйкой в доме и устроить все согласно собственным планам – не кажется утопией.

В то же время Вершинин, вспоминая Москву, признается: «С немецкой улицы я хаживал в Красные казармы. Там по пути угрюмый мост, под мостом вода шумит. Одиному становится грустно на душе... А здесь какая богатая река! Чудесная река! <...> Хорошо здесь жить. Только странно, вокзал дороги в двадцати верстах... И никто не знает, почему это так»¹³. Реплика более чем примечательная: нарисованный вододушевленным новыми впечатлениями человеком провинциальный мир, с одной стороны, все равно имеет черты, свидетельствующие о его ограниченности (отсюда и место расположения вокзала). С другой стороны, в его загадке есть неизъяснимая прелесть, притягивающая к себе и становящаяся чертой не только его косности, но и безграничной широты, способности включить в себя весь мир. Поэтому свет майского утра в провинциальном городе рождает желание движения, перемен: «... увидела весну, и радость

заволновалась в моей душе, захотелось на родину страстно»¹⁴. Этот же мир убивает мечту. Произшедшие события – пожар, уход военных, смерть Тузенбаха – ничуть не изменили его. Маша вновь, как в самом начале, продолжает твердить пушкинскую фразу. Фразу, напоминающую о гимназической зубрежке, о жизни по правилам, в которых, несомненно, есть определенный смысл, но для тех, кто вынужден им подчиниться, он остается неведомым, а сами правила только ограничивают их мечту и свободу.

Неспособные выйти за пределы своего внутреннего опыта, герои не видят создаваемой ими широты провинциального мира, его движения, его поэзии и страдают от его узости. Поэтому возникает сложный пространственный образ, вбирающий в себя взаимоисключающие и новые, по сравнению с классической традицией, черты. Он не «свой» или «чужой», а «узкий» и «широкий», дающий ощущение несвободы, но и отпускающий героев за свои пределы, поскольку чувство места зависит не только от пространства, но и от человека, в какой-то мере от этого места уже независимого. Таким образом, Чехов не только передает сложную диалектическую связь человека и мира, но и создает образы, находящиеся в движении, непрерывном развитии, становлении, что не было свойственно классической драме.

Идущий за Чеховым по пути создания «новой драмы» Горький также обращается к временному содержанию образа провинциального пространства, чем обнаруживает одну из сущностных черт этой драмы. Но Горький, заставляющий нас услышать наряду с голосами героев свой собственный голос, меняет субъектную ситуацию в своей пьесе, что позволяет увидеть не только специфику горьковской поэтики пространства, но и оригинальность его мировоззренческой позиции.

Важно отметить, что персонажи «Трех сестер» выносят оценки провинциальному миру на основании своих ощущений, возникающих в городе, ограничивающем их в поиске самих себя. Таким образом, мысль чеховского героя – это итог попытки личности разобраться в тех смутных ощущениях, которые порождаются окружающим человека сложным многоуровневым миром. И Чехов как драматический автор через сюжетное движение пьесы указывает на относительность этих оценок. Горьковские же герои часто оказываются глухи к тому, что происходит вокруг них, поэтому их позиция не порождается миром, в данный момент определяющим их видимые поступки. А совпадение мыслей о провинциальном городе у разных персонажей обнаруживает присутствие четко оформленной индивидуально-авторской точки зрения в пространстве драматического действия горьковской пьесы.

Провинциальный город в «Варварах» похож на идиллический мир, где «маленькие домики прячутся среди деревьев, точно птичьи гнезда»¹⁵, «и кругом всё окрестности... и лесные окрестности,

и полевые, и болотные... и клюква, уж столько клюквы!»¹⁶. Но он лишен поэзии, возникающей благодаря способности персонажей эмоционально воспринимать окружающий мир. Тот, кто в городе живет давно, уже ничего не замечает, не видит тех парадоксальных черт, которые ему свойственны. А в нем так же много алогичного, как и в чеховской провинции: одной из примет горьковского города становится купеческий дом с нелепыми каменными столбами, не дающими проезжать по улице, хозяин которого седьмой год судится с городом и не хочет уступать. Горький тем самым отсылает нас к образам самодуров у Островского, выражавших негативные черты русской провинции. У него она становится «чертовым углом», куда не долетают звуки жизни, болотом, обитатели которого похожи на лягушек.

Таким образом, так же как и у Чехова, образ города в «Варварах» возникает благодаря персонажам, причем не столько их поступкам, как в классической драме, у Островского, например, отражающим особенности нравов «русского захолустья», а благодаря их восприятию и оценке окружающего. И поскольку горьковский герой – герой по преимуществу мысли, это делает его фигурой более раздробленной, нежели чеховские персонажи. Мысль не просто порождает иное, противостоящее видимому течению действие, она оказывается автономной по отношению к тому, что происходит с героем здесь и сейчас. Так рождается идея не места, а индивидуальности, от этого места независимой. Поэтому мысль, озвученная героем, воспринимается как авторская идея, не рожденная изображаемым миром, а привнесенная в него извне.

В оценке Горького провинция – мир почти остановившегося времени, отставший от ритма современной жизни и потому вызывающий тоску. Город живет в ожидании событий, как когда-то базарная площадь в раннем рассказе Чехова с ее открытыми дверями «лавок и кабаков», глядящих «на свет божий, как голодные пасти»¹⁷. Но в отличие от чеховской пьесы, где герои стремятся к переменам, ждут их, готовы к ним, у Горького возникает образ тревожного ожидания. Появление железной дороги сродни нашествию варваров. Но в своем варварстве, как показывает пьеса, «чужие» ничем не уступают «своим».

Интересно, что Горькому его позицию позволяют выразить герои – как идеологически близкие автору, так и далекие. В диалоге Лидии и Черкуна, персонажей лишь на первый взгляд чуждых провинциальному городу, а на самом деле, как и он, живущих только прошлым, за которое «хочется посчитаться», есть такие реплики:

Лидия. Я не люблю маленькие города: в них живут ничтожные люди... Когда я среди них, я спрашиваю себя, почему же они люди?

Черкун. Да, да!.. Среди них застывает энергия. В больших городах она кипит день и ночь. Там неустанно трение враждебных сил, там ни-

когда не прерывается битва за жизнь. Горят огни. Звучит музыка. Там все, чем жизнь красна.

Лидия. Большой город, он – как симфония. Как сказочный зал волшебника, где всё есть и всё можешь взять. Там – хочешь жить!»¹⁸.

Битва за жизнь, которую сами герои вести не умеют, в их диалоге становится аргументом, на основании которого захолустный город противопоставлен у Горького городу большому, подобному столичному. Маленький город опасен, поскольку способен заразить пессимизмом: «Ну, люди здесь! Удивительная дичь! Смотришь на них и начинаешь сомневаться в будущем России... А как подумаешь, сколько тысяч сел и городов населено такими личностями, – душой овладевает пессимизм во сто лошадиных сил...»¹⁹. Единственное спасение – разрушение традиций провинциального пространства или бегство туда, где идет «непрерывная борьба за жизнь», которая приведет к изменению в том числе и национальных основ, сохраняемых в провинции, выглядящих на фоне современной цивилизации знаком отсталой культуры, а на самом деле являющихся основой личности, ее национального самосознания.

Но горьковские герои лишены автором родного угла. Поэтому когда персонажи «Варваров» – Степан и горничная Черкуна Степа – появляются в городе своего детства, ничто в их поведении не говорит о радости возвращения домой. Да и зритель не сразу понимает, несмотря на присутствие на сцене отца Степы, что это близкое и знакомое им пространство. Человек, лишенный чувства своего дома, мира, своей культуры, не просто, подобно героям Чехова, не замечает разрушения жизненных основ, он даже их приветствует, поскольку не боится оказаться в пустоте. А Горькому кажется, что и сейчас мир провинции с ее скукой и тоской и есть пустота. Поэтому в последней ремарке пьесы говорится об открытой двери, за которой слышно, «как на дворе воет ветер»²⁰.

Таким образом, у Горького, как и в начале XIX столетия, провинции – пространству развивающемуся, становящемуся – вновь начинает угрожать «человек со стороны». Но действует он теперь не сообразно своим личным индивидуальным интересам, как это было в мире Островского

и Толстого, а в соответствии с жизненной необходимостью, имеющей внеличностный, но, с точки зрения автора, исторический характер и открывающей новые временные перспективы. Эта необходимость сродни року, судьбе или тем «школьным правилам», о которых напоминает фраза Маши в «Трех сестрах». Но если трагикомизм чеховского мира состоит в том, что герой не может не сопротивляться тому, чему сопротивляться бесполезно, то Горький ищет такого героя, который «встанет» на сторону новых исторических сил и будет их выразителем, что породит в советском театре «оптимистическую трагедию».

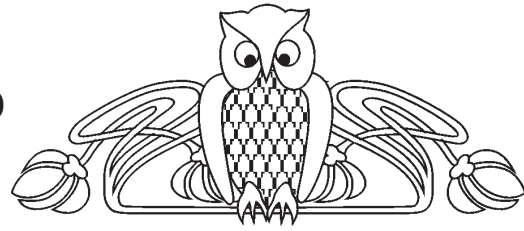
Примечания

- ¹ См.: Журавлева А. А. Н. Островский – комедиограф. М., 1981. С. 39.
- ² Там же. С. 108.
- ³ Бочаров С. Загадка «Носа» и тайна лица // Бочаров С. О художественных мирах. М., 1985. С. 147.
- ⁴ Бочаров С. «Война и мир» Л. Н. Толстого. М., 1978. С. 27.
- ⁵ Миловзорова М. «Провинциальные сюжеты» в драматургии XIX века : А. Н. Островский, предшественники и современники. URL: <http://main.isuct.ru/ru/vgf/2006/01/184> (дата обращения: 12.08.2010).
- ⁶ Гинзбург Л. О психологической прозе. М., 1999. С. 274.
- ⁷ Зингерман Б. Театр Чехова и его мировое значение. М., 1988. С. 80.
- ⁸ Там же. С. 96.
- ⁹ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. : Сочинения : в 18 т. М., 1978. Т. 13. С. 143.
- ¹⁰ Там же. С. 131.
- ¹¹ Там же. С. 186.
- ¹² Гоголь Н. Собр. соч. : в 9 т. М., 1994. Т. 4 : Комедии. С. 272.
- ¹³ Чехов А. Указ. соч. Т. 13. С. 127–128.
- ¹⁴ Там же. С. 120.
- ¹⁵ Горький М. Собр. соч. : в 30 т. М., 1950. Т. 6. С. 394.
- ¹⁶ Там же. С. 406.
- ¹⁷ Чехов А. Указ. соч. Т. 3. С. 52.
- ¹⁸ Горький М. Указ. соч. Т. 6. С. 416.
- ¹⁹ Там же. С. 402.
- ²⁰ Там же. С. 466.

УДК 821.161.1.09+929 Мережковский

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К ПРИЖИЗНЕННОМУ ПОЛНОМУ СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО: «РЕФЛЕКТИВНЫЙ» АСПЕКТ

А. А. Холиков

Московский государственный университет
E-mail: alexey_kholikov@mail.ru

В статье на примере Д. С. Мережковского поднимается вопрос о природе и назначении авторских предисловий к прижизненным полным собраниям сочинений русских писателей; делается вывод о жанровом сходстве рассматриваемого предисловия Д. С. Мережковского с исповедью и проповедью-поучением.

Ключевые слова: Д. С. Мережковский, авторское предисловие, прижизненное полное собрание сочинений, литературоведение.

**The Author's Preface to the Lifetime Complete Works
of D. S. Merezhkovsky**

A. A. Kholikov

In the article on D.S. Merezhkovsky's example the question on the nature and appointment of author's prefaces to lifetime complete works of Russian writers is brought up. The author comes to a conclusion about genre similarity of the considered preface of D. S. Merezhkovsky to a confession and sermon.

Key words: D. S. Merezhkovsky, author's preface, lifetime complete works, literary criticism.

К авторскому предисловию как элементу обрамления неприменим термин «научно-справочный аппарат». Сущность этого текстового феномена – эстетическая. Несмотря на то что предметом пристального научного внимания литературное предисловие стало недавно, существует фундаментальный труд О. Г. Лазареску¹, в котором представлены выводы о природе и назначении данного рамочного компонента, значимые для нашего исследования. В то же время в упомянутой работе речь прежде всего идет о предисловиях к отдельным произведениям, на обширном материале намечены основные линии их системного изучения с акцентом на драматургическом и романном творчестве. Между тем вопрос о роли и месте авторских предисловий к прижизненным полным собраниям сочинений русских писателей² в монографии Лазареску не поставлен вовсе. Этот же вопрос отсутствует в статье Е. А. Андрущенко о предисловиях Д. С. Мережковского³, в которой проделана большая и нужная работа по выявлению их своеобразия и сопоставлению с предисловиями к произведениям других авторов, а также показана связь предисловий писателя с его идейной и творческой эволюцией.

Таким образом, потребность разобраться в природе и назначении авторского предисловия к прижизненному полному собранию сочинений (далее – ППСС) Мережковского⁴ остается насущной. Наконец, известно, что писатель, за редчайшими исключениями, не делал предисловий даже к отдельным художественным произведениям и в поздние годы с сожалением утверждал: «Все предисловия бесполезны»⁵. «Едва ли не единственное, – указывает Андрущенко, – опубликовано им в связи с выходом в свет первого романа трилогии “Христос и Антихрист”. По техническим причинам одновременно не могли быть напечатаны все три романа, и автор считал необходимым дать читателю некоторые пояснения к первому из них. Большинство же предисловий написано им к литературно-критическим статьям и исследованиям»⁶.

Сущностно авторское предисловие к ППСС представляется, как это бывает в аналогичных случаях, «важнейшим каналом связи литературного и внелитературного рядов»⁷. Будучи рамочным компонентом, оно «наиболее явно обнаруживает присутствие автора»⁸. Более того, «прямая декларативность авторского слова» становится главным «конstitutивным признаком»⁹. Единство личности творца и его стратегии, выраженной эксплицитно, компенсирует отсутствие целостности художественного мира ППСС.

В предисловии Мережковский открыто указывает на автобиографический характер собственного творчества: «...я только описываю свои последовательные внутренние переживания. И думаю: как бы ни было несовершенно описание, оно все-таки может получить цену в качестве подлинной записи о том, что было (здесь и далее курсив наш. – А. Х.)»¹⁰. В этом – очевидная перекличка между открывающим ППСС-2 авторским предисловием, повествующем о духовной биографии писателя, и «Автобиографической заметкой» в последнем томе, отсутствие которой в ППСС-1 придает предисловию особую значимость. Видимо, таким путем «внутренние» переживания и «внешняя» деятельность Мережковского должны составить в сознании читателя гармоничное целое.

В критико-биографическом очерке «Дмитрий Сергеевич Мережковский» М. А. Лятский точно подметил, что в своем предисловии писатель дает «очень важную нить для понимания всего его литературного творчества, его литературной физиономии»¹¹. «Между этими книгами, – говорит сам

Мережковский, – *несмотря на их разнородность, иногда разногласие, существует неразрывная связь. Это – звенья одной цепи, части одного целого. Не ряд книг, а одна, издаваемая только для удобства в нескольких частях. Одна – об одном*¹². Данное суждение подтверждает установку автора на структурно-семантическое единство произведений, входящих в полное собрание сочинений. Иначе говоря, авторское предисловие придает ППСС характер завершенности, становится важнейшим конструктивным элементом, организующим и обнажающим как формальные, так и содержательные связи.

По словам Мережковского, ответ на вопрос: «Что такое христианство для современного человечества?» – является скрытой связью между частями целого¹³. Автор дает «кратчайшую схему» написанного: «Трилогия “Христос и Антихрист” изображает борьбу двух начал во всемирной истории, в прошлом. “Л. Толстой и Достоевский”, “Лермонтов”, “Гоголь” – изображают эту же борьбу в русской литературе, в настоящем. “Грядущий Хам”, “Не мир, но меч”, “В тихом омуте”, “Большая Россия” – в русской общественности. “Древние трагедии”, “Итальянские новеллы”, “Вечные спутники”, “Стихотворения” отмечают вехами те побочные пути, которые привели меня к единому и всеобъемлющему вопросу об отношении двух правд – Божеской и человеческой – в явлении Богочеловека. Наконец, “Павел I” и “Александр I” исследуют борьбу тех же двух начал в их отношении к будущим судьбам России»¹⁴. Следовательно, предисловие Мережковского направлено на формирование определенной установки восприятия всего ППСС.

«ЧИТАТЕЛЬ...» – именно так, почтительно и без лишних слов, начинает автор, который не в первый раз «испытывает потребность предварить изложение проникновенным обращением к читателю, стремится вовлечь его в круг своих размышлений и ощущений, подготовить к восприятию последующего текста»¹⁵. Мережковский адресуется к читателям-спутникам, которых, по собственному признанию, среди современников у него немного, но каждый из них равен писателю «во всем»¹⁶. Тем самым автор надеется на искренний и живой отклик. Он хочет быть не только услышанным, но и понятым. Говоря с читателем от своего «я» (это местоимение используется наиболее активно), Мережковский ищет пути преодоления извечного одиночества. Хотя в предисловии утверждается обратное: «*Но я не один. Без помощи близких мне, близких по вере в единое, я не сделал бы и того малого, что сделал*»¹⁷, – мы вправе вспомнить высказывание писателя, предваряющее другой текст: «*Всякий пишущий хочет иметь читателей, потому что не добро быть человеку одному, и, особенно, в религии*»¹⁸. Обращенное к читателю, предисловие к ППСС содержательно выдает в Мережковском ориентацию на те литературные формы, «которые основаны на сочетании

самодостаточности авторской интенции, отказе от исчерпывающей предъявленности автора в произведении (“неизреченности” авторской идеи) и прямой авторской оценки как важнейших установок... творческого сознания»¹⁹. В этом же ряду – установка Мережковского на равноправное читательское сотворчество, осуществляемое по авторскому сценарию. Наконец, нельзя забывать о стремлении писателя в предисловии, равно как и в «Автобиографической заметке», упорядочить свой путь духовно-творческих исканий и объяснить (если не сгладить) встречающиеся на нем противоречия, которые, по словам Мережковского, «утверждают подлинность переживаний»²⁰.

Например, известно, что до первой русской революции Мережковский не стоял в непримиримой оппозиции к власти и церкви. Он признавал, что в самодержавии потенциально заключено «зерно религиозное», а в 1905 г. даже допускал мысль о возможном соединении официальной церкви с русской интеллигенцией, «дабы вместе с нею внести свет нового религиозного сознания в темную религиозную стихию русского народа»²¹, но взгляды писателя изменились: «Оставаясь в старой церкви, можно только чинить гнилые бревна, делать реформацию; но чтобы сделать революцию, создать новую церковь не в бревнах, а в ребрах, надо выйти из старой»²². Иными словами, официальная церковь и подчинившее ее государство стали отрицаться Мережковским. В предисловии автор специально останавливается на этой мировоззренческой метаморфозе: «*Когда я писал исследование “Л. Толстой и Достоевский”, я видел или хотел видеть положительную религиозную силу в русском самодержавии, именно в его связи с русским православием... Я был в этом последователен: утверждая в религии соединение Христа с Антихристом, я должен был утверждать то же соединение в общественности. Но в “Грядущем Хаме” и “Пророке русской революции” я уже знаю, что религиозная сила русского единовластия, действительно огромная, – не положительная, а отрицательная, демоническая*»²³.

Как видим, Мережковский мастерски акцентирует внимание на последовательности своих прежних суждений, а перемена во взглядах предстает не ментальным сломом, а едва ли не закономерным следствием «исторического созерцания», «внутреннего религиозного опыта» и «внешних событий русской жизни»²⁴, или – этапом единого пути, по которому целенаправленно движется автор и ведет за собой читателя.

Из сказанного логично прийти к заключению о невозможности дать авторскому предисловию Мережковского четкое жанровое определение, да и сам писатель не оставляет заголовка. Любое наименование – «предисловие», «вступление», «от автора» и т. п. – условно. Не будет преувеличением сказать, что это типологическая черта всех предисловий Мережковского: «И каждый раз трудно

определить, что это в структуре текста – предваряющее ли его предисловие или некая вводная часть, а может быть, первый раздел – часть текста, которая начинается повествованием»²⁵.

Если сравнивать рассматриваемое нами предисловие Мережковского с другими литературными формами, то наибольшее сходство обнаруживается с жанром исповеди (к которому, кстати говоря, примыкает автобиография, что вновь позволяет констатировать семантическую переключку между авторским предисловием в начале и «Автобиографической заметкой» в конце ППСС-2). Исповедальность подчеркивается несколькими чертами.

Во-первых, перед нами «биография» души, в основе которой «лежит идея перерождения или же идея становления»²⁶. «Я не имею притязания, – пишет Мережковский, – давать людям истину, но надеюсь: может быть, кто-либо вместе со мною пожелает искать истины. Если да, то пусть идет рядом по тем же извилинам, иногда темным и страшным путям; делит со мною иногда почти безысходную муку тех противоречий, которые я переживал»²⁷.

Во-вторых, автор, исповедуясь перед читателем, «рассказывает о том, что повлияло на формирование его души, не утаивая при этом своих неблагоприятных поступков»²⁸. Мережковский стремится быть предельно искренним: «Если бы читатель в этих мыслях моих со мной соблазнился, то со мною же и победил бы соблазн. Я знаю опять-таки одно: не поняв соблазна до конца, его не победишь»²⁹. Или другой пример: «Когда я начинал трилогию “Христос и Антихрист”, мне казалось, что существуют две правды: христианство – правда о небе, и язычество – правда о земле, и в будущем соединении этих двух правд – полнота религиозной истины. Но, кончая, я уже знал, что соединение Христа с Антихристом – кощунственная ложь; я знал, что обе правды – о небе и о земле – уже соединены во Христе Иисусе, Единородном Сыне Божиим, Том Самом, Которого исповедует вселенское христианство, что в Нем, Едином – не только совершенная, но и бесконечно совершаемая, бесконечно растущая истина, и не будет иной, кроме Него. Но я теперь также знаю, что надо было мне пройти эту ложь до конца, чтобы увидеть истину»³⁰.

Наконец, в-третьих, предисловию Мережковского свойственна одна стилистическая особенность – осязаемое присутствие назидательности, роднящей исповедь с другим жанром – проповедью-поучением. Однако автор понимает, что за ним давно закрепился ярлык проповедника от литературы, над которым властвуют идеи (неслучайно Л. Шестов свою статью о Мережковском озаглавил «Власть идей», 1903), и старательно отрешивается от него: «...я не проповедую и не философствую (а если иногда то и другое делаю, то нечаянно, наперекор себе)...»³¹; «Я не хочу последователей, учеников (слава Богу, у меня их

нет и никогда, надеюсь, не будет), – я хотел бы только спутников»³².

Таким образом, проповедь Мережковского закамouflирована под исповедально-моралистический комментарий к творчеству. Он не заставляет, но ласково заманивает читателя: «Не говорю: идите туда; говорю: если нам по пути, то пойдём вместе. Знаю: куда я иду, нельзя дойти одному. Если вообще есть в моих писаниях проповедь, то только эта: проповедь, что не должно быть проповеди; не должно быть одного ведущего, а надо идти вместе всем»³³; «Пусть, повторяю, спутники мои идут рядом со мною, если хотят и могут; а если нет, то покинут меня; – но я не поведу их за собою»³⁴. При этом, с одной стороны, Мережковский утверждает, что не хочет «стеснить свободы читателя»³⁵, а с другой – дает схему написанного и оставляет к ней комментарий.

На первый взгляд, эта особенность напоминает литературные предисловия XVIII в., которые использовались русскими писателями «в качестве “площадки” для концептуализации своих философских, нравственных, эстетических идей»³⁶. По мнению исследователя, в тех предисловиях авторы «избегают говорить о своей личности как о явлении “единственном и неповторимом”»³⁷. Мережковский словно заимствует этот принцип, когда пишет: «...то, что было со мною, было или будет со многими из моих современников; чем я жил и живу, тем жили и будут жить многие»³⁸. Между тем предисловие Мережковского, в котором через исповедально-моралистические комментарии к текстам акцентировано личное присутствие автора, в гораздо большей степени наследует гоголевской традиции.

Характеристики, данные в одной из работ предисловиям Н. В. Гоголя³⁹, можно без преувеличения отнести к манере Мережковского. Он тоже стремится объяснить смысл своего творчества, который раскрывается не имманентно, а в соотношении произведений друг с другом, через их включение в большой контекст. Как и Гоголь, Мережковский использует «форму прямого обращения к читателю, в которой, впрочем, прямое обращение было только формой, за которой стояла “подсказка” читателю главной мысли художника»⁴⁰. Для обоих писателей комментарий важен не только как способ изложения авторской концепции, но и как средство организации текстов. Наконец, и Гоголь, и Мережковский придают значимость объяснению с читателем, поскольку в их творчестве художественная и морально-этическая (а лучше сказать – религиозная) позиции нераздельны⁴¹.

Несмотря на то что предваряющее ППСС слово Мережковского не имеет четких жанровых границ, мы можем квалифицировать его как собственно референтное авторское предисловие, отсылающее читателя к аналогичным текстам с традиционной функциональностью. «Авторская концепция мира и художественного творчества представлена в них декларативно, – указывает

исследователь данного рамочного компонента, – художественное содержание переведено на язык логических понятий. Автономность этих предисловий определяется их свободой от связей с фабулой и сюжетом самого произведения»⁴². В случае с Мережковским – всего собрания сочинений, между которыми автор устанавливает эксплицитные связи, сцепляя смыслы в рамках собственной интенции, хотя авторская позиция, представленная «рефлексивно»⁴³, не исчерпывает всего семантического многообразия, что осознавалось писателем в полной мере: «*Это, разумеется, только внешняя, мертвая схема, геометрический рисунок лабиринта; внутреннее же строение тех тканей, которые образуют рост живого растения, я сам, по всей вероятности, меньше, чем кто-либо, знаю. Знаю только, что я ничего не хотел строить, – я хотел расти и растить; удалось ли, – не мне судить*»⁴⁴.

Примечания

- 1 См.: Лазареску О. Литературное предисловие : вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.). М., 2007.
- 2 См.: Холиков А. Полные собрания сочинений русских писателей : вопросы истории и типологии // Обсерватория культуры. 2011. № 2 ; *Он же*. Полные собрания сочинений русских писателей : вопросы истории и типологии. Приложение к статье // Обсерватория культуры. 2011. № 3 ; *Он же*. Принципы научного изучения прижизненных полных собраний сочинений русских писателей // Филологические науки. 2011. № 3 ; Холиков А. Научно-справочный аппарат в прижизненных полных собраниях сочинений русских писателей (к постановке проблемы) // Учен. зап. Казанского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 2.
- 3 См.: Андрущенко Е. «Все предисловия бесполезны...» (Из наблюдений над предисловиями Мережковского) // Изв. РАН. Сер. лит-ры и яз. 1996. Т. 55, № 3.
- 4 Поскольку одинаковые тексты предпосланы Мережковским и к первому (в 17 т.) и ко второму (в 24 т.) прижизненным полным собраниям сочинений, мы не оговариваем различий между двумя изданиями. Там, где это необходимо, следуют разные наименования: ППСС-1 и ППСС-2.
- 5 Мережковский Д. Тайна Запада : Атлантида – Европа. Белград, 1931. С. 5.
- 6 Андрущенко Е. Указ. соч. С. 60.
- 7 Лазареску О. Литературное предисловие : вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. С. 8.
- 8 Ламзина А. Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2003. Стб. 848.
- 9 Лазареску О. Литературное предисловие : вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. С. 12–13.
- 10 Мережковский Д. [От автора] // Мережковский Д. Полное собрание сочинений : в 24 т. М., 1914. Т. 1. С. V.
- 11 Лятский М. Дмитрий Сергеевич Мережковский // Мережковский Д. Полное собрание сочинений : в 17 т. СПб. ; М., 1912. Т. 1. С. IX.
- 12 Мережковский Д. [От автора]. С. V.
- 13 Там же.
- 14 Там же. С. VIII.
- 15 Андрущенко Е. Указ. соч. С. 61.
- 16 См.: Мережковский Д. [От автора]. С. VI.
- 17 Там же. С. VIII.
- 18 Мережковский Д. Тайна Трех : Египет и Вавилон. Прага, 1925. С. 7.
- 19 Лазареску О. Литературное предисловие : вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.). М., 2007. С. 60.
- 20 Мережковский Д. [От автора]. С. V.
- 21 Мережковский Д. Теперь или никогда // Мережковский Д. ПСС : в 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 143–144. В 1906 г. Мережковский составил «Воззвание к Церкви», которое предполагалось провозгласить на так и не состоявшемся митинге протеста с участием духовенства (см.: Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С. А. Аскольдова, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, В. Ф. Эрна и др. М., 1997. С. 702).
- 22 Мережковский Д. Реформация или революция? // Мережковский Д. ПСС : в 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 93.
- 23 Мережковский Д. [От автора]. С. VII.
- 24 Там же.
- 25 Андрущенко Е. Указ. соч. С. 59.
- 26 Волкова Т. Исповедь // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М., 2008. С. 85.
- 27 Мережковский Д. [От автора]. С. VI.
- 28 Волкова Т. Указ. соч. С. 85.
- 29 Мережковский Д. [От автора]. С. VII.
- 30 Там же. С. VI.
- 31 Там же. С. V. Ср. с другой репликой Мережковского : «Скучно слушать проповеди» (Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.) / общ. ред. С. М. Половинкина. М., 2005. С. 240).
- 32 Там же. С. VI.
- 33 Там же.
- 34 Там же. С. VII.
- 35 Там же.
- 36 Лазареску О. Литературное предисловие : вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.). М., 2007. С. 141.
- 37 Там же.
- 38 Мережковский Д. [От автора]. С. V.
- 39 См.: Лазареску О. Литературное предисловие : вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.). М., 2007. С. 278–301.
- 40 Там же. С. 300.
- 41 Если кому-то сравнение Мережковского с Гоголем покажется искусственным, напомним, что особенности

авторских предисловий – не единственная точка соприкосновения. На интертекстуальном уровне Гоголь присутствует в письмах Мережковского к Андрею Белому (см.: «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...» Письма Д. С. Мережковского Андрею Белому / вступ. ст., публ. и коммент. А. Холикова // *Вопр. литературы*. 2006. № 1. С. 135–185).

⁴² Лазареску О. Литературное предисловие : вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. С. 31–32.

⁴³ Здесь мы заимствуем терминологию В. Е. Хализева, который выделяет «рефлексивный» (активное воздействие автора) и «нерефлексивный» («аксиоматические» представления писателя, «психоидеология» общественной группы, к которой он принадлежит, его сексуальные комплексы, «коллективное бессознательное») аспекты художественной субъективности (см.: Хализев В. *Теория литературы*. М., 2009. С. 102–103).

⁴⁴ Мережковский Д. [От автора]. С. VIII.

УДК 821.161.1.09+929 Полонский

РОЛЬ ДУХОВНОГО ЗРЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ (по материалам литературно-критических статей В. П. Полонского)

А. Р. Резепова

Саратовский государственный университет
E-mail: aliya.rezepova@gmail.com

В работе проведен анализ влияния особенностей индивидуального мировосприятия писателя на формирование авторского стиля, указаны сферы взаимопроникновения общественной и индивидуальной составляющих духовного зрения писателя.

Ключевые слова: литературная критика 1920-х гг., В. П. Полонский, духовное зрение, эстетический анализ произведений.

The Role of Writer's Spiritual Vision in his Works: a Case Study of Literary Criticism Articles by V. P. Polonsky

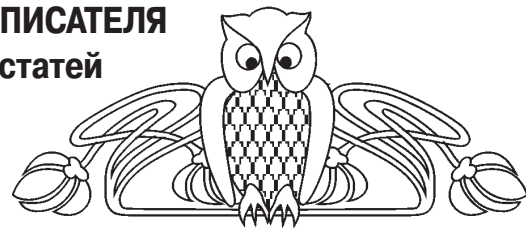
A. R. Rezepova

The article presents the analysis of interconnections between the writer's individual perception of the world and the development of his writing style. It also defines the mutual penetration spheres of social and individual components of the writer's spiritual vision.

Key words: literary criticism of 1920s, V. P. Polonsky, spiritual vision, aesthetic analysis of literary works.

Победа власти Советов и последующее установление диктатуры пролетариата потребовали создания и повсеместного внедрения новых общественных стандартов. Обновление коснулось без исключения всех сфер: политической, бытовой, социальной и культурной. Если с изменением социальной и бытовой все было определено, то изменение нематериальной стороны жизни требовало серьезного осмысления.

В 1920-х гг. при участии множества идеологических групп и объединений формировалась новая концепция искусства: переходная эпоха требовала новых принципов создания и изучения художественного произведения. Массовая критика этого периода еще не обладала ни достаточным теоретическим обоснованием исследовательских принципов, ни разработанным инструментарием и методологией анализа

художественной литературы. Подробным образом вопросы становления методологии массовой критики 1920-х гг. изучены в работах Г. А. Белой, Е. Г. Елиной, М. М. Голубкова, С. И. Шешукова, В. В. Эйдиновой и др.

Зачастую литературно-критический разбор произведения и творчества писателя сводился к ответам на следующие вопросы: «...как обстоят дела с классикой, пользуется ли автор новыми литературными приемами, умеет ли дать представление о характере героев»¹. В. П. Полонский как критик-марксист яростно «боролся с теми течениями в марксистской критике, которые, по его мнению, разрушали представление о художественной литературе как эстетическом феномене»². Его метод отличало полное погружение в творчество анализируемого автора. Как отмечает В. В. Эйдинова, «в работах критика раскрывается тот содержательный, основанный на понимании организующей роли стиля подход к нему, который позволяет автору глубоко войти в существо художественного мира писателя»³. Учитывая влияние классового и социального факторов на творчество, большее внимание Полонский уделял исследованию и анализу эстетической составляющей искусства слова.

Углубляя и усложняя положения, заявленные в статьях Г. В. Плеханова и В. И. Ленина, ряд критиков – А. В. Луначарский, А. К. Воронский, В. П. Полонский и другие – отстаивали специфику художественного творчества как области соединения индивидуального и общественного. Проблему взаимодействия личного и социального начал в творчестве Полонский называл «важнейшей проблемой нашего времени»⁴, он отмечал, что лишь «счастливое соединение» богатого личного

опыта и таланта автора делает из простого текста произведение искусства. В статье «Марксизм и литература» А. В. Луначарский утверждал, что неотъемлемыми составляющими художественного таланта являются чуткое восприятие действительности, острая наблюдательность, способность к эмоциональной переработке материала и умение воплотить накопленный материал в художественное произведение⁵.

Одной из областей соприкосновения личного и общественного в художественном творчестве является духовное зрение писателя. Его основа закладывается особенностями психики художника, однако непосредственное влияние на формирование внутреннего взгляда писателя оказывает современная ему общественно-политическая ситуация. Об этом много писали критики-перевальцы, пытаясь «в своих статьях наметить возможности для установления широких связей личного опыта и внутреннего мира писателя с обществом»⁶. В свою очередь, самобытность взгляда художника на мир находит прямое отражение в стилевых особенностях творчества автора.

В. П. Полонский детально исследовал механизмы воздействия внутреннего зрения писателя на творчество, определяя зоны взаимопроникновения личного и общественного в искусстве. Об этом заявлено в статье В. В. Эйдиновой «О Вячеславе Полонском»⁷. Однако метод исследования художественного произведения с опорой на анализ духовного зрения писателя, разрабатываемый В. П. Полонским, до сих пор не изучен в полной мере. В данной статье мы попытаемся обозначить основные сферы влияния «духовного зрения» (термин Полонского) и социально-общественной позиции на формирование стиля писателя. Материалом для исследования послужили критические статьи В. П. Полонского в журналах «Новый мир» и «Печать и революция».

Массовая критика 1920-х гг. тяготела к упрощенному анализу произведений с точки зрения социалистической идеологии, зачастую игнорируя эстетическую составляющую творчества: «Одним из актуальных для 1920-х годов средств интерпретации текста следует назвать способ “наложения” универсального социологизаторского лекала на неограниченное пространство любого словесно-художественного произведения»⁸.

Более сложный анализ – эстетический – предполагал, что художественное произведение отражает действительность, преломляясь сквозь личное мировоззрение писателя. В. П. Полонский утверждал, что искусство не способно дать объективной картины жизни, так как даже самый беспристрастный художник «никогда не видит мир таким, каким он есть, а всегда видит его “своими” глазами»⁹. Похожие идеи находим и у А. К. Воронского: «Художник познает жизнь, но не копирует ее, не делает снимков; он не фотограф; он перевоплощает ее “всезрящими очами своего чувства”»¹⁰.

Таким образом, картина мира, которую рисует писатель в своем произведении, есть не что иное как отражение его внутреннего зрения, и она рассказывает больше о самом художнике, чем о мире: «...все, что сказал он о Конармии, и все, что ухитрился о ней позабыть, – все это говорит о нем самом, об авторе, о его точке зрения на мир»¹¹. Полонский утверждает, что задача писателя не в том, чтобы задокументировать реальность, а в том, чтобы дать читателю возможность взглянуть на мир «другими» глазами, раздвинуть границы его представления об этой реальности. Одна из основных функций искусства, по Полонскому – «расширять бытие человека, вооружать его новым зрением, показывать мир чужими глазами, обнаруживать в нем краски и формы, незаметные или малозаметные ранее»¹². Критик отмечает, что каждый талантливый художник не только видит мир иначе, но и показывает его с уникальной, новаторской точки зрения своему читателю. Неординарное восприятие мира отражается в произведениях автора, Полонский в своих критических статьях определяет, каким образом. Например, исток самобытности творчества Маяковского он находит в том, что тот смотрит на мир «увеличительным глазом»: его герои, образы, страсти предельно гиперболичны.

В критических заметках В. П. Полонский неоднократно подчеркивал, что в творчестве художника определяющую роль играет призма, сквозь которую он видит окружающий мир: «Существует зависимость между особенностями художнического зрения, свойствами творческой индивидуальности и материалом, который подвергает художник обработке»¹³. Изучение духовного зрения писателя дает ключ к его творчеству, помогает понять мотивацию выбора материала для произведения, главных героев, лексики, образительных средств и т. д., так же как изучение содержания произведения помогает точнее сформулировать жизненную позицию автора.

У настоящих художников, обладающих способностью образно строить мир, черты внутреннего зрения формируют основополагающий принцип всего творчества. При анализе произведений того или иного автора В. П. Полонский определяет, как свойства духовной организации писателя повлияли на стиль его произведений. Критик выделяет доминантные характеристики умственного взгляда художника, которые оказали наибольшее влияние на формирование творческой самобытности автора. Так, духовная «метельность» Пильняка «наложила свою печать не только на тематику его вещей. Она отразилась в их языке, в композиции, в образности»¹⁴. Романтизм и гиперболизм Бабеля в его произведениях воспроизведены в приподнятой патетике языка, жажде необычайного, красочности описаний, постоянных преувеличений.

По Полонскому, органичен и успешен тот художник, который пишет о созвучном его вну-

треннему видению мира, о чем знает он из личных наблюдений и опыта. У таких авторов обнаруживается духовное родство с их героями: читатели «мужицкого писателя» А. Веселого видят «Россию, кровью умытую» «сквозь зрение мужика, одетого в солдатскую шинель»¹⁵, у писателя деревни Вс. Иванова и героев его партизанских повестей – «общий взгляд на мир».

В. П. Полонский считал, что передача писательского зрения героям произведения – один из наиболее распространенных приемов в литературе. Однако, по его мнению, подлинного художника отличает способность через героев произведения раскрыть свой внутренний мир и, возвысившись над самим собой, преодолеть собственные недостатки. Критик отмечает, что данный прием позволяет не только выразить авторские идеи в тексте, но и углубить содержание произведения, создав дополнительный уровень повествования. Читатель получает возможность не только составить представление о внутреннем зрении писателя, но и понять, как воспринимают действительность его герои: «Глазами Кавалерова показан Андрей Бабичев. Наш мечтатель не пощадил врага: последний получился выпуклым и живым, как портрет, выходящий из рамы»¹⁶.

Специфика мировоззрения художника предопределяет выбор средств художественной выразительности. Полонский последовательно прослеживает взаимозависимость духовного зрения писателя и его стиля. Он отмечает, что особое зрение Маяковского помогает ему увидеть, как «в ушах оглохших пароходов горели серьги якорей»¹⁷, что гиперболизм взгляда Бабеля предопределяет большое количество преувеличений в тексте: «... все у Бабеля необыкновенно: рессоры на тачанке “небывалые”; улы “неописуемы”; шоссе “неувядаемое”...»¹⁸. Лексика произведений Иванова говорит о его деревенской точке зрения на жизнь: «Эта ограниченность сравнений выразительно говорит о мироощущении художника. У него нет иных красок, кроме тех, что почерпнуты из деревенского, негородского бытия»¹⁹.

Полонский полагал, что духовное видение писателя – открытая система, подверженная внешнему воздействию. Перемена угла зрения оказывает непосредственное влияние на работу писателя в целом: «В творчестве его как бы переместился угол зрения. Раньше он был поглощен собой, смотрел внутрь себя, думал об одном себе, о своей боли, своих чувствах, своей судьбе. Теперь он захвачен людской болью, потоком масс»²⁰. Он определяет выбор героев, о которых пишет автор («Человек, который погибает, делается предметом глубочайшего внимания Иванова... Наш художник начинает глядеть на мир тускнеющими, слепнущими глазами, и мир теряет краски, сереет, как наступающий вечер»²¹), лексику произведений («Новая тематика, новые впечатления, новая точка зрения на мир придали некоторую суровость языку, оставив цветистость сравнений»²²) и авторское мировоззрение

(«Камень – зверь, вода – зверь, и даже бабочка – и та норовит укусить – вот она перемена угла зрения! Мир стал злым и тревожным»²³).

На писательское мироощущение оказывают влияние различные факторы. Полонский пишет, что существует прежде всего «зависимость искусства от социальной позиции, какую занимает автор»²⁴. Окружающая действительность, безусловно, вносит коррективы в восприятие мира. В. П. Полонский признавал, что с течением времени духовное зрение преобразуется, принимая другие очертания. От большинства современников его отличало стремление к объективной оценке творчества писателя. Критик утверждал, что «время и опыт [могут внести] существенные правки в мировоззрение автора»²⁵, именно поэтому он настаивал на глубоком анализе всего творческого пути писателя в развитии, а не конкретного произведения.

Полонский отмечает, что мировоззрение автора видоизменяется вместе с его отношением к революции. Безусловно, для любого писателя эпохи 1920-х гг. «революционный» взгляд на мир является положительной характеристикой. В. П. Полонский провозглашает аксиому: «Скажи мне, что нашел ты в революции, – и я скажу тебе, кто ты»²⁶. Поощряя Дм. Фурманова, зрение которого «было зрением большевика, партийца, революционера», Полонский осуждает Пильняка, растерявшего свою революционность, и из поэта революционных партизан, «по мере того как выветривалось его революционно-крестьянское мировоззрение, он превратился в поэта разлагающегося мещанства эпохи пролетарской революции»²⁷.

Художник не может дать беспристрастной картины мира, ибо система его взглядов постоянно модифицируется под воздействием внутреннего развития личности и изменения общественно-политической ситуации. Полонский оставляет за писателем право на ошибку, утверждая, что художественная литература отражает не хронику событий, а авторский взгляд на эти события. «Все дело в том, чтобы своеобразие художнического пристрастного зрения не искажало картины настолько, чтобы она теряла убедительность!»²⁸.

В. П. Полонский настаивал на комплексном подходе к анализу творчества: учитывая социальное положение и происхождение автора, он обращался прежде всего к эстетической и психологической стороне творчества каждого писателя. Критик полагал, что исследование особенностей художнического духовного зрения – ключ к пониманию любого произведения. Более того, осмысление истоков мировоззрения художника позволяет выявить и объяснить происхождение сильных и слабых сторон в его творчестве.

Являясь одним из самых авторитетных литературных критиков 1920-х гг. Полонский в своих очерках формулировал основные принципы собственной литературно-критической деятельности, методологии. Обращая пристальное внимание на

эволюцию писательского «умственного зрения», критик доказывал, что любой творческий процесс, в том числе и литературный, является продуктом синтеза общественной позиции художника, его жизненного опыта и уникальности его духовной организации.

Примечания

- ¹ Елина Е. Литературная критика и общественное сознание Советской России 1920-х годов. Саратов, 1994. С. 88.
- ² Елина Е. Художественная и газетно-журнальная словесность в творческой концепции Вяч. Полонского и общественно-литературной ситуации эпохи НЭПа // НЭП в истории культуры : от центра к периферии / под ред. И. Ю. Ивановиной, И. А. Тарасовой. Саратов, 2010. С. 32.
- ³ Эйдинова В. Стиль художника : Концепции стиля в литературной критике 1920-х гг. М., 1991. С. 246.
- ⁴ Полонский В. О литературе. М., 1988. С. 181.
- ⁵ См. подробнее: Луначарский А. Марксизм и литература // Луначарский А. Собр. соч. : в 8 т. М., 1967. Т. 7. С. 339.
- ⁶ Белая Г. Дон-Кихоты 20-х годов : «Перевал» и судьба его идей. М., 1989. С. 76.
- ⁷ Цит. по: Полонский В. О литературе. М., 1988. С. 18.
- ⁸ Елина Е. Литературная критика и общественное сознание Советской России 1920-х годов. С. 86.

- ⁹ Там же. С. 46.
- ¹⁰ Воронский А. Искусство видеть мир : Статьи, портреты. М., 1987. С. 365.
- ¹¹ Полонский В. Критические заметки : О Бабеле // Новый мир. 1927. Кн. 1. С. 199.
- ¹² Полонский В. О литературе. С. 152.
- ¹³ Там же. С. 50.
- ¹⁴ Полонский В. Критические заметки : Шахматы без короля (О Пильняке) // Новый мир. 1927. Кн. 10. С. 183.
- ¹⁵ Полонский В. Критические заметки : Об Артеме Веселом // Новый мир. 1927. Кн. 3. С. 172.
- ¹⁶ Полонский В. О литературе. С. 163.
- ¹⁷ Там же. С. 205.
- ¹⁸ Полонский В. Критические заметки : О Бабеле. С. 200.
- ¹⁹ Полонский В. О литературе. С. 95.
- ²⁰ Там же. С. 225.
- ²¹ Там же. С. 107.
- ²² Полонский В. Критические заметки : О Бабеле. С. 208.
- ²³ Полонский В. О литературе. М., 1988. С. 107–108.
- ²⁴ Полонский В. Очерки современной литературы. М. ; Л., 1930. С. 167.
- ²⁵ Там же. С. 178–179.
- ²⁶ Полонский В. Критические заметки : Шахматы без короля (О Пильняке). С. 174.
- ²⁷ Полонский В. О литературе. С. 122.
- ²⁸ Там же. С. 46.

УДК 821.161.1.09:070

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ 1920–1922 ГОДОВ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ ВЦИК»

М. В. Сагалаева

Саратовский государственный университет
E-mail: marinasagalaeva@mail.ru

В статье анализируется литературная жизнь Советской России в 1920–1922 гг. в отражении газеты «Известия ВЦИК», рассматриваются её основные составляющие: литературные вечера, образование новых литературных организаций и заведений, литературные конкурсы, имена писателей и другое.

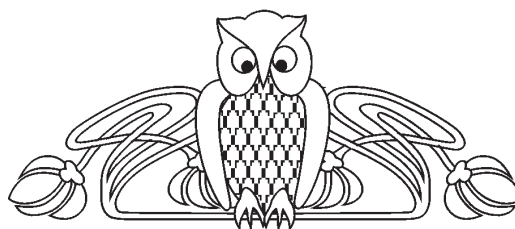
Ключевые слова: литературная жизнь, «Известия ВЦИК», 1920-е гг., советская литература.

Literary Life of 1920–1922 on the Pages of the Newspaper Izvestiya VZIK (All-Russian Central Executive Committee News)

М. V. Sagalayeva

In the article literary life of the Soviet Russia of the years 1920–1922 is analyzed as it was reflected in the newspaper Izvestiya VZIK (All-Russian Central Executive Committee). The main components of this life are investigated, literary soirees, formation of new literary organizations and institutions, literary competitions, and writers' names among them.

Key words: literary life, Izvestiya VZIK (All-Russian Central Executive Committee), 1920s, Soviet literature.

Газета «Известия ВЦИК» занимала одну из лидирующих позиций среди печатных средств массовой информации в начале 1920-х гг., относилась к числу авторитетных общественно-политических изданий. Наряду с газетой «Правда» она была главным печатным органом большевиков. Так, на 31 января 1922 г. тираж «Известий» составил 154 000 экз., «Правды» – 75 000 экз.¹

На страницах газеты отражались все стороны жизни страны. Один из ведущих мотивов в газете – мотив борьбы. Боролись за урожай, за новую культуру, за новые рельсы, на которые должна встать экономика молодого государства. Безусловно, газета отражала и все перипетии политических баталий. В начале 1920 г. преобладают сводки с полей, докладываются о положении дел на фронтах, за границей: существуют рубрики «На фронтах республики», «По Советской России», «В стане контрреволюции». Позже начинаются борьба с разрухой и восстановление хозяйства. Публикуются материалы о сверхурочной работе

на заводах, о неделях помощи армии, уборки и сбора мусора на улицах. Много говорится об электрификации. В стране также борются с неграмотностью: открываются избы-читальни, среди солдат и рабочих проводятся занятия, ведётся работа по доставке специальной, партийной и художественной литературы в деревню и армию, проводятся конкурсы на составление букварей. В 1921 г. начинается борьба с голодом. В газете появляются призывы помочь Поволжью и объявления о концертах в пользу голодающих, в очерках описывается состояние бедствующих районов, не меньшей силой воздействия на читателя обладают и стихотворные строки: авторы не только говорят о братском долге пролетариев, которые делятся своим скудным пайком, но и используют эту возможность, чтобы ещё раз продемонстрировать жадность буржуазии, по их словам, почти не участвующей в сборе средств.

Среди большого количества общественно значимых материалов в «Известиях» есть тексты, отражающие литературную жизнь. По их характеру, содержанию, тематике можно судить об официальном взгляде на литературу и литераторов: какие направления и течения упоминаются, в каком контексте о них говорят, кого из поэтов и прозаиков чтят, а кого вычеркнули из литературного процесса.

Литературная жизнь 1920-х гг. была очень активной и насыщенной событиями. Ещё создают произведения символисты, акмеисты, имажинисты, экспрессионисты, входят в литературный процесс ничевки, «Серрапионовы братья», группы «Октябрь», «Кузница», ЛЕФ.

Картина, складывающаяся по публикациям, подтверждает, что «характерной чертой 1920-х годов явилось и то, что диктат пролетарской культуры не противостоял появлению и даже публикациям произведений, выбивающихся из общего предустановливаемого пафоса»². В рубрике, посвящённой новым книгам, есть, например, произведения Б. А. Пильняка и М. И. Цветаевой.

События литературной жизни, анонсируемые и констатируемые в «Известиях», можно условно объединить в несколько групп: во-первых, это извещения о литературных вечерах, собраниях кружков и организаций, лекциях о писателях, литературных группах (С. М. Городецкий делал доклад «Поэзия революции» на собрании Союза поэтов, в Клубе поэтов И. В. Грузинов рассказывал об имажинизме как творческом методе, Фёдор Сологуб читал свои новые стихи во Дворце искусств); во-вторых, сообщения об образовании новых литературных организаций и заведений (это и литературный отдел Наркомпроса, и высший Литературно-художественный институт и др.); в-третьих, объявления о появлении новых журналов, выходе книг, рецензии на произведения (например, в «Известиях» постоянно публикуются анонсы номеров «Красной нови», «Красной нивы»). На страницах газеты есть информация о

литературных конкурсах, сообщения о жизни писателей. Отдельно можно говорить о материалах, посвящённых изучению состояния литературы, и о том, как отражается в газете иностранная литература.

1920-е гг. – время большого количества литературных течений и направлений. Есть сведения, что к середине 1920-х их было около 30³. Тогда же при крупных предприятиях создаются «кружки рабочей критики» и проводятся вечера рабочей критики. В постоянных рубриках «Извещения» и «Хроники» публикуются объявления о том, что состоится вечер, лекция, заседание, собеседование. В основном подобные собрания проходят в Политехническом музее, Доме печати, Доме союзов, Доме союза связи. Самыми известными были первые два. Здесь устраивались вечера поэтов и прозаиков, чтения новых произведений, лекции, после происходил обмен мнениями. Большое количество подобных просветительских мероприятий свидетельствует о попытке приблизить культурный уровень рабочих и крестьян к уровню интеллигенции. В это же время зарождается спор о том, следует ли равняться на классическую литературу или пролетарское искусство может существовать без опоры на мировой, «буржуазный» культурный опыт. Лекции об А. С. Пушкине, Л. Н. Толстом, Ф. М. Достоевском, Л. Н. Андрееве, А. М. Горьком читают Ю. И. Айхенвальд, П. С. Коган, В. Н. Яхонтов, И. Н. Кубиков, А. В. Луначарский, В. М. Волькенштейн, М. А. Хейфец.

О необходимости опоры на классическое наследие не раз говорилось на страницах «Известий». Этому вопросу уделял большое внимание нарком просвещения А. В. Луначарский. В 1922 г. в газете впервые публикуется его работа «Советское государство и искусство» (№ 22, 28, 40). В материалах подробно рассматриваются проблемы, стоящие перед современным искусством, возможности «внедрения» его в повседневную жизнь людей, способы охраны художественного достояния и другое. Нарком просвещения говорит не только о литературе: его статьи посвящены театру, живописи, музыке, скульптуре, народным промыслам. Но слову Луначарский отводит здесь особое место: «Конечно, на самом деле и литература требует значительной и тщательной подготовки... но тем не менее совершенно ясно, что в этой области непосредственная даровитость, сочетаясь с чтением хороших образцов, с достижением некоторого уровня образованности, в состоянии сама давать яркие произведения, а иногда и шедевры» (1922. 5 февр.).

К художнику в таком случае предъявляется несколько требований: талант, знание классики и достаточный уровень образования. В стране создавались условия для формирования той части общества, тех творцов (в достаточном количестве), которые смогли бы обеспечить государству должный уровень агитации, реализацию одной из главных целей искусства – пропаганду.

Как уже говорилось выше, для желающих были организованы лекции об искусстве, некоторые клубы и кружки проводили выездные собрания. Не на все был свободный вход. Если посмотреть объявления о лекциях и собраниях кружков, то картина получится примерно такая: в клубе «Кузница» по понедельникам проходят собрания, в Союзе крестьянских писателей по пятницам организуются литературные вечера, в Доме печати литературные пятницы, во Дворце искусств – по понедельникам и четвергам вечера поэзии.

Проводятся разъяснительные беседы и лекции, например собеседование по рассказу Горького «Макар Чудра», лекции о Чехове. Для образования же открыты специальные учебные заведения и курсы: 1 ноября 1920 г. в Москве начались занятия в студии пролетарских поэтов и писателей, в сентябре 1921 г. открыт приём в Первый государственный показательный литературный техникум, в ноябре – высший Литературно-художественный институт. Появление последнего Луначарский горячо приветствовал: «...я приветствую основание первого, если не ошибаюсь, в мире института литературы» (1922. 5 февр.). На открытии ЛХИ А. В. Луначарский сказал: «Литературному искусству не повезло... В то время как музыка, живопись, архитектура имеют свои преподавательские пути, литературное искусство находилось во власти кустарничества каждого отдельного писателя. Опыт эпох и школ пропадал даром. Правда, опыт пролеткульта показал, что литературное искусство доступно даже лицам, не имеющим определенной общеобразовательной подготовки, но всё же получалось нечто вроде “сыроешь”» (1921. 19 нояб.).

Во главе института стоял Валерий Брюсов, в состав профессоров вошли Ю. И. Айхенвальд, Андрей Белый, С. П. Бобров, П. И. Бартенев, М. О. Гершензон, Вяч. Иванов, П. Н. Сакулин и др.

Второе условие – опора на классиков. Кого предлагало государство на эту роль? Об этом можно судить по характеру статей в газетах, по издаваемым книгам, публикациям в литературных журналах, таких как «Красная новь» и «Красная нива», являющихся приложением «Известий», анонсы которых регулярно появлялись на страницах газеты.

Среди литературных деятелей, на которых можно и нужно ориентироваться, чьи произведения стоит читать, значатся А. С. Пушкин, В. Г. Короленко, Н. А. Некрасов, Л. Н. Толстой, Т. Г. Шевченко. Публикации, посвящённые им, появляются в «Известиях» в основном в связи с годовщиной памяти.

Трудно с абсолютной уверенностью сказать, кто из поэтов имеет больший вес – Пушкин или Некрасов. В материалах газеты Пушкин – хотя и гениальный, но всё же дворянский поэт. «Пушкин был русской весной, Пушкин был русским утром, Пушкин был русским Адамом», с него начинается

«отроческая зрелость интеллигенции», он «с такой полнотой, певучестью и грациозностью выразил основное в русской природе, в общечеловеческих чувствах, во всех почти областях внутренней жизни, что преисполняет благодарностью сердце каждого, кто впервые, учась великому и могучему русскому языку, впервые принимая к родникам священного истинного искусства, пьёт из Пушкина». «В Пушкине-дворянине на самом деле просыпается не класс (хотя класс и наложил на него некоторую свою печать), а народ, нация, язык» (1922. 12 февр.). Близок современникам Пушкин ещё и потому, что между его эпохой и началом 1920-х гг. проводятся параллели – оба периода называются «вёснами».

Н. А. Некрасов ассоциируется у читателей с выходящем скорее из рабоче-крестьянской среды, чем из среды помещиков. «Из поэтов прошлого, ставших “классиками”, нет поэта более близкого нашему времени, чем Некрасов» (1921. 4 дек.), он – пророк революционной напряжённости, «это была заря революции, это был отголосок пробуждения всенародного сознания», «И близок нам, дорог, израненный, хрипящий Некрасов, из векового снега немоты звавший сегодняшней наш и его, праздник», «но если помещик Некрасов пел мужицкое горе и гражданскую скорбь и гражданское негодование интеллигенции, то это потому, что он со всех сторон был окружён дружной фалангой разночинцев, людей, народные корни которых были ещё недалеко» (1921. 4 дек.).

Творчество В. Г. Короленко не во всём отвечает требованиям, предъявляемым к произведениям того времени. Признаётся его талант, его мастерство: «...последний из могикиан русского идеализма. На протяжении целых десятков лет имя Короленко для русской интеллигенции было синонимом “общественной совести”<...> Он жил и царствовал, когда “Лес шумел” ещё только романтической сказкой о всеобщем освобождении...» (1921. 28 дек.), «так просто, но ярко со своей обычной чарующей манерой описывал картины голодных мук деревни и эпизоды столкновений с исправниками и становыми приставами, что мороз подирал по коже» (1922. 1 янв.). Его главным недостатком стало то, что он «не понял, не учуял всего величия пролетарского движения... не мог уяснить себе неизбежность жестокой борьбы классов, непримиримость противоречий классовых интересов и почти повторял то же осуждение большевикам, какое в 1896 г. выражал и марксистам» (1922. 1 янв.).

Один из газетных материалов, посвящённых Л. Н. Толстому, назван «Толстой-коммунист»: он «владел особым даром прозрения в сердца людей и глубоким пониманием народных движений <...> уходя от нас, этот великий мудрец оставил нам ответ и на этот вопрос, заявив себя горячим сторонником коммунизма» (1920. 24 нояб.).

Если судить по публикациям, самым «пролетарским классиком» можно назвать Т. Г. Шев-

ченко: «... пролетарий по своему происхождению, пролетарий по своему творчеству, он дорог не только Украине, но всей трудящейся пролетарской семье, как гениальный певец и защитник его доли» (1921. 12 марта), «он видел все ужасы царского режима, гнет и насилие над “замученным народом” не только в рамках национальности <...> Жизнь поэта-батрака, жизнь революционера и борца за волю-свободу “наименьшего брата” должна была окончиться тюрьмой и “строжайшим запрещением”» (1922. 12 марта).

О влиянии этих поэтов и писателей говорят не только отзывы. В кружках, на заводах устраивались посвящённые классикам вечера, чтение их произведений, концерты, лекции, заседания. Приведём лишь несколько номеров, где есть объявления об этом: А. С. Пушкин – лекция «Пушкин» (1920. 11 янв., 17 янв., 16 февр.), вечер с чтением (1921. 23 апр.), лекция (1920. 24 июня); Н. А. Некрасов – вечера (1921. 1 янв., 1922. 13 янв.); В. Г. Короленко – лекции (1920. 6 июля), заседания (1922. 1 янв., 3 янв., 4 янв.); Л. Н. Толстой – вечера (1920. 13 февр., 1 марта, 28 нояб., 1921. 30 нояб.), концерт (1920. 13 нояб.); Т. Г. Шевченко – вечера (1921. 5 мар., 16 мар., 1922. 12 мар.).

На страницах «Известий» появляется немало фамилий современных поэтов, в основном в сообщениях о грядущем или прошедшем собрании. Поэты читали свои новые произведения, затем все участники вечера обсуждали услышанное. Цель подобных собраний – объединение новых творческих сил, совместная работа над современным, нужным пролетариату искусством, создание новых форм воплощения, обмен опытом, выражение своих мыслей. Но, видимо, не все были готовы к такому культурному всплеску. Е. Добренко приводит такой пример: «Ю. Кублановский рассказывал, что когда в Политехническом выступал Андрей Белый и с влажными голубыми глазами и черным бантом на шее декламировал: “Исчезни в пространство, исчезни, Россия, Россия моя!” – “братишка”-матрос в пулемётных лентах, сложив ладони рупором, из первых рядов рыкнул в ответ: “Сам исчезни!”»⁴. Так постепенно начинается процесс превращения подкультуры в культуру: «... низы поднимались наверх, чтобы стать “высшей культурой” в соцреализме»⁵. То есть начинается период главенствования поэтов и прозаиков из рабочей среды – малограмотных, с низким культурным уровнем, тех, кто со временем обретая уверенность в своей правоте и праве на суждения и критику, будет «настаивать на публикации своих статей и откликов»⁶, будет возмущаться отказом в публикации и переживать «немало драматических эпизодов, связанных с отклонением их редакциями и изданиями»⁷.

Для упорядочения, правильной организации работы тех, кто относит себя к поэтам и прозаикам, в стране возникают попытки регламентации их деятельности. В номере от 1 февраля 1920 г. в рубрике «Театр и искусство» опубликован мате-

риал об организации в Наркомпросе Литературного отдела. Постановление коллегии Народного комиссариата просвещения об этом появилось годом ранее. Заведующим стал А. В. Луначарский, его заместителем – В. Я. Брюсов, в состав коллегии вошли А. Серафимович, М. Герасимов, Ю. Балитрушайтис, Вяч. Иванов, М. Горький, А. Блок, Д. Марьянов. «Отдел имеет три подотдела: академический – для разработки теории и истории литературы, художественно-пропагандистский, имеющий своей целью распространение путём лекций, митингов, диспутов сведений о литературе, и литературно-издательский, находящийся в тесном контакте с государственным издательством и предоставляющий ему по должной оценке беллетристический материал» (1920. 1 февр.). Отдел был расформирован в декабре 1921 г.

Призыв объединиться писателям и поэтам-красноармейцам прозвучал в номере от 11 февраля 1920 г. Военный отдел МКРКП предлагал создать «один общий литературный коллектив молодых пролетарских писателей и поэтов»: «... каждый лишний камень, вложенный в светлое новое здание пролетарского храма, дорог и ценен... Молодые цветы вашего творчества... скоро покроют нашу великую Республику пышными, прекрасными коврами, перед которыми безусловно потускнеют старые истоптанные дороги буржуазной идеологии» (1920. 11 февр.).

Ещё одним шагом к объединению молодых литературных сил должен был стать Всероссийский съезд пролетарских писателей, запланированный на 10 мая. Созыв участников был невозможен ранее, так как они, «разбросанные по различным фронтам Республики, не могли урвать для этой цели сколько-нибудь времени» (1920. 15 апр.). Победы Красной Армии и переход к мирному строительству жизни дали возможность провести смотр сил, выяснить ближайшие задачи. Как и на всех подобных съездах, право решающего голоса – у писателей-рабочих, сколько-нибудь проявивших себя в пролетарской литературе. Больше информации об этом мероприятии в «Известиях» не даётся. Но 19 октября 1920 г. газета публикует материал о Первом всероссийском съезде пролетарских писателей. Он открылся 18 октября, участниками стали 96 человек. На съезде представитель ЦК Всероссийского союза Пролеткультов В. В. Игнатов говорил о неотделимости «пролетарской литературы от идей и задач коммунистической партии» (1920. 19 окт.), В. Я. Брюсов – о том, что каждому пролетарскому писателю необходимо овладеть всеми лучшими достижениями литературы и искусства прошлого.

В июне 1920 г. начинается регистрация литературных работников. Её целью становится использование литературных сил и оказание помощи, например предоставление работы, выступление, ходатайства, публикация произведений.

Зарегистрироваться предлагается в комиссии профессиональных дел ЛИТО НКП «всем лицам, участвующим к литературе» (1920. 9 июня).

После более или менее успешного объединения рабочих литературных сил приходит время для сближения «пролетариев с трудящимися массами деревни». Для этого создаётся Всероссийский союз крестьянских писателей. «Крестьянский писатель мыслится не только как художник слова, но и как культурный работник в крестьянских массах» (1921. 4 дек.), то есть от него требуется быть передовым человеком в своей среде, в чём-то учителем, просветителем. Сделать это было непросто: в деревню книги либо не доходили совсем, либо приходили с большим опозданием, с периодическими изданиями дело обстояло немногим лучше, наконец, просто грамотных крестьян было не так много.

Нельзя сказать, что работа съездов и организаций освещается в газете очень подробно, но характер и частота материалов свидетельствуют о том, что на деле она идёт довольно активно.

Одной из важнейших составляющих литературной жизни начала 1920-х гг. становится череда конкурсов. Читателям предлагают писать пьесы из жизни водников и горнорабочих, революционные пьесы, художественные драматические произведения: комедии, драмы, трагедии, героические пьесы, рассказы и стихи для журнала «Красноармеец». Конкурсы призваны стимулировать появление произведений нового времени: они должны «соответствовать переживаемому моменту, пьесы должны быть проникнуты духом современной революции» (1920. 7 июля), «посвящённой производственной пропаганде» (1920. 1 дек.), «вполне созвучные духу эпохи, героической роли пролетариата, идеям социализма» (1921. 26 нояб.).

Ожидаемым произведениям отводилась роль пропаганды. Так, конкурс «Три года пролетарской власти в России» предполагал участие работ, отражающих «ломку старого уклада жизни и старых отношений (в семье, на фабрике, в деревне, в городе и т. д.) и строительство новой жизни, новых общественных отношений»; «задача, которую преследует конкурс – показать на живых, взятых из жизни, примерах и фактах, что дала уже сейчас Октябрьская революция рабочим и крестьянам» (1920. 16 сент.).

В качестве вознаграждения участникам предлагались денежная премия и публикация.

Эксперимент оказался неудачным: присылаемые работы по содержанию, возможно, и отвечали требованиям, но их художественный уровень был крайне низок. «Из произведений поэтических не найдено ни одного, удовлетворяющего условиям конкурса. Лучшие из этих произведений: “Дядя или солнце” В. Казина и “Песня о соловьях” Н. Полетаева, в виду опубликования их авторами, сняты с конкурса» (1922. 29 марта). Среди произведений беллетристики в этом конкурсе присуждена только третья премия, среди драматических – вторая и третья.

За исследуемый срок (январь 1920 – март 1922 г.) в литературной жизни страны произошли большие перемены. В первую очередь это связано с изменением ситуации в России в целом. К 1922 г. позиции большевиков значительно укрепились по сравнению с 1920-м. Это можно проследить по сообщениям на страницах «Известий»: сначала преобладают сводки с полей, информация об отвоёванных у белых населённых пунктах, затем культурная и, в частности, литературная жизнь возрождается.

Основной целью новой власти становится привлечение к литературной деятельности рабочих, красноармейцев, чтобы те писали произведения, нужные новой власти. Для этого создаются специальные отделы, группы, общества. Начинается новый этап в развитии советской культуры, а с ним и новый этап в жизни «Известий».

Примечания

- ¹ Подробнее см.: Тираж газет // Известия ВЦИК. 1922. 17 февр. Далее ссылки на газету «Известия ВЦИК» даются в тексте статьи с указанием в скобках даты выхода.
- ² Елина Е. Литературная критика и общественное сознание в Советской России 1920-х годов. Саратов, 1994. С. 16.
- ³ См.: История русской литературной критики : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. В. В. Прозорова. М., 2009. С. 250.
- ⁴ Добренко Е. Метафора власти : Литература сталинской эпохи в историческом освещении. München, 1993. С. 22.
- ⁵ Там же. С. 19.
- ⁶ Елина Е. Указ. соч. С. 55.
- ⁷ Там же. С. 46.

УДК 821.112.2(436).09-32+929Шницлер

ОБРАЗ ХУДОЖНИКА В НОВЕЛЛЕ А. ШНИЦЛЕРА «КНЯЗЬ В ТЕАТРЕ»

Е. А. Зюбина

Марковский филиал Саратовского государственного социально-экономического университета
E-mail: dudkova@rambler.ru

В статье рассматривается специфика жанра новеллы о художнике на примере произведения австрийского автора рубежа XIX–XX вв. Артура Шницлера «Князь в театре». Образ художника – центральный в творчестве данного писателя. В рассматриваемой новелле представлен очень интересовавший прозаика тип усталого, стареющего незначительного деятеля искусства, понапрасну растратившего свой дар. В статье рассматриваются образ главного героя, взаимоотношения художника и общества, мотивы смерти и игры и их роль в раскрытии образа художника. **Ключевые слова:** новелла о художнике, австрийская литература рубежа XIX–XX вв., Артур Шницлер, «маленький человек» в искусстве.

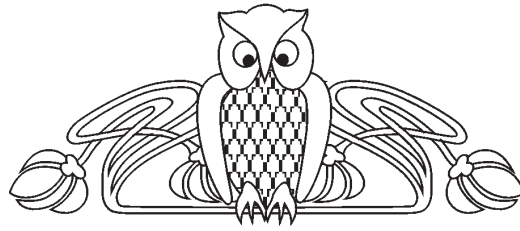
The Image of the Artist in «The Prince in the Theatre» by A. Schnitzler

Е. А. Zyubina

The article studies the genre of the «Künstlernovelle» drawing on the short story *The Prince in the Theatre* by Arthur Schnitzler, the Austrian author of the turn of the XIX century. The images of artists are central to the writing of this author. This short story presents the type of a tired, aging, minor artist, who had wasted his talent in vain, the type that the author was very interested in. The article studies the image of the main character, the relationship between the artist and society, the motifs of death and game and their role in creating the image of the artist.

Key words: Künstlernovelle, Austrian literature of the turn of the XIX–XX century, Arthur Schnitzler, «little man» in art.

Новелла о художнике (Künstlernovelle) и роман о художнике (Künstlerroman) в справочной литературе часто определяются как произведения, главным героем которых является художник¹. Однако это определение нуждается в уточнении. Обязательной составляющей этих жанров является проблематика, связанная с художественным творчеством: вопрос об особой миссии, призвании художника, проблема его самоопределения, самоутверждения как творческой личности, разлад между искусством и жизнью, борьба за «жизненную форму»² свободного художника, взаимоотношения творца и общества, вопрос соотношения творческого и человеческого начал в представителе искусства, определение сути творчества³. Иными словами, произведение можно назвать новеллой или романом о художнике только тогда, когда в нем представлен не просто человек, занимающийся каким-либо видом искусства, а художник в полном смысле этого слова, для которого

творчество является его реальностью, его жизнью, глубокой внутренней потребностью⁴.

Спецификой новеллы о художнике, отличающей её от романа, являются концентрация на одной или немногих сценах из жизни главного героя⁵, представление проблематики художественного творчества «в одном судьбоносном часе»⁶ и символизм представленного эпизода, высветляющего, как молния, всю сущность изображенного протагониста⁷.

Тема художника и художественного творчества – одна из важнейших в немецкоязычной литературе. Она доминирует в творчестве немецких романтиков, являющихся создателями жанра романа о художнике, к ней обращаются немецкие писатели разных течений и направлений на протяжении XIX–XX вв. В конце XIX – начале XX в. произведения на эту тему создают Р. М. Рильке, Г. Бар, П. Альтенберг, Т. Манн, Г. Манн, А. Деблин, К. Эдшмид, Л. Фейхтвангер, Г. фон Гофмансталь, Ф. Кафка, С. Цвейг, Р. Музиль, Г. Гессе, Р. Вальзер⁸.

К концу XIX в. романтическая концепция божественности искусства и избранничества художника-пророка была полностью развенчана и нашла отражение лишь в немногих произведениях отдельных писателей (например, в драме «Смерть Тициана» Г. фон Гофманстала). На рубеже XIX–XX вв., в отличие от эпохи романтизма, предметом изображения становятся не только гениальные художники, но и незначительные деятели искусств, дилетанты (А. Шницлер, Т. Манн). Искусство перестало восприниматься как божественная сфера. В произведениях этого периода оно стало ремеслом (Р. М. Рильке, А. Шницлер), проклятием неполноценного, закомплексованного художника, неспособного реализовать себя в жизни, бегущего от нее в искусство (Т. Манн), бессмысленной выдумкой художника (Ф. Кафка). Художник рубежа веков творит не ради осуществления искусства-божества, а для самоосуществления, самореализации в сфере искусства.

В центре внимания писателей эпохи декаданса оказываются вопросы морали: аморальные, эгоистичные, даже «демонические» (А. Шницлер, Г. фон Гофмансталь) творческие личности опровергают или подтверждают мысль, что «гений и злодейство – две вещи несовместные».

Получает распространение тема славы, лишь вскользь затронутая романтиками. Слава

понимается как нечто не приносящее ни счастья, ни удовлетворения художнику (произведения А. Шницлера, Р. М. Рильке) и как возможность разбогатеть, возможность напрямую общаться с читателем (зрелое творчество А. Шницлера). Возникает новая проблема – творчество на заказ, произведение искусства как товар (Г. Манн, Г. фон Гофмансталь, Г. Бар, А. Шницлер).

На протяжении всей жизни австрийского новеллиста и драматурга А. Шницлера (1862–1931) интересовал вопрос психологии творчества. Считая себя всего лишь дилетантом как в сфере музыки, которой он чрезвычайно интересовался, так и в сфере литературы, Шницлер, всегда мучившийся из-за недостатка вдохновения, снова и снова в своем творчестве возвращается к образам художников с «фельетонистским состоянием души»⁹, то есть дилетантов («Welch eine Melodie!», «Traumnovelle»), литераторов («Die Weissagung», «Der letzte Brief eines Literaten», «Der Weg ins Freie»), комедиантов («Frau Beate und ihr Sohn»). Образы незначительных («Mein Freund Ypsilon», «Der Ehrentag»), стареющих и аморальных («Die kleine Komödie», «Der Empfindsame», «Exzentrik», «Das Schicksal des Freiherrn von Leisenbohg», «Der tote Gabriel», «Spiel im Morgengrauen») деятелей искусства являются также немаловажными в его творчестве.

Дилетант для А. Шницлера – это «нечеловек», ему не свойственны ответственность за прошлое и будущее, духовное развитие, он живет одним мгновением, его судьбу определяет случай. Он – воплощение «формы» без «содержания», поэтому он не плодотворен. Дилетант, литератор, комедиант не являются личностями, у них нет стержня, лица, есть только маски. Их жизнь – комедиантство, они «сверхмарионетки»¹⁰. Дилетанты всегда аморальны.

Истинный художник в произведениях А. Шницлера тоже может быть аморальным, но он является личностью и, в отличие от дилетанта, обладает цельностью, энергетикой. Образы эгоистичных и «демонических» художников, «необходимость и опасность эгоцентризма»¹¹ деятеля искусства – еще одна из тем этого автора («Sterben», «Frau Berta Garlan», «Die griechische Tänzerin»).

Кроме того, значимым в его произведениях является вопрос психологии творчества: причины, роль творчества в жизни художника, творческий процесс, его расцвет и угасание. Художник в произведениях А. Шницлера ищет в творчестве успокоения, забвения, творчество очищает художника («Reichtum», «Der Sohn»).

«Патология»¹² творчества – другая грань, к которой обращается австрийский автор. А. Шницлер полагает, что уже в «материнском чреве», когда произведение только зарождается, может присутствовать патология, болезнь, обрекающая это творение на смерть¹³. В своих произведениях он противопоставляет болезненную фантазию,

вытесняющую реальную жизнь и являющуюся по своей сути патологией («Mein Freund Ypsilon», «Reichtum»), и воображение – дар, необходимый истинному художнику.

Вопрос реализации женщины в искусстве в ущерб семье, домашнему хозяйству, детям также очень важен для рассматриваемого писателя. Он раскрывается в большей степени в его драматических произведениях («Zwischenspiel», «Der grüne Kakadu», «Literatur», «Arzt und Schauspielerin», «Der einsame Weg»), но затрагивается и в прозе («Therese»). Важность этого вопроса определяется биографическими факторами: главные женщины в жизни писателя – Мария Рейнхард, Мария Глюмер и его жена Ольга – стремились к сценической деятельности, и А. Шницлер был однозначно против этих устремлений. Во-первых, женщина на сцене, особенно актриса, часто становилась легкой добычей для ловеласа или, по крайней мере, в глазах общества приравнивалась к падшей женщине: слишком многие богатые поклонники хотели ею обладать. Во-вторых, певица или актриса должна была постоянно гастролировать, что, с точки зрения А. Шницлера, было несовместимо с семейной жизнью.

Искусство, ставшее товаром, – еще один распространенный мотив в произведениях А. Шницлера («Das neue Lied», «Der Ehrentag», «Der blinde Geronimo und sein Bruder», «Reichtum», «Frau Berta Garlan», «Der Fürst ist im Hause», «Der grüne Krawatte»). Прижизненная слава, скандалы, разгорающиеся вокруг его творчества, резкая критика его произведений, давление на него как на художника, сопротивление, желание отстоять свое право на свободное творчество – причины, побуждавшие А. Шницлера обращаться к этой проблеме.

В письмах, немногочисленных заметках об искусстве и современниках, в произведениях А. Шницлера вырисовывается его идеал художника. Это душевно чистая, духовно богатая, от природы гениальная, постоянно развивающаяся личность, способная долгое время находиться в состоянии эмоционального подъема, обладающая энергией, внутренней силой, воображением, внутренней потребностью творить и способностью делать это всегда и везде – в нужде, болезни, среди невыносимых внешних условий.

Как видно из представленного обзора, проблемам художественного творчества была посвящена значительная часть прозаических и драматических произведений австрийского автора. Несмотря на это и на весьма значительное количество научных исследований об А. Шницлере, данной теме уделялось мало внимания в отечественной и зарубежной науке. Отдельные аспекты темы освящены у Фриды Ильмер¹⁴, Кристофа Штескаля¹⁵, Ирене Линдгрэн¹⁶, Марка Вейнера¹⁷. Последний рассматривает и небольшую новеллу А. Шницлера «Князь в театре», которая интересует его с точки зрения отражения в ней общественной иерархии.

Новелла «Князь в театре» («Der Fürst ist im Hause») относится к ранним произведениям писателя. Она была написана в 1888 г., но впервые напечатана лишь после смерти автора, 15 мая 1932 г., в венской газете «Арбайтер цайтунг». Это произведение посвящено важнейшим для А. Шницлера аспектам существования художника: угасанию вдохновения, старости, неиспользованной возможности творить. Стареющий деятель искусства – довольно частый образ, особенно в драматических произведениях этого австрийского автора, отражающий размышления писателя о старости как итоге жизни, о сохранении творческой активности до самой смерти. В прозаических произведениях А. Шницлера также можно найти несколько образов стареющих художников: в повести «Доктор Грезлер, курортный врач» показан старый оперный певец, мечтающий снова вернуться на сцену; в романе «Тереза» выведен старый актер, зарабатывающий на жизнь частными уроками, если удавалось найти ученика, и одинокая пожилая оперная актриса; в новелле «Возвращение Казановы» встречаем старого музыканта, бывшего капельмейстера театра Сан-Самуэле, напоминающего Казанове, что их время прошло; отчасти художником можно назвать и Казанову – растратив юность на любовные приключения, он пытается спастись от старости, занимаясь сочинительством.

В данной статье мы рассмотрим новеллу «Князь в театре» с точки зрения отражения в ней проблематики художественного творчества. С этой целью охарактеризуем образ главного персонажа – флейтиста Флориана Вендельмайера – как творца и как человека, выделим точки соприкосновения этого образа с «исключительной личностью» в понимании литературы романтизма, рассмотрим взаимоотношения художника и общества, проследим развитие мотивов смерти и игры и их роль в раскрытии образа художника.

Если рассматривать образ Флориана Вендельмайера с точки зрения его творчества, то можно сказать, что в новелле представлена судьба обычного «маленького человека» в искусстве. А. Шницлеру, как и другим авторам рубежа веков, интереснее изображать рядовых деятелей искусства. Флориан – это один из многих таких же, как он, неприметных служителей искусства, он прошел путь от молодого вдохновенного композитора до старого незаметного флейтиста в провинциальном оркестре, подрабатывающего частными уроками. Автор создает образ профессионального музыканта, выполняющего свою работу без эмоций, «механически», хотя в начале жизненного пути все было иначе: «Как он любил раньше свое искусство!»¹⁸. Флориан сочинял песни и симфонии, которые даже исполнялись в концертных залах его городка. В юности музыкант знал вдохновение, музыка для него звучала повсюду. Но он упустил мгновение, «лишь немногое он записывал. Было невозможно удержать

всё это изобилие!» (36). Его вдохновение угасло, время оказалось упущенным. Из-за того что он не работал, не писал, не воплощал свои идеи, «все это было давно позади, также позади была и боль оттого, что всё ускользнуло, давно прошло. Теперь он играл на своей флейте и исполнял свой долг; спокойно и скудно текла его жизнь» (36). Автору интересна психология творчества с начала и до конца – зарождение вдохновения, его расцвет, но не менее интересна ему и причина его угасания. Флориан хранит в себе угасшую внутреннюю суть, след прежнего огня все-таки остался в нем. В новелле преобладает скучное внешнее действие, «форма». «Содержание» давно исчезло, не смогло развиваться, Флориан остановился на уровне флейтиста провинциального театра. Возможно, именно атмосфера провинции погасила его творческий огонь. Флориан – энтузиаст, который вспыхнул и погас, он не является истинным художником, а тем более гением.

Если рассматривать Флориана как человека, то можно сказать, что это человек пожилой, уставший от жизни и выживания: «...он был так измотан, он чувствовал себя старым» (36). Флориан, зарабатывающий на жизнь игрой в оркестре и частными уроками, – обычный человек и типичный представитель своей среды. Но что-то глубоко внутреннее (его человеческая сущность) остается скрытым как для окружающих его в новелле персонажей, так и для читателя за этикеткой «флейтист в оркестре». А. Шницлер показывает, что люди не знают друг друга по-настоящему, истинное внимание подменяется использованием ярлыков, определяющих социальную и профессиональную принадлежность, – «князь», «музыкант», «дирижер», «директор театра». Флориан так и остается незнакомцем. Интерес к личности внезапно просыпается после его смерти вместе с сожалением о навсегда упущенном шансе узнать его. Не только окружение не желает поближе узнать Флориана, но и он не стремится к этому, соглашаясь с приклеенным к нему ярлыком и превращаясь в «форму». Отчасти приоткрывая перед читателем внутренний мир этого персонажа, А. Шницлер показывает ему, что в каждом человеке скрыта своя загадка, иногда навсегда.

Флориан исключителен, в отличие от романтического гения, только в силу того, что каждый человек обладает своей неповторимой судьбой. Он является типичным представителем определенного сегмента общества – рядовых исполнителей оркестра. Автор дает маленькие характеристики индивидуальности Флориана и окружающих его таких же типичных, обычных музыкантов, черточки, скрывающие за собой непознанные личности. Контрабасист, например, – самый низкорослый в оркестре, он может пройти через низкую дверь оркестровой ямы, не наклоняя головы, а Флориану суждено умереть необычной смертью, всполошившей весь театр, – с флейтой

в руках и в присутствии князя. И в главном герое, и в каждом из остальных персонажей скрывается не похожий ни на кого человек со своей исключительной судьбой, о которой никто не знает в разобщенном обществе, где каждый сам по себе. Автор ищет в типичном индивидуальное, личное, отличное, исключительное.

Если анализировать взаимоотношения художника и общества в данной новелле, то можно отметить, что она продолжает длинный ряд тех произведений о художнике, где деятель искусства воспринимается только как слуга, не уважается и не ценится в обществе. Флориан, в отличие от романтического гения, не противопоставляет себя обществу. Он – гармоничная часть своей среды, своего слоя общества, представитель всех музыкантов, устало и скучно исполняющих свой долг (аналогичные образы музыкантов оркестра представлены в новелле А. Шницлера «Жена мудреца»). Флориан олицетворяет собой жителей провинциального города, ведущих изо дня в день давно устоявшееся и определившееся существование. Общество провинциального городка пребывает в полусне, представители сферы искусства не являются исключением. Флориан одинок, изолирован от других, но не из-за своей деятельности, не из-за искусства, а потому, что каждый человек в обществе одинок. Никому не нужны ни его жизнь, ни его смерть. Интерес к самочувствию Флориана со стороны дирекции обусловлен только тревогой по поводу нарушенного общественного порядка, производимые действия предписаны негласным законом общественного существования, а не искренним участием. Искусство и художник в обществе стали товаром, личность художника не имеет ценности, важно представить товар наилучшим образом, чтобы клиент (публика, князь) остался доволен¹⁹. Поэтому дирекцию, «продавца», так обеспокоило это происшествие, которое может отпугнуть или вызвать недовольство важного «клиента» – князя.

Один из важнейших мотивов в творчестве А. Шницлера – мотив игры – в данной новелле проявляется в виде игры по принятым в обществе правилам. Общество – это игра в высших и низших, игра во «все хорошо», в которой нарушение правил обходится дорого всем. И князь, и общество, которое на него смотрит, и всем безразличный Флориан знают эти правила. Каждый член общества обезличивается, надевая в обществе маску, становится марионеткой, действующей по схеме. Человек спрятан и не может выглянуть из-за маски, сорвать ярлык. Высшие слои общества разыгрывают спектакли для низших: князь, опоздав, «передвинул кресло поудобнее, причем совсем тихо, почти неслышно, он всегда был очень тактичным» (35), затем отправляет лакея узнать о самочувствии музыканта, хотя ему это на самом деле мало интересно. Низшие разыгрывают спектакли для высших – князь спешит убедить, что музыкант чувствует себя превосходно. И эта игра, эта ложь устраивает всех, сохраняет общественное

спокойствие, общий баланс. Главный спектакль разыгрывается не на сцене театра, а в театральных ложах и партере, зрители – главные актеры.

Смерть – центральное символическое событие в данной новелле, раскрывающее сущность данного образа художника. Как уже было сказано, это произведение посвящено важнейшим аспектам существования художника – угасанию вдохновения, старости деятеля искусства, неиспользованной возможности творить. Поэтому оно является новеллой о художнике, несущей в себе проблематику художественного творчества, соседствующую, однако, с социальной проблематикой. Исходя из определения новеллы о художнике, данного выше, следует подчеркнуть, что внезапная физическая смерть Флориана, случившаяся в то время, когда он играл на флейте, – это символ, внешнее проявление его духовной, творческой смерти. Флориан давно мертв как художник и как человек. Он мертв как для окружающих, так и для себя самого. Флориан живет механически, по инерции и по инерции исполняет свою партию в оркестре, потому что искусство – его жизнь, его «содержание» – давно в нем угасло. Его духовной смерти никто не заметил, а он смирился, принял ее. Физическая смерть настигает его во время представления, на глазах у князя, вопреки приличиям и желаниям театральной дирекции, боящейся скандалов. Но она никого глубоко не взволновала, несмотря на поднявшийся шум, к ней относятся так же безразлично, как и к личности Флориана. Флориан Вендельмайер занимает нижнюю ступеньку социальной иерархии, поэтому врач позволяет себе презрительную ремарку, узнав имя умершего: ««Ах, верно, Вендельмайер», – сказал доктор, по интонации было понятно, что он совершенно успокоился, как будто хотел сказать: «Вендельмайеры могут спокойно умирать, это не важно»» (38–39). Творческая смерть – не меньшая потеря, чем физическая смерть человека. Но и первая и вторая остаются без участия равнодушных, сконцентрированных только на себе окружающих. В обществе, согласно точке зрения А. Шницлера, замечается все и все остается незамеченным.

Наше исследование позволяет сделать следующие выводы. В новелле «Князь в театре» представлен «маленький человек» в искусстве, энтузиаст, который вспыхнул и погас. Он не является истинным художником и гением. Он мертв как творец, «содержание» в нем угасло. А. Шницлер полагал, что отличительной чертой истинного художника являются постоянный труд, работа над собой и своими замыслами, непрекращающееся развитие. Любовь к музыке угасла во Флориане именно из-за отсутствия этой не всегда заметной, но крайне важной для художника работы.

Для общества художник – слуга, который находится на низшей ступени социальной иерархии, искусство в обществе оценивается как товар. Художник участвует в обезличивающей его общественной игре, и его человеческая сущность

скрыта за маской, навязанной ему обществом, за «фасадом» старого, усталого, незначительного флейтиста, но он, как и каждый человек, больше, чем эта «форма». В отличие от романтической концепции исключительного гения А. Шницлера, как и его современники, подчеркивает исключительность судьбы, неповторимую и непознаваемую индивидуальность каждого человека, в типичном ищет индивидуальное. Художник в данной новелле не противопоставляет себя обществу, является гармоничной частью своего слоя, одним из многих таких же. Он одинок, потому что каждый человек одинок и изолирован от других.

Смерть выполняет тройную функцию в произведении: пробуждает интерес к личности Флориана, неинтересной при его жизни, раскрывает схему общественных отношений, становится логическим завершением творческого угасания художника. Она также является ключевым символическим событием данной новеллы, раскрывающим сущность Флориана как художника: истинный художник мертв без своего творчества.

Примечания

- 1 См., например: *Künstlerroman // Der Literatur Brockhaus* : in 8 Bd. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich, 1995. B. 5. S. 76.
- 2 *Marcuse H. Der deutsche Künstlerroman. Frühe Aufsätze*. Springe, 2004. S. 27. Здесь и далее перевод автора статьи.
- 3 См.: *Wilpert G. von. Sachwörterbuch der Literatur*. Stuttgart, 1989. S. 489 ; *Marcuse H. Op. cit.* S. 30–31.
- 4 См.: *Marcuse H. Op. cit.* S. 37.
- 5 См.: *Wilpert G. von. Op. cit.* S. 489.
- 6 *Marcuse H. Op. cit.* S. 19.

УДК 94(47).084.3+070(430)+929Паке

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ ГЛАЗАМИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА: «ПИСЬМА ИЗ МОСКВЫ» (1918) АЛЬФОНСА ПАКЕ

О. В. Козонкова

Саратовский государственный университет
E-mail: kozonkova@rambler.ru

В статье впервые в отечественной науке рассматриваются статьи журналиста Альфонса Паке, написанные им из России для газеты «Франкфуртер цайтунг» с июля по ноябрь 1918 г. Паке был первым немецким журналистом, допущенным в Россию после выхода страны из войны. Его публикации представляют собой важные свидетельства о бурном периоде российской истории, а также помогают понять точку зрения европейской буржуазной интеллигенции на происходящие в России кардинальные изменения в политической и общественной жизни.

Ключевые слова: история России, 1918 год, немецкая журналистика, немецко-российские культурные связи.

⁷ Ibid.

⁸ Представительная подборка новелл о художнике XIX–XX вв. представлена в следующих антологиях: *Искусство и художник в зарубежной новелле XX века* : сб. произведений / сост. И. В. Ковалева. СПб., 1992 ; *Искусство и художник в зарубежной новелле XIX века* : сб. произведений / сост. И. В. Ковалева. Л., 1986.

⁹ *Schnitzler A. Aphorismen und Betrachtungen*. Frankfurt a.M., 1983. S. 158.

¹⁰ Ibid. S. 14.

¹¹ *Steskal Ch. Literarische Gestalten als Selbstreflexion. Arthur Schnitzlers Künstlertum im Kontext seiner Dichter- und Literatenfiguren*. Marburg, 1997. S. 129.

¹² *Lindgren I. «Seh'n Sie, das Berühmtwerden ist doch nicht so leicht!» Arthur Schnitzler über sein literarisches Schaffen*. Frankfurt a.M. ; Wien [u. a.], 2002. S. 14, 97–99 ; *Schnitzler A. Op. cit.* P. 369.

¹³ См.: *Schnitzler A. Aphorismen und Betrachtungen*. P. 369.

¹⁴ *Ilmer F. Die Gestalt des Künstlers bei Schnitzler*. Baltimore. Johns Hopkins Univ. Diss. 1933.

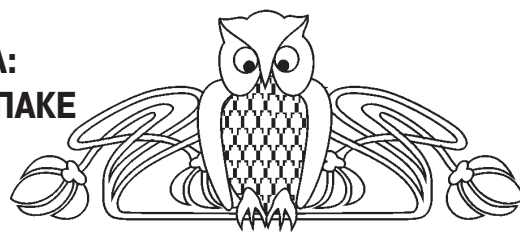
¹⁵ См.: *Steskal Ch. Op. cit.*

¹⁶ См.: *Lindgren I. Op. cit.*

¹⁷ См.: *Weiner M.A. Arthur Schnitzler and the crisis of musical culture*. Heidelberg, 1986.

¹⁸ *Schnitzler A. Das erzählerische Werk*. Bd.1. Frankfurt a.M., 1961. S. 36. В дальнейшем новелла цитируется по данному изданию с указанием номера страницы в скобках.

¹⁹ Соотечественник и коллега А. Шницлера Герман Бар так писал в дневнике об отношении общества к художнику в начале XX века: «Немец смотрит на деятеля искусства так: он думает, что за те деньги, которые он заплатил за его произведение, он купил его самого со всеми потрохами. Художник больше не имеет права располагать своей душой, все принадлежит публике» (*Bahr H. Tagebuch 1905–1908*. Berlin, 1909. S. 172).

Revolutionary Russia from the Western Intellectual's Point of View: «Letters from Moscow» (1918) by Alfons Paquet

O. V. Kozonkova

It is the first time when the articles of Alfons Paquet are studied in the Russian academic humanities. The articles were being written in Russia for *Frankfurter Zeitung* newspaper from July till November of 1918. Paquet was the first German journalist, which was allowed an admission to Russia after the country withdrew from the war. His publications are valuable testimonies of the turbulent period of Russian

history, helping to understand the European bourgeois intellectuals' viewpoint on the radical changes in Russian political and social life.

Key words: Russian history, 1918th, journalism in Germany, German-Russian cultural contacts.

В истории немецко-российских политических и культурных связей, насчитывающей многие столетия, особой интенсивностью отличается период конца XIX – первой трети XX в. Причины этого сегодня, по прошествии ста лет, видны отчетливо. В политическом и военном отношении Россия становится все более мощной державой, и европейские страны, вынужденные считаться с аппетитами восточного соседа, начинают ощущать внешнюю политику царской империи как угрозу собственным интересам. С другой стороны, именно на рубеже веков Западная Европа открывает для себя русскую литературу, прежде всего романы Ф. М. Достоевского, причем мир русской литературы в сознании западноевропейского читателя отождествляется с Россией как таковой. Эта вновь открытая русская вселенная представляется кардинально отличной от европейского Запада, а разочарование в европейском пути развития и кризисные настроения перед Первой мировой войной приводят к тому, что в некоей «русской идее» начинают усматривать возможный путь спасения западной цивилизации. Оба этих компонента восприятия России – как угрозы и как провозвестника нового лучшего мира, – оформившихся в начале прошлого века, продолжают существовать и после Октябрьской революции, исторические перемены только помогают им закрепиться и стать неотъемлемой частью массового сознания. Двадцатые годы XX в. в истории российско-германских отношений – уникальный период, характеризующийся, помимо небывалой до сей поры интенсивности культурных связей, присутствием топоса России во всех областях общественной мысли Германии¹. В русском зеркале немецкие интеллектуалы пытались увидеть собственную судьбу, русский опыт, казалось, мог объяснить происходящее в Германии, к нему в равной мере апеллировали как сторонники советского эксперимента, видевшие в нем модель нового мира, так и противники, рассматривавшие русский «хаос» как угрозу западной цивилизации. Можно сказать, что Россия в тот период была для Германии главным «Другим», обращение к ней, вне зависимости от оценки, означало путь к собственной идентичности, которую после катастрофы Первой мировой войны и периода революционной смуты приходилось искать заново.

Одной из характерных фигур этого «поворота к Востоку» в начале XX в. был немецкий писатель и журналист Альфонс Паке (1881–1944). Герд Кёнен, самый авторитетный исследователь жизни и творчества Паке, делает его центральной фигурой своей диссертации, посвященной отношениям Германии и России в революционный период², объясняя это следующим образом: «Альфонс

Паке не только подарил этому, сегодня почти забытому, умонастроению, этой распространенной в интеллектуальной среде ориентации на Восток несколько ключевых понятий, например оппозицию «Рим или Москва». Он олицетворял эту эпохальную тенденцию всей своей жизнью»³.

Альфонс Паке родился в Висбадене в семье владельца перчаточной мастерской. Отец видел в нем продолжателя семейного дела, но Паке очень рано начал сочинять и сотрудничать в периодических изданиях. В университетах Гейдельберга и Мюнхена он изучал философию, географию и народное хозяйство, что потом наложило отпечаток на его путевую прозу и репортажи, отличавшиеся от произведений большинства писателей-современников вниманием к экономическим вопросам и точностью приводимых данных. Паке был страстным путешественником, предпочитая длительные поездки в отдаленные регионы: он объездил всю Европу, посетил Северную Америку, Ближний и Дальний Восток. Отчеты о путешествиях публиковались в периодической печати либо выходили отдельными книгами. Именно путевая проза вместе с драматургией принесла прижизненную славу автору.

Уже первое путешествие в 1903 г. привело Паке в малоизвестные районы Российской империи: не владея русским языком и не располагая в России контактами, он отправляется в длительную поездку по только что построенной Транссибирской магистрали. В 1904 г. Паке начинает сотрудничать с известной немецкой газетой «Франкфуртер цайтунг». Четыре года спустя в качестве её корреспондента и по поручению географического общества города Йены он вновь отправляется в многомесячное путешествие по Сибири, Монголии и Китаю. В 1909 г. выходят сразу две книги, основанные на впечатлениях от этой поездки – сборник корреспонденций «Азиатские трения» и географическое описание «Южная Сибирь и северо-западная Монголия»⁴. Первая мировая война, в которой Россия и Германия оказались по разные стороны фронта, препятствует дальнейшим путешествиям Паке, но русская тема по-прежнему присутствует в его художественных произведениях и публицистике⁵, а главное – в газетных статьях, по большей части предназначенных для «Франкфуртер цайтунг».

Во время войны немецкая пресса испытывала информационный голод в отношении России. Информацию о внутренней ситуации в царской империи черпали из русских газет и периодики стран Антанты, хотя этим источникам, ввиду военной цензуры, не слишком доверяли. Чрезвычайно ценилась любая «аутентичная» информация, полученная различными способами: от военнопленных, из частных писем, через личные контакты. В качестве знатока России Паке отправляется в 1916 г. специальным корреспондентом «Франкфуртер цайтунг» в Стокгольм, где тогда находился «важнейший пост наблюдения

за происходящим в России»⁶. С тех пор газета регулярно публикует его корреспонденции, подписанные заглавной буквой «Р»⁷. В Стокгольме Паке удалось завязать знакомства с некоторыми политическими деятелями из России, которым суждено было сыграть немалую роль в будущих событиях. Эти контакты не только сделали его публикации военных лет информационно значимыми, но и очень помогли ему позже, когда он отправился специальным корреспондентом в Россию.

Нормальное информационное сообщение между Россией и Германией было налажено лишь после стабилизации политической обстановки в середине двадцатых годов, тогда крупнейшие газеты и издательства направили в Россию своих специальных корреспондентов на длительный срок⁸. А в первые годы после Октябрьской революции ситуация, по сравнению с военным периодом, существенно не изменилась. Несмотря на заключение мира в Брест-Литовске, отношения между двумя странами оставались напряженными: постоянное ожидание провокаций с обеих сторон, экспроприация немецкой собственности на советской территории, коммунистическая пропаганда в Германии, взаимное недоверие и жесткая цензура отнюдь не способствовали журналистской деятельности. Тем не менее при первой же возможности в Советскую Россию отправляются немецкие журналисты. Первой газетой, направившей специального корреспондента, стала «Франкфуртер цайтунг».

«Франкфуртер цайтунг» (1856–1943) была одной из самых авторитетных либеральных газет в Германии первой половины XX в., её абонировали интеллектуалы, крупная и средняя буржуазия. Основное внимание на страницах этого издания уделялось политическим – зарубежным и внутренним – новостям и экономике. У «Франкфуртер цайтунг» не было постоянного представителя в России, но начиная с 1905 г. в восточноевропейскую империю регулярно направлялись специальные корреспонденты⁹. Во время Первой мировой войны России как военному противнику уделялось все больше внимания, хотя долгое время она оставалась в тени «главных» врагов – Великобритании и Франции. В 1917 г. ситуация изменилась кардинальным образом: количество корреспонденций о России, несмотря на вышеупомянутый информационный голод, выросло в разы. В каждом номере газеты (их было 19 в неделю) печаталось сообщение о России, а часто и не одно, таким образом, в месяц количество заметок и статей могло превышать сотню. Повышенный интерес к русской революции объяснялся просто – судьба Германии непосредственно зависела от политики очередного российского правительства. За важнейшим вопросом ближайшего будущего – война или мир? – истинный масштаб событий в России отходил на второй план. Тем не менее,

вне зависимости от мотивировки, «Франкфуртер цайтунг» стремилась дать своим читателям как можно более полную картину происходящего¹⁰. Поэтому неудивительно, что владельцы газеты воспользовались первой же возможностью получить информацию непосредственно с места событий и направили в июле 1918 г. в охваченную Гражданской войной Россию собственного корреспондента – Альфонса Паке.

Пять московских месяцев Паке – с конца июня по конец ноября – были полны драматических событий: убийство главы дипломатической миссии Германии в России графа фон Мирбаха, путч левых эсеров, покушение на Ленина, красный террор, V и VI Всероссийские съезды Советов, революция в Германии. Политическая нестабильность внутри страны и напряженность в отношениях с Германией делали пребывание немецкого корреспондента в России весьма небезопасным, часто из критических ситуаций Паке выручало только близкое знакомство с партийными функционерами. Несмотря на риск, журналист остался в стране даже после прекращения дипломатических отношений между Россией и Германией в начале ноября и отъезда немецкой миссии.

Положение Паке во многих отношениях было уникальным. Он не только первым из немецких журналистов получил визу в послереволюционную Россию, помимо своей журналистской деятельности он фактически выполнял функции пресс-атташе немецкой дипломатической миссии. Историк Винфрид Баумгарт полагает, что ему принадлежит авторство многих дипломатических депеш из Москвы – таким образом, он оказал значительное влияние на мнение правительственных кругов Германии о положении дел в Советской России. «Сравнение официальных бумаг с дневником позволяет во многих случаях доказать, что отдельные формулировки или даже полный текст телеграмм, подписанных Рицлером или, позже, генеральным консулом Германии Хаушильдом, восходят к Паке»¹¹. Ситуация Паке была необычной и в другом отношении. В отличие от многих коллег, допущенных в первые годы советской власти в Россию, Паке не симпатизировал революции, более того, он не скрывал своего неприятия большевистских методов борьбы и «революционных» преобразований, но, тем не менее, смог не только уцелеть в это скорое на расправу время, но и сохранить добрые отношения с некоторыми лидерами большевиков, в частности с К. Радеком и В. В. Воровским, благодаря чему имел доступ к такого рода информации и мог бывать в таких местах, куда другим иностранцам путь был заказан.

Статьи Паке во «Франкфуртер цайтунг» вызвали большой резонанс в Германии и широко цитировались, в том числе и в прессе других европейских государств. Так как журналист не скрывал своего критического отношения к происходящему не только в частных беседах, но и в

текстах, предназначенных для публикации, его работа способствовала формированию не слишком лестного взгляда на большевиков в общественном мнении Западной Европы, что только осложняло его положение. Советские политики были недовольны содержанием корреспонденций, в советской прессе печатались протесты против деятельности Паке, а Радек, как о том свидетельствует запись в дневнике Паке от 10 сентября, однажды выразил всеобщее недовольство следующим образом: «Благодарите Бога, что Вы не русский. Если бы не это, я приказал бы расстрелять Вас за Ваши статьи. Можете не сомневаться»¹².

Что же побудило Радека к такому резкому высказыванию? Присмотримся к этим репортажам внимательнее.

Защищаясь от критики Радека, Паке называет себя «не более чем зрителем», который стремится избежать тенденциозности¹³. То, что это отнюдь не соответствует действительности, бросается в глаза каждому читателю его статей. «Франкфуртер цайтунг» с момента её основания гордилась своей объективностью и неподкупностью, своим сдержанным стилем, взвешенной манерой подачи информации, что особо выделялось в ту крайне экспрессивную эпоху резкой, часто необоснованной критики и огульных обвинений. При этом, однако, газету отличала четкая редакционная политика, остававшаяся неизменной на протяжении всего периода её существования: владельцы и издатели придерживались последовательно демократических позиций, осуждая радикализм любого толка в его националистическом, милитаристском или классовом проявлении. Поэтому, например, Российская империя до войны подвергалась резкой критике – «Франкфуртер цайтунг» полагала, что внутреннюю политику семьи Романовых можно было определить словом «деспотизм», внешнюю – «империализм»¹⁴. К большевизму и Советской власти газета относилась неизменно настороженно, в отличие от многих других изданий она не видела в большевизме альтернативы фашизму даже в тридцатые годы. Тем не менее, несмотря на эту единую редакционную линию, авторам специальных репортажей предоставлялась достаточная свобода, поэтому на страницах газеты мы можем встретить как довольно резкие выпады против Советской России, так и проявление симпатий и заинтересованности, особенно в отношении культуры.

Репортажи Паке – хороший пример относительной независимости журналиста. За исключением одного репортажа, подвергнувшегося сильной редакционной цензуре¹⁵, его статьи из России выходят в 1918 г. без изменений и дают нам прекрасное представление об отношении Паке к русской революции. Его точка зрения представляет интерес по следующей причине: как было сказано, Паке не приветствовал революцию, но и не был одиозным критиком советской системы. Это – промежуточная позиция, точка зрения типичного

немецкого бюргера, оказавшегося перед событием мирового масштаба, интуитивно чувствующего это, захваченного происходящим, но при этом растерянного, колеблющегося в своих оценках, страшщегося последствий. В цитируемой ниже реакции на Октябрьскую революцию явно слышны ужас перед brutальными проявлениями переворота, опасение за покой и само существование старой доброй Европы: «Мы должны защититься от натиска с Востока, от его анархических идей освобождения мира. Этот социализм бесплоден, в его лоне – лишь голый нигилизм. Россия сегодня – это азиатский слон, управляемый двумя цюрихскими приват-доцентами: Лениным и Троцким»¹⁶. Ужасом веет и от дневниковой записи, сделанной через месяц после приезда в Москву, 31 июля 1918 г.: «Если бы Европа знала, что творится на Востоке вплоть до побережья Тихого океана, она бы поспешила заключить мир, не заботясь о своих незначительных внутренних границах, она бы позволила побрататься остаткам своих армий, чтобы собрать силы против того, что идет с Востока»¹⁷. Двумя неделями позже в письме к жене также слышно опасение: «Мир уже в достаточной мере стал большевистским, нельзя допустить, чтобы стало еще хуже»¹⁸.

Винфрид Баумгарт полагает, что некоторые записи в дневнике Паке маркируют «внутренний переворот»: из «сохраняющего дистанцию наблюдателя» он якобы постепенно превращается в «восхищенного сторонника» нового мира¹⁹. Трудно согласиться в этом вопросе с уважаемым ученым: несмотря на отдельные восторженные реплики (относящиеся преимущественно к русскому народу, а не к политической системе), ни репортажи из Москвы, ни более поздние публикации, ни общественная деятельность Паке не позволяют говорить о том, что его отношение к русской революции претерпело существенное изменение. Однако нельзя не заметить, что проблема революции как таковой его очень занимала, что, в частности, можно проследить по изменению настроения в репортажах из Москвы. В первой статье Паке действительно выступает как сторонний наблюдатель, не высказывая никаких особых ожиданий, опасений, соображений. Подобно кинокамере, он бесстрастно фиксирует все, что попадаетея ему на глаза: ландшафты, здания, случайные прохожие проплывают перед нами, показанные с одинаковым – умеренным – интересом и одновременно как бы безучастно. Несмотря на давнее знакомство Паке с Россией, разрушенная войной и переворотами страна кажется ему чужой, он не чувствует себя к ней причастным и не высказывает особых эмоций. Единственное, что по-настоящему волнует журналиста в начале его пребывания, – это дороговизна продуктов. Приметы нового времени – голод, разруху, высокие цены – он описывает почти с неприязнью, как человек, сменивший порядок и достаток цивилизации на хаос.

Такую отстраненную позицию Паке, однако, удастся сохранить недолго: «Тот, кто попал в водоворот элементарных исторических процессов, происходящих сегодня в России, не сможет остаться безучастным зрителем»²⁰. Паке оказывается эмоционально вовлеченным, он пытается понять перемены, пробует встать на точку зрения большевиков, увидеть позитивные моменты новой системы, но по большей части видит её отрицательные стороны, его ужасает жестокость новой власти, а крах старого мира, утрату цивилизации он воспринимает как личную потерю. В статье «Террор» он даже призывает европейскую общественность заявить протест против того, «что сегодня происходит в несчастной России» (112). Паке не может и не хочет поверить в долговечность власти большевиков. Недовольство всех слоев населения, анархия, голод и бедственное положение на фронтах кажутся ему достаточным основанием, чтобы ожидать скорого крушения большевистской диктатуры, журналист даже не стесняется высказывать предположения о том, каким будет следующее правительство. И лишь в редкие моменты сквозь это неприятие проглядывает восхищение, когда Паке позволяет захватить себя этой новой энергией, стихийности и масштабности происходящего. Сложная, противоречивая позиция Паке представляется нам типичной для среднестатистического европейского интеллектуала: новые перспективы, открытые революцией, влекли и обещали обновление, но отказ от предыдущих завоеваний цивилизации и жестокость пугали.

В общей сложности Паке написал для «Франкфуртер цайтунг» в 1918 г. из России большое число мелких заметок и более двадцати крупных текстов, которые уже в марте 1919 г. с минимальными поправками вышли отдельной книгой под названием «В коммунистической России. Письма из Москвы»²¹. По своему жанровому характеру эти тексты разнообразны: в зависимости от темы автор использовал формы аналитической статьи, репортажа, путевой прозы или очерка (фельетона в немецкой жанровой классификации). Круг вопросов, которые обсуждает Паке, достаточно широк – судьба русской церкви, положение женщины, новая советская пресса и т. д.; основное внимание уделяется внутривнутриполитической ситуации и отношениям между Россией и Германией. Все статьи очень информативны, пестрят конкретными именами, данными об экономическом положении, точными ценами, цитатами из документов. Автор, очевидно, осознавал, насколько мало его потенциальный читатель знает о России. Поэтому статьи выполняли в некотором роде образовательную функцию. Паке делает экскурсии в предвоенное время, показывает разницу между царской эпохой и современностью, поясняет многие русские реалии, обстоятельно излагает пункты большевистской программы, дает подробные характеристики политическим деятелям.

Чтобы сделать для читателя понятнее величие того, чему стал свидетелем, журналист проводит параллели с событиями западноевропейской истории предшествующих эпох (Тридцатилетней войной, Великой французской революцией, Варфоломеевской ночью). Таким образом, несмотря на свое в целом неприязненное отношение, Паке (вполне в духе газеты, на которую работал) добросовестно старался дать своим соотечественникам исчерпывающее представление о положении дел в России.

При всем разнообразии тематики в статьях явно выделяются три проблемы, к которым журналист возвращается вновь и вновь, – положение буржуазии, Германия, большевистская власть. Как и многие его современники и коллеги, приезжавшие в Россию, Паке пишет прежде всего о том, что волнует его лично, что, на его взгляд, может быть полезно для его родины либо нанести ей вред. В особенности темы буржуазии и Германии связаны с идентичностью Паке: в России он осознает себя буржуа, немцем, носителем европейской культуры.

Тема бедственного положения буржуазии начинается во второй статье и звучит во всем цикле, много места ей также уделяется в дневнике и письмах. Паке обычно писал в довольно «сухом» стиле, не был склонен к цветистым эпитетам и гиперболизации, но ситуация в России его настолько поразила, что он назвал положение русской буржуазии «беспримерным в истории человечества»²². Массовые аресты и расстрелы «врагов пролетариата», свидетелем которых осенью 1918 г. стал журналист, заставили его вспомнить о Варфоломеевской ночи. Причину особого внимания к ситуации с третьим сословием нужно искать в мировоззрении Паке: он не только сам принадлежал к этому слою общества, но и считал буржуазию носителем культуры, опорой европейской цивилизации. Поэтому фактическое искоренение этого класса в России было для Паке равнозначно уничтожению самих основ Европы, частью которой была для журналиста и довоенная Россия. Паке опасался, что события в России – это только начало, что окрепшая Красная армия может принести революцию на своих штыках «на берега Рейна или Ла-Манша, в Альпы или в Средиземноморье» (189), и высказывает надежду, что европейские государства, наученные горьким опытом России, постараются не допустить того, чтобы война закончилась революцией. Этот топос, который можно назвать «казаки в Париже», присутствовал в европейском сознании начиная с эпохи Наполеоновских войн, в двадцатые годы двадцатого века он приобретет особую актуальность. В Германии, где послевоенная ситуация во многом напоминала русскую, страх перед угрозой «восточной анархии» в некоторых кругах почти принял масштабы паники. С точки зрения защитника буржуазной цивилизации Паке было трудно увидеть в советском государстве созидание нового

мира, которое будут славить путешественники во второй половине двадцатых годов.

Также с самого начала звучит тема Германии, и в этом отношении Паке был типичным немецким путешественником. Он постоянно пишет о бедственном положении немецких военнопленных, о незащищенности немецкой собственности в России, о национализации немецких предприятий, а тяжелой ситуации в немецких колониях на Волге посвящена отдельная статья. Политика большевистского правительства на международной арене рассматривается Паке только в одном ракурсе – насколько это может навредить Германии. При этом хоть и тихо, но явственно звучит мотив сравнения большевистской России и Германии, мотив превосходства немецкого порядка над советским хаосом. Поволжские немцы описываются как трудолюбивый народ, их «образцовые поселения» оказались во власти «банды» большевиков, которая экспроприировала или уничтожила все ценное и навязывает немцам «коммунистическую» систему хозяйствования, совершенно не соответствующую немецкому характеру (40–42). Некоторые высказывания Паке вызывают в памяти распространенные в первой половине века идеологемы, в полной мере проявившиеся в конце двадцатых – тридцатые годы. Например, журналист пишет, что «внутреннее противоречие» между немецким правительством, «в основе своей буржуазном», и «пролетарским» правительством в современной России непреодолимо. «В этой борьбе систем не может быть ничьей, только победитель и побежденный. События в России – это только пролог к решению судьбы Европы» (49). Эта трактовка найдет свое полное воплощение в нацистской идеологии, где – уже с использованием новой терминологии – судьбоносной будет объявлена битва между германским и славянским мирами. Кроме того, рассуждая о новом правительстве, которое возникнет вскоре после краха большевиков, Паке высказывает мысль, что именно немцы должны поучаствовать в его создании. Русский народ журналист воспринимает как *tabula rasa*. «В духовном отношении русский народ напоминает мало заполненную страницу. При использовании мощной пропаганды он способен понять даже сложные вещи, благодаря своей природной непредвзятости, одаренности, способности к обучению и живости своего юношеского характера» (144). Здесь мы слышим отголоски распространенных в ту эпоху идей о «детскости»/«юности» и связанной с этим аморфности русского мира, которому германский дух призван придать форму.

Паке четко различает русских как народ и партию большевиков. Если идею Советов как демократической формы власти Паке поддерживал, то коммунистическая партия описывается им отнюдь не как народная, «господство» большевиков «легло тяжелым грузом на широкие слои русских» (31). Журналист не упускает случая

подчеркнуть «нерусскую» этническую принадлежность партийных функционеров. Он неоднократно обращает внимание на пропасть, лежащую между народными массами и новой властью, на недовольство населения, на «капиталистический» характер крестьянства, которому нет дела до пролетарского интернационализма, на отсутствие интереса к партийным решениям и публикациям в советской прессе. Для большевиков Паке прибегает самые красочные эпитеты. Их партия – это «марксистская секта», её «фанатичные» вожди обладают «патологическим менталитетом» (126, 49). Герои нового времени в России – это «не кто иные, как вынужденные к политической деятельности полулитераторы и полупреступники» (46). Охраняют эту новую власть Красная армия, в которую вступают в том числе и «банды, получающие удовольствие от грабежей и убийств», и «инквизиционный отряд» ЧК (184, 125).

Хорошо знакомый с дореволюционной Россией, Паке неоднократно сравнивает старый мир с новым. Ввиду всего вышесказанного нетрудно угадать, что сравнение оказывается не в пользу большевиков. Уничтожив достижения довоенной цивилизации, новая власть не дала ничего взамен, не выполнила своих обещаний («хлеб, свобода и мир»), но при этом сохранила и даже усилила недостатки царской системы, в частности «империализм» на международной арене и старые методы подавления свободомыслия внутри страны. Состояние, до которого большевики довели страну, – это «война всех против всех» (64). «Отношения между отдельными слоями населения определяет немое недоверие, тайная ненависть, что уводит все дальше от рая на земле, который большевики вознамерились построить в своем социалистическом государстве» (59). Города лежат в руинах, процветает преступность, деревня отброшена в своем развитии на века назад: «... там царят неразбериха, разруха, недоверие, ненависть, бандитизм. <...> Во многих областях наблюдаются средневековые явления, суд Линча ужасающей жестокости и языческие суеверия» (130). Настроения среди населения самые мрачные: «Все вокруг убеждены, что Россия гибнет, что в сегодняшних смертельных муках не родится солнце новой жизни» (75). Ключевой для Паке становится оценка, высказанная безымянным русским кучером: «Это невыносимо» (53).

Единственное, что новая власть не только переняла у старой системы, но и усовершенствовала, – это система контроля. ЧК работает в лучших традициях Охранного отделения, превосходя его жестокостью. Расстрел стал будничным актом. Террор теперь тотален и повсеместен, он касается всех и везде. Вывод Паке звучит неутешительно: «Даже в самые мрачные периоды царского режима в России не было такого ада, какой мы видим в эти недели великого ужаса» (118). Представление о России как о полицейском государстве существовало в Европе, как мини-

мум, с середины XIX в. После революции все критически настроенные визитеры будут вслед за Паке отмечать продолжение и усиление этой традиции в новом государстве. Наблюдение за деятельностью карательных органов приводит Паке к рассуждениям о характере русского народа, и здесь журналист оказывается типичным сыном своей эпохи. Он понимает русских как азиатов, заслуживающих подобного правления: «Еще очень долгое время правительства в России будут деспотичными, будут пользоваться деспотическими методами управления. К этому их вынуждает характер русских масс» (123).

Посреди этого потока обвинений в статьях и в дневнике встречается поразительное выражение симпатии к большевикам. Революция представляется Паке событием мирового масштаба, а её лидеры – великими личностями. «В период их господства большевикам пришлось вести от месяца к месяцу все более тяжелую и ужасную борьбу против их врагов. Конечно, они не были разборчивы в средствах. <...> Тем не менее они могут с полным правом утверждать, что не нанесли ударов в спину вождям своих противников. <...> Нужно также отметить, что каждый из лидеров в советском правительстве сражается как лев и работает без усталости. Их решительная попытка превратить марксистские теории в реальность, в современный сложный государственный организм – это такое достижение, которое будет занимать еще многие поколения историков» (74–75).

Особенно лестные характеристики получают Ленин, Троцкий и Дзержинский. Нетрудно заметить в этих описаниях начало создания легендарных образов, от чего не может удержаться даже такой скептически настроенный наблюдатель, как Паке. «В Ленине сочетаются неподкупный фанатизм идеолога, практическая выучка государственного деятеля и типично провинциальная форма татарско-русской крестьянской хитрости. Эта причудливая смесь обладает силой демагогического взрыва. <...> Даже противники признают силу этой личности, широту её горизонта» (74).

Дзержинский, хозяин вездесущей и всемогущей ЧК, единственной по-настоящему действенной властной структуры в стране, приобретает почти мифические черты: «...фанатик, подобный Сен-Жюсту, <...>, чье сердце осталось глухо к слезам и проклятиям, подписавший, по всей вероятности, больше смертных приговоров, чем любой смертный в России до него; якобинец, о котором говорят, что он скорее прикажет арестовать Ленина или даже самого себя, чем отречется от “идеи” хотя бы на мгновение; бывший политзаключенный, в долгие годы одиночества в камере занятый характерными для славянского мистицизма мыслями о том, как осчастливить человечество, идеями спасения, эстетическим резонансом; и прирожденный шеф полиции, хладнокровный, недремлющий, хитрый, достигший мастерства в искусстве постоянно держать в страхе такой

большой город, как Москва, и фактически владеть этим городом» (121–122).

Троцкий описывается также в патетическом тоне. Наделенный «вечно беспокойным, пылающим, мефистофельским темпераментом», он показан как некий *regretuum mobile*. Быстро освоив незнакомое ему прежде военное дело, Троцкий работает день и ночь, всегда полный «новых идей» и «безграничного оптимизма», неделями пропадает на фронтах, вникает во все мелкие проблемы, при этом не теряя из виду общей картины, стремительно перемещаясь с места на место и делая несколько дел одновременно. Эта неумная энергия уже дала видимые результаты: Красная армия постепенно превращается в грозную силу.

Последняя статья «Скованный город» по настроению существенно отличается от всех остальных: Паке еще не успел уехать, он только прощается с Москвой, но здесь уже слышны ностальгические нотки. Как если бы временная и пространственная дистанция между автором и объектом его изображения уже существовала, журналист начинает поэтизировать русский мир, памфлет превращается в элегию, критика сменяется восторгами. Словно позабыв скепсис предыдущих пяти месяцев, он видит красоту в разрушении, а в анархии – начало нового мира. «Может быть, начинается первый великий карнавал мировой истории, может быть, последний. Восторг гибели, танец красоты и смерти, анархическое рождение новой сути. Страшно взволнованный, полный мрачного сочувствия и огромных надежд, ты наблюдаешь, как уходит старый мир. <...> Казнь ненавистного столетия коммерции и в самом деле состоялась, старое, трусливое филистерство, всезнающая буржуазия прошлого стали жертвой своего собственного раба. Сродни призракам, в пустоте возникают великие проекты, невидимые башни освобожденной от оков идеальной воли» (201–202) и т. д. и т. п. В последнем абзаце еще раз высказывается принципиальная для Паке мысль: «там, на Востоке» началась «битва Европы за саму себя» (202).

В 1918 г. Паке был в России в последний раз, но русская тема не отпускала его еще долгое время. В первые годы после окончания войны Паке был одним из редких очевидцев событий в России, поэтому его часто приглашали с докладами и он много публиковался²³. В текстах, созданных после возвращения, критический пафос уменьшается, акцент делается на положительных сторонах советского опыта. Паке разграничивает идею и её воплощение, предлагая воспользоваться для преобразования Германии и Европы в целом социалистическими принципами (в частности, идеей Советов как органов самоуправления), но при этом избегать русских ошибок и крайностей²⁴. В дальнейшем Паке использовал русские впечатления в художественных произведениях. В романе «Пророчества» (1923) и созданной на его основе пьесе «Потоп» (1926) он все больше отходит от русских реалий; хотя действие и происходит

в России, целью автора было художественное воплощение идеи революции как таковой²⁵. С течением времени и изменением политической ситуации в России русский опыт представляется Паке все менее достойным подражания. Для своего последнего романа «От ноября до ноября» (1929–1932), в основу которого положен дневник 1917–1918 гг., он не находит издателя²⁶. Как пишет исследователь романа, дело было не только в усилении в Германии праворадикальных тенденций. Превращение Советского Союза в тоталитарное государство показало Паке всю иллюзорность надежд на обновление Европы с использованием русского опыта.

Эволюция отношения Паке к России, нашедшая отражение в комплексе его русских текстов, представляется нам типичной для западноевропейского интеллектуала первой половины XX в.: незнание и настороженность сменяются любопытством, постепенно возникают искренний интерес и симпатия, надежды и иллюзии, но в конце концов приходит неизбежное разочарование и осознание чуждости.

Примечания

- ¹ См. исследования в рамках фундаментального проекта «Wuppertaler Projekt zur Erforschung der Geschichte deutsch-russischer Fremdenbilder», начатого под руководством Л. З. Копелева, в особенности том: Deutschland und die russische Revolution. 1917–1924. Hrsg. von Gerd Koenen und Lew Kopelew. München, 1998. В этом томе в том числе опубликована составленная Гердом Кёненом библиография немецких политических, публицистических, художественных, исторических и других текстов, посвященных России, за период 1917–1924 гг. Её объем – более тысячи наименований. Представление об отдельных аспектах российско-германских взаимоотношений в межвоенный период дает также следующий том этого проекта: Stürmische Aufbrüche und enttäuschte Hoffnungen. Russen und Deutsche in der Zwischenkriegszeit. Hrsg. von Karl Eimermacher und Astrid Volpert. München, 2006.
- ² См.: Koenen G. Rom oder Moskau. Deutschland, der Westen und die Revolutionierung Russlands 1914–1924. Tübingen, 2003. Диссертация опубликована в несколько сокращенной форме: Koenen G. Der Russland-Komplex. Die Deutschen und der Osten 1900–1945. München, 2005; отдельные её результаты содержатся в статьях: Koenen G. Alfons Paquet und «Der Geist der russischen Revolution» // In der ganzen Welt zu Hause. Tagungsband Alfons Paquet. Hrsg. v. Oliver M. Piecha und Sabine Brenner. Düsseldorf, 2003. S. 45–57; Idem. Vom Geist der russischen Revolution. Die ersten Augenzeugen und Interpretieren der Umwälzungen im Zarenreich // Deutschland und die russische Revolution. 1917–1924. Hrsg. von Gerd Koenen und Lew Kopelew. München, 1998. S. 49–98.
- ³ Koenen G. Alfons Paquet und «Der Geist der russischen Revolution». S. 45. Здесь и далее перевод с немецкого языка выполнен автором статьи.
- ⁴ Paquet A. Asiatische Reibungen. Politische Studien. München, 1909; Idem. Südsibirien und die Nordwestmongolei. Politisch-geographische Studie und Reisebericht für die geografische Gesellschaft zu Jena. Jena, 1909.
- ⁵ См., например: Paquet A. Nach Osten! Stuttgart; Berlin, 1915; Idem. Der Sendling. Erzählungen und Schilderungen. Hamburg-Großborstel, 1914.
- ⁶ Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918. Hrsg. von Winfried Baumgart. Göttingen, 1971. S. 19. В дальнейшем цитируется как: Tagebuch.
- ⁷ См., например: Rußland und Rumänien // Frankfurter Zeitung (в дальнейшем FZ) 21.10.16; Rußland. Die dritte russische Anleihe in Japan. Vordringen Japans in China. Amerika, die Entente und China. Die schwarzen Listen in Russland // FZ II 01.11.16; Russland. Aus der Reichsduma // FZ II 24.11.16; Rasputin // FZ I 30.01.17; Japan und Russland // FZ II 04.02.17; Polen. Die Polenfrage in Russland // FZ I 20.02.17; Rußland, Finnland und Schweden // FZ A 29.03.17; Die Friedensfrage in Russland // FZ A 10.04., 12.04., 14.10.17; Die neue Lage der Juden in Russland // FZ I 30.05.17; Russland // FZ I 16.07.17; Rußland und die Selbständigkeit Finnlands // FZ I 17.07.17; Rußland. Die Stimmung in Petersburg // FZ II 31.08.17; Полный перечень публикаций Паке см.: Bibliographie Alfons Paquet. Hrsg. vom Paquet-Archiv, Frankfurt am Main. Bearb. von Marie-Henriette Paquet. Frankfurt a.M., 1958.
- ⁸ О немецких журналистах в России см.: Müller W. Rußlandberichterstattung und Rapallopolitik. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1924–1933 im Spiegel der deutschen Presse. Diss. Saarbrücken, 1983.
- ⁹ О первых пятидесяти годах существования «Франкфуртер цайтунг» и о её позиции по отношению к России в этот период см. исключительно добросовестную коллективную монографию: Geschichte der Frankfurter Zeitung. Hrsg. vom Verlag der Frankfurter Zeitung. Volksgesellschaft, Frankfurt a.M., 1911.
- ¹⁰ См., например, великолепную статью о Февральской революции с планом города и подробной реконструкцией событий: FZ II, 27.03.17.
- ¹¹ Tagebuch. S. 17. Курт Рицлер (1882–1955) – в апреле–августе 1918 г. советник немецкой дипломатической миссии в России. Герберт Хаушильд (1880–1928) – в мае–ноябре 1918 г. генеральный консул Германии в России.
- ¹² Ibid. S. 152.
- ¹³ Ibid. S. 132.
- ¹⁴ Следует отметить, что и политика Гогенцоллернов, а с 1920-х гг. национал-социализм подвергались не менее резкой критике.
- ¹⁵ Статья «Русские проблемы» (написана 29 августа, напечатана 8 сентября) была сокращена наполовину, что вызвало резкое недовольство Паке. Речь в статье идет о непростых отношениях между Россией и Германией, о взаимных обвинениях и двойной игре. Видимо, журналист сказал слишком многое из того, что знал об истинных намерениях Германии в отношении России.

В книжном издании был опубликован полный текст статьи под названием «Вопрос совести».

- ¹⁶ Tagebuch. S. 20.
¹⁷ Ibid. S. 91.
¹⁸ Ibid. S. 157.
¹⁹ Ibid. S. 22.
²⁰ Paquet A. Im kommunistischen Rußland. Briefe aus Moskau. Jena, 1919. S. 83. Московские статьи Паке цитируются в дальнейшем по этому изданию с указанием страниц в скобках.
²¹ В сборник вошли двадцать пять статей: «Приближение», «Москва», «Покушение», «Ярославль», «О немецких колонистах Поволжья», «Новые события», «Памятник Александру», «Кризис», «Положение дел», «Положение советского правительства», «Накал борьбы», «Вопрос совести», «Судьба русской церкви», «Экономическая политика народных комиссаров», «Разворот русского империализма», «Террор», «Чрезвычайка», «Крестьянский вопрос», «Годовщина», «Пролеткульт», «Русские женщины», «Блокада», «Судьбы русской прессы», «Красная армия», «Скованный город».
²² Tagebuch. S. 157.
²³ Доклады: Der Geist der russischen Revolution. Frankfurt a.M. Gesellschaft von 1918, 13.01.19 ; Der russische Bolschewismus. Diskussionsabend. Frankfurt a.M. Gesellschaft von 1918, 03.02.19 ; Das revolutionäre Rußland und die Deutschen. München. 13.02.19, Heilbronn. 15.02.19, Stuttgart. 16.02.19 ; Sowjetrußland. Köln. Gesellschaft der Künste, 19.04.20 ; Das heutige Rußland. Frankfurt a.M. 11.08.20 ; Rußland und Europa. Hamburg. Künstlerhilfe, 28.11.21 ; Slawentum und Deutschtum. Frankfurt a.M. Deutsch-Südslawische Gesellschaft, 12.12.21 ; Der Übergang des Epos in den psychologischen Roman. Von Dante bis Dostojewski. Frankfurt a.M. Morgenfeier des Schauspielhauses, 3.04.22 ; Deutsche und Slawen. Prag.

Kongreß für kulturelle Zusammenarbeit, 03.10.28 и др. Статьи в периодике: Gegen die Blockade Sowjetrusslands // FZ I, 19.10.19 ; Die Bühne im russischen Rätestaat // Der Zuschauer 1, H. 3. S. 6–9 ; Berichte aus Sowjetrussland // Das Tagebuch 1, H. 4. S. 117–125, H. 5. S. 161–166, H. 6. S. 204–208, H. 7. S. 253–257, H. 9. S. 328–333, H. 10. S. 356–362 ; Für Rußlands Hungernde // FZ A, 19.11.21, Hamburger Volkszeitung 26.11.21 ; Für Rußlands Hungernde // FZ II, 29.01.22, FZ A 24.02.22, 03.04.22 ; Rußlands Jammer. Aus einer Rede // Die Glocke 8. S. 131–135 ; Produktive Hilfe für Russland // Die Glocke 8, S. 352–356 ; Internationale Arbeiterhilfe und politische Propaganda // FZ I 01.01.24 и др. Особо нужно выделить эссе: Das russische Gesicht. Heilbronn : G. Ulrich, 1920 ; Rom oder Moskau. Sieben Aufsätze. München, 1923.

- ²⁴ Например, в докладах 1919 г. «Революционная Россия и немцы», «Русская революция как трагическое событие» и «Дух русской революции», опубликованных отдельным изданием: Paquet A. Der Geist der russischen Revolution. Leipzig, 1919.
²⁵ Paquet A. Sturmflut. Schauspiel in 4 Akten und 10 Bildern. Berlin, 1926 ; Idem. Die Prophezeiungen. Roman. München, 1923. О драматургии Паке см.: Thöne M. Zwischen Utopie und Wirklichkeit. Das dramatische Werk von Alfons Paquet. Frankfurt a.M., 2005.
²⁶ Роман «От ноября до ноября», над которым Паке работал в 1929–1932 гг., до сих пор не опубликован. Его многочисленные редакции хранятся в Городской и университетской библиотеках Франкфурта на Майне. О романе см.: Wagner M. Alfons Paquet: «Von November bis November». Edition, Kommentar, Interpretation. Uni Regensburg. Magisterarbeit ; Wagner M. Von November bis November. Ein nachgelassener Roman // In der ganzen Welt zu Hause. Tagungsband Alfons Paquet. Hrsg. v. Oliver M. Piecha und Sabine Brenner. Düsseldorf, 2003. S. 58–69.

УДК 821.161.09–1+929 [Державин+Пушкин+Городницкий]

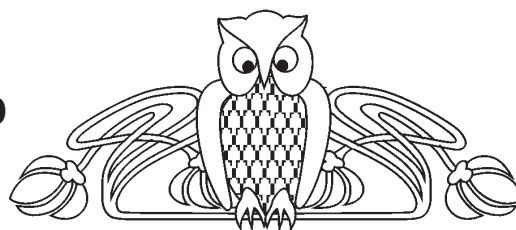
ПУШКИНСКО-ДЕРЖАВИНСКИЙ МИФ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ А. ГОРОДНИЦКОГО (мотив передачи лиры)

В. В. Биткинова

Саратовский государственный университет
E-mail: bitkinova@mail.ru

В статье рассматривается трансформация пушкинско-державинского мифа в двух стихотворениях А. М. Городницкого; делается попытка объяснить индивидуально-авторскую, полемическую по отношению к сложившейся в массовом культурном сознании трактовку мифа через анализ автобиографизма и аутопсихологизма избранных произведений, а также вписать их в более широкий контекст представленных в поэтических и мемуарных текстах размышлений барда о проблемах российской истории.

Ключевые слова: Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, А. Городницкий, русская культура XVIII – первой четверти XIX в., декабристы, бардовская поэзия, культурный миф.

Pushkin and Derzhavin Myth in A. Gorodnizky's Poetic World (Motif of Lyre Transferring)

V. V. Bitkinova

The article deals with the transformation of Pushkin and Derzhavin myth in two poems by A. M. Gorodnizky; an attempt is made to explain the author's individual interpretation of the myth (controversial to that established in the mass cultural consciousness) by means of analyzing the autobiographical and autopsychological components of the works under investigation. It is also undertaken to enter those

poems in the wider context of the bard's reflections on the Russian history problems, presented in poetic and memoir texts.

Key words: G. R. Derzhavin, A. S. Pushkin, A. Gorodnizky, Russian culture of the XVIII – the first quarter of the XIX century, Decembrists, bardic poetry, cultural myth.

Данная статья является продолжением публикации в одном из предшествующих номеров журналистско-филологической серии «Известий Саратовского университета»¹ и посвящена рассмотрению незатронутых в ней стихотворений А. Городницкого «Державинская лира»² (2004) и «Тебе, Жуковский, лиру отдаю»...» (2007, 263). Оба они построены на трансформации сложившегося вокруг фигур Пушкина и Державина и ставшего достоянием культурной мифологии мотива передачи лиры.

Но прежде чем говорить об интерпретации в этих произведениях пушкинско-державинского мифа, отметим, что в стихотворении «Державинская лира», как и в рассмотренных нами ранее текстах Городницкого (а также Д. Самойлова), образ Державина погружён в вещный и подчёркнуто бытовой мир. Предельно детализирован и дэстетизирован его портрет, используются разговорные, просторечные слова: «Известно, что прибывший на экзамен / Измученный дорогою старик, / Слезящимися поморгав глазами, / Спросил швейцара: “Где у вас нужник?” / И, не входя в торжественную залу, / У печки на кушетке отдыхал, / А лицеиста юного, пожалуй, / В тот вечер он и слыхом не слыхал». Портрет во многом перекликается с созданным в автобиографическом отрывке Пушкина «Державин»: «Державин был очень стар <...> Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы <...> Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности»³. Сложившиеся клише в изображении Державина становятся в стихотворении Городницкого ещё более ощутимыми оттого, что портрет старого поэта заметно контрастирует со всем остальным текстом, выдержанным в несколько обобщённой традиционно-«поэтической», торжественной стилистике («скрижали», «золотые россыпи слов», мир, «витающий в солнечном дыму», поэты, из которых «любой неповторим и славен»). Даже из поэзии Пушкина цитируется одно из самых возвышенных стихотворений – «Пророк», именно из Пушкина, а не из Державина привносится архаичная библейская лексика, усиливая библейский же образ в предшествующем стихе («Чьи имена запишут на скрижали, / Глаголом прожигавшие сердца?»).

Разрушение мифа о передаче лиры в стихотворении «Державинская лира» производится путём экспликации самого процесса мифотворчества: в сюжете отчётливо выделяются его этапы, знаком разделения которых могут служить, в частности, слова, обозначающие авторскую оценку достоверности описываемой ситуации

или время, к которому она относится. Сначала ставится под сомнение достоверность общеизвестного факта («Благословил ли Пушкина Державин, / Мы так и не узнали до конца»⁴). Потом как не подлежащая сомнению («известно, что...») детально излагается восходящая к Пушкину история приезда старого поэта в Лицей на экзамен, когда он «спросил швейцара: “Где у вас нужник?”». Третий этап – новая версия продолжения лицейского экзамена («И, не входя в торжественную залу, / У печки на кушетке отдыхал, / А лицеиста юного, пожалуй, / В тот вечер он и слыхом не слыхал»). Четвёртый – раскрытие позднейшего процесса мифотворчества («Потом уже легенды накатили: / Воображенья юношеский пыл / И сцена, что так ярко на картине / Художник Репин нам изобразил»); участвуют в нём сами герои событий, для которых важные моменты их жизни приобретают символический смысл, и искусство, по самой своей природе укрупняющее и превращающее в символы отбираемые и интерпретируемые им реальные события. Итог – призыв отказаться от упрощающих штампов восприятия личности и творчества Поэтов. Во-первых, из-за наивности и «хрестоматийности» самих мифов («Забудем же про детские игрушки / Над золотыми россыпями слов»): важно здесь и определение «детские игрушки», и то, что один из творцов мифа, возможно, действовал под влиянием «юношеского пыла» воображения, а второй – Репин с его картиной «А. С. Пушкин на акте в Лицее 8 января 1815 года» – давно стал принадлежностью массовой культуры, насаждаемой в том числе и школой. В конце стихотворения повторяется первоначальный тезис, но уже в более категоричной форме («Благословил ли Пушкина Державин, / Мы так и не узнаем никогда»).

Разрушение мифа происходит и путём введения в сюжет стихотворения иных персонажей («Нуждались ли в благословенье Пушкин, / И Лермонтов, и Анненский, и Блок?»), а также смещения акцентов в персонажной схеме – не Пушкин (чьё и без того бесспорное преимущество поддержано приведённым выше рядом классиков), а Державин оказывается главным героем стихотворения: оно называется «Державинская лира», и вывод делается с позиции старшего поэта («Поэт свою единственную лиру / Передавать не может никому»). Финал окончательно разрушает не только сюжет, но и само содержание мифа – передачи лиры не было и быть не может.

На изменении персонажей и сюжетной схемы строится разрушение привычного мифа и в стихотворении «Тебе, Жуковский, лиру отдаю»...». Прецедентным текстом, с минимально изменённого переложения которого Городницкий начинает собственное произведение, являются оставшиеся в черновиках Державина четыре стиха: «Тебе в наследие, Жуковский, / Я ветху лиру отдаю; / А я над бездной гроба скользкой / Уж преклоня чело стою»⁵ (у Городницкого: «Тебе,

Жуковский, лиру отдаю», – / Писал Державин в горести, поскольку / Уже стоял над бездной гроба скользкой, / Намереваясь отдохнуть в раю»⁶. В основе же сюжета – не факт передачи, а колебания и раздумья старого поэта о том, «кто овладеет лирою шершавой?»

Смысл этого стихотворения выходит далеко за рамки пушкинско-державинского мифа. Сюжет передачи лиры позволяет «собрать» не только все мотивы «державинского текста» Городничкого, но и многие сквозные проблемы, мотивы и образы поэтического мира барда в целом: Поэт и Власть, Поэт и народ, рубеж веков и новые бедствия, тема Дома, образ Одиссея, образы Жуковского и, в подтексте, конечно, Пушкина (и по «сюжету», и через текстуальное совпадение перефразированного державинского отрывка с общеизвестными пушкинскими словами «И в гроб сходя, благословил»). При этом надо учитывать, что все они проецируются как на своё время, так и на время автора.

Как и в более ранних текстах Городничкого, образ Державина в «“Тебе, Жуковский...”» концентрирует в себе идею слитности Поэта и Власти, но оценивается эта ситуация не иронически, как в стихотворениях 1970-х гг., а как трагедия поэта. Собственно, само мучительное стремление передать лиру связано, с одной стороны, с представлением Державина (героя стихотворения) о поэзии как о высоком призвании немногих («Не каждому доверится она, / Лишь избранным доступная доселе»), а с другой – с его же представлением о едва ли не иерархии в мире поэзии, подобной иерархии государственных чинов («Где царь один, там и поэт один, / Равновеликий, – остальное ересь»).

Такое мнение в какой-то мере является отражением реальной картины поэтической среды второй половины XVIII – первой четверти XIX в.: наличие всеми признанного Первого поэта, при этом приближенного к царю и царской семье. Такими были в своё время сам Державин – «Певец Фелицы», Карамзин – собеседник Александра I, Жуковский – воспитатель и учитель в семье Николая I; если бы традиция «просвещённой монархии» не прервалась после восстания декабристов, далее могли бы идти Пушкин и Гоголь⁷. Возможность подобной роли для Пушкина намечалась после его разговора с царём 8 сентября 1826 г., когда Николай поручил ему составить записку «о воспитании юношества» и сказал, что сам будет его цензором (Александр I освободил от цензуры «Историю Государства Российского» Карамзина)⁸.

Поэтическую рефлексию на эту тему представляет стихотворение Городничкого «Старый Пушкин» (1978), где, кстати, среди возможных жизненных путей есть и державинский: «Ступал он степенно под светлые своды дворца, / С ключом камергера, мерцающая звездой, как Державин»; «И Пушкин, возможно, писал бы с течением дней / О славе державы, о тени великой Петро-

вой, – / Наставник наследника, гордость народа и трона», «Его вольнодумство с годами бы тихо угасло. / Писалась бы проза. Стихи бы сходили на нет» (83–84). Своеобразный парадокс этого стихотворения заключается в том, что предполагаемые занятия состарившегося Пушкина во многом совпадают с реальным направлением эволюции творчества поэта: он действительно писал прозу, занимался историей, в том числе и историей Петра. Городничкий об этом, конечно, знает, но в структуру и советского, и во многом бардовского пушкинского мифа эти факты не вписываются, поэтому отрицаются как невозможные. Характерно в финале стихотворения соединение крайних точек биографии Пушкина: «И мы вспоминаем крылатку над хмурой Невой, / Мальчишеский профиль, решётку лицейского сада» (84). Здесь явно обнаруживается структура мифа как такового: отбор отдельных, символических фактов и их, в реальности разделённых во времени, «одновременное» существование в едином смысловом пространстве; миф не предполагает эволюции героя, а в пушкинский миф входит мотив молодости и ранней смерти, поэтому и «нарушение хронологии», и сам переход от «крылатки», укрывающей смертельно раненого поэта, к «решетке лицейского сада» естественны.

Но идея иерархии в мире искусства – открыто декларируемая и не терпящая возражений («остальное ересь») – является почти прямым отражением любого тоталитарного государства, в том числе, конечно, и советского⁹. В системе же представлений бардовской поэзии вхождение в государственную иерархию для истинного поэта невозможно, представление о «равновеликости» в государственной системе Поэта и Властителя – иллюзия. Отсюда – трагизм в образе Державина¹⁰.

Трагичны в стихотворении Городничкого и взаимоотношения Державина с новым поэтическим поколением. Это новое поколение, безусловно, есть: Жуковский, с прямым обращением Державина к которому начинается произведение; «струнное многоголосье», которое слышит герой; имплицитно присутствует Пушкин (хотя Державин о нём, возможно, ещё не известно, но читатель, находясь в контексте мифа, заданного мотивом передачи лиры, знает). Тем трагичнее субъективное одиночество Поэта. С одной стороны, «Затворником живёт он, нелюдим, / В многоголосье струнном разуверюсь», а с другой – желает не просто угадать, «чьё солнце поднимается в зенит», а передать избранному *свою* лиру. Он знает ей цену, а нужна ли она молодому поколению поэтов? Большинство читателей, знакомых с дальнейшей историей русской литературы (знающих хотя бы поэзию Жуковского и Пушкина), скорее всего решат, что не нужна. Да и в самом стихотворении в образе лиры воплощается тема устаревания поэзии Державина. Определения «шершавая», «пока ещё звенит», «пока ещё не слишком обветшала», «туга неколебимая струна» могут характеризовать

как реальный музыкальный инструмент (понятно, что лира – эмблематический образ, но рассматриваемый нами сюжет предполагает реализацию эмблемы), так и язык державинской поэзии¹¹ и, кроме того, обретают символический смысл.

Отметим, кстати, особенность поэтики эпитетов. В державинском тексте, с цитирования которого начинается стихотворение, лира названа «ветхой» – определение не только в поэзии Державина, но и вообще в русской литературе конца XVIII – начала XIX в. в достаточной мере традиционно-поэтическое, клишированное, поэтому оно не разрушает эмблематичности образа лиры, а дополнительную «высокость» придаёт ему воспринимаемая уже к тому времени как несколько архаизирующая краткая форма эпитета («ветху лиру»). Городницкий не использует этого эпитета, создавая, однако, ряд других – более чувственно конкретных. Но такие чувственно конкретные образы для представления самых абстрактных понятий были как раз характерной чертой поэтики Державина, отмечались даже младшими современниками как поэтическая смелость¹². Примечательно, что, убрав из цитаты эпитет «ветху», Городницкий сохраняет другой образ – «над бездной гроба скользкой», – истинно державинский, в котором нарушение логических связей (выпадение одного логического звена: «скользящая бездна» вместо «скользкий край бездны») восполняется зримостью и даже осязательностью.

Сложную образно-мотивную структуру имеет в стихотворении «Тебе, Жуковский...» образ Дома¹³. И он тоже оказывается пронизанным мотивом одиночества – «затворничества» и исключительности. В связи с последним интересен ракурс образа Одиссея («Туга неколебимая струна, / Как тетива на луке Одиссея»). Образ этого мифического персонажа является сквозным в творчестве Городницкого, зачастую alter ego автобиографического лирического героя, с ним связан мотив возвращения в свой Дом. Появляется в произведениях барда и лук Одиссея¹⁴, с помощью которого он, во-первых, доказывает своё право на этот Дом, а во-вторых, расправляется со всеми врагами. В поэзии же утверждение своего превосходства, победа над слабейшими «пришельцами» как раз и оборачиваются одиночеством, ненужностью, невозможностью передачи лиры. Эпитеты «туга» и «неколебимая» могут быть восприняты в разных ассоциативных рядах и, соответственно, в нескольких метафорических значениях: с одной стороны, как характеристика «лиры», поэзии Державина в ряду с такими, как «шершавая», «обветшала» (хотя и «не слишком», но «пока»), то есть как метафора её неблагозвучности; с другой стороны, как метафора «неколебимой» поэтической и жизненной позиции – Державин ставил себе в заслугу и то, что «истину царям с улыбкой говорил»¹⁵.

«Пространственно» организуют образ Дома в этом стихотворении такие детали, как «окна» и

«часы». Замкнутое пространство Дома составляет антитезу беспокойному внешнему миру («За окнами позёмка воет люто»).

Но пространственные характеристики в этом тексте перетекают во временные. В начале стихотворения пространство Дома граничит с пространственно же оформленными образами «бездны гроба», над которой «стоит» герой, и «рая», где он «намеревается отдохнуть». Другая граница пространства Дома – уже упомянутые «окна». Единственная примета Дома – часы – может в равной мере быть воспринята и как вещная деталь, и как метафора времени. Подобную структуру образа находим и у самого Державина: его знаменитое изображение боя часов – «Глагол времён! металла звон! / Твой страшный глас меня смущает; / Зовет меня, зовет твой стон, / Зовет – и к гробу приближает» («На смерть князя Мещерского»)¹⁶ или «Не слышим ли в бою часов / Глас смерти, двери скрип подземной?» («Водопад»). Кстати, отметим, что в этих примерах время, эмблемой которого являются часы, ведёт к смерти; таким образом, хотя в стихотворении Городницкого тема смерти и образ часов разведены, само их сосуществование в рамках текста о Державине может быть воспринято как продолжение державинской традиции.

«Позёмка» за окнами приобретает черты метафоры исторических катаклизмов: этот стих обрамлён с одной стороны философским афоризмом о быстротекущем времени («Неумолим часов беззвучный бег»), а с другой – характеристикой нового по отношению к герою – XIX века («Что обещает наступивший век? – / Братоубийство, заговоры, смута»).

Мотив Дома/бездомности Поэта – один из сквозных в творчестве Городницкого. По этому признаку, как и по некоторым другим, явно различаются XVIII и XIX столетия. Так, «Михайловское», «Тригорское» и другие стихотворения и песни, где упоминаются места, связанные с именем Пушкина, создают скорее мотив постоянного перемещения в пространстве; своеобразное «резюме» этого цикла – «Дом Пушкина» (1987): «Бездомность Пушкина извечна и горька, / Жилья родного с детства он не помнит», «Дома – как постоянные дворы» (133). Бездомно, бесприютно, постоянно в пути или «на площади» поколение первой половины XIX в.: Пушкин, декабристы, Лермонтов, Гоголь, Чаадаев. Прикреплённость к одному месту для этих людей оборачивается псевдодомом, неволей: «Батюшков безумный, поселившийся в Москве» («Батюшков» (1977, 79)), «затворник на Старо-Басманной» Чаадаев («Чаадаев» (1987, 132)). Поэты же XVIII в. имеют дом. В «державинском тексте» Городницкого наиболее ярким примером является «Дом на Фонтанке» (1971), дом упоминается в стихотворении «Старый Питер» (1998); но можно вспомнить и стихотворение «Карамзин» (1977): «В этом доме двухэтажном / Жил писатель Карамзин» (243). Рубеж веков, приход нового времени знамену-

ется разрушением Дома, вторжением стихии истории: для Державина «Неумолим часов беззвучный бег. / За окнами позёмка воет люто. / Что обещает наступивший век? – / Братоубийство, заговоры, смута»; протекающий «много лет и много зим» в «доме двухэтажном» труд историка Карамзина прерван событиями новой Истории – «“Всё, – сказал он, – не могу”. / Били пушки на Сенатской. / Кровь чернела на снегу. // Тёрся нищий возле дома, / Словно что-то потерял. / Для тринадцатого тома / Начинался матерьял» (244).

Тема рубежа, неизбежной, а в российской истории часто катастрофичной смены веков (и календарных, и исторических, и поэтических) оказывается конфликто-, а значит, и структурообразующей не только в ряде «исторических» песенных и поэтических произведений А. Городницкого, но и в его мемуарных книгах. В этом смысле можно говорить об автопсихологизме образа Державина именно в стихотворениях 2000-х гг., где, в отличие от более ранних текстов, использующих пушкинско-державинский миф, автор ассоциирует себя уже не с ожидающим «благословения» начинающим поэтом, а скорее с поэтом-мэтром, человеком уходящей эпохи. Для Городницкого его эпоха – это, с одной стороны, Империя, о чём он неоднократно говорит и в своих стихах, и в мемуарах и интервью, а с другой – это «поющие шестидесятые». Так называется глава в книгах воспоминаний, и вот её начало: «Мы, люди шестидесятых, дожили до полной надежды и тревог эпохи, когда песни и стихи как будто перестали быть нужны <...> Правда, до песен ли сейчас, когда бывшие окраины распавшейся империи уже охвачены межнациональными, а по существу, гражданскими войнами (Ср.: «Что обещает наступивший век? – / Братоубийство, заговоры, смута». – В.Б.) <...> Тихая, требующая глубоких раздумий стихотворная строка, негромкое звучание струн, приглашающее к доверительному разговору, – всё это осталось в прошлом, и сегодня как будто никому не нужно. Только тяжёлый рок отважно гремит»¹⁷. Но даже если говорить не о роке, а об авторской песне, то при большом количестве клубов, фестивалей, конкурсов, концертов, где ему отводится почётная роль (сам А. Городницкий называет это «работать стариком Державиным»), поэт говорит о «кризисе» в настоящее время бардовской песни. И при актуализации «имперской», и при актуализации культурной, «бардовской» стороны эпохи, собственную принадлежность к которой ощущает Городницкий, правомерно возникновение хотя и разного содержания, но «державинских» ассоциаций, в частности заданного пушкинско-державинским мифом мотива «передачи лиры» (значимым оказывается даже сближение эмблематичного образа «лиры» и гитары как символа бардовского движения¹⁸). В таком контексте автопсихологического наполнения образа героя дополнительный смысл приобретает финал-вывод в стихотворении «Державинская

лира»: «Поэт свою единственную лиру / Передавать не может никому».

Последние строки стихотворения «“Тебе, Жуковский...”», как это часто бывает в «исторических» произведениях Городницкого, обращены в будущее (даже грамматически – формой глаголов): «Да не наступит скорбный этот час, / Искореня русскую природу, / Покуда длится сладкозвучный глас, / Дорогу указующий народу!». И по своему пафосу, и стилистически они сближаются скорее с пушкинской, нежели с державинской поэзией. Мотив «персональной» передачи лиры одному избранному неожиданно разрешается в тему служения ею народу, примечательна и метаморфоза звона «шершавой», «обветшалой» лиры в «сладкозвучный глас». Тема «народа» вызывает ассоциации с пушкинским, а не державинским «Памятником»: у старшего поэта «народы неисчетные», у Пушкина – дважды «народ», народ как единство, которому не противоречит множество «сущих» «по всей Руси великой» «языков», потому что скрепляют это единство поэзия, культура (незарастающая «народная тропа» к памятнику поэту) и нравственность («долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал» и т. д.). С пушкинским «Я памятник себе воздвиг...» сближает стихотворение Городницкого и вынесение слова «народу» в рифмующуюся пару. В целом с «пушкинским текстом» барда его роднит и набор ключевых слов; например, пушкинское сближение в рифме слов-понятий «народу – свободу», конечно, актуально в ценностной системе бардовской поэзии, а в творчестве Городницкого в этот же ряд встраивается «дорогу» («Матюшкин») и в рассматриваемом тексте – «русскую природу». Таким образом, имплицитно, в большей степени на уровне стилистики в этом стихотворении происходит передача державинской лиры всё-таки Пушкину.

Примечания

- 1 См.: *Биткинова В.* Державинские реминисценции в поэтических и мемуарных текстах А. Городницкого // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Т. 11. Сер. 9. Филология. Журналистика. 2011. Вып. № 1. С. 80–89.
- 2 *Городницкий А.* Легенда о доме : избранные стихотворения и песни. СПб., 2010. С. 235–236. Далее произведения Городницкого цитируются по этому изданию.
- 3 *Пушкин А.* Полн. собр. соч. : в 10 т. М., 1965. Т. 8. С. 65.
- 4 Здесь и далее курсив наш.
- 5 *Державин Г.* Сочинения : в 9 т. СПб., 1866. Т. 3. С. 449. Интерпретацию этого стихотворения в свете культурного пушкинско-державинского мифа см.: *Лотман Ю.* Александр Сергеевич Пушкин : Биография писателя // Лотман Ю. Пушкин. СПб., 1997. С. 40–41.
- 6 Стихотворение имеет посвящение «Галине Седовой». Галина Михайловна Седова – доктор филологических наук, пушкинист, директор Мемориального Музея-квартиры А. С. Пушкина на набережной р. Мойки, 12.

- А. М. Городницкий выступает на мероприятиях, проводимых музеем (на выставке, посвящённой истории музея, есть его фотография). С Г. М. Седовой, по её собственным словам, барда связывают давние дружеские отношения. Стихотворение «Тебе, Жуковский...» – своеобразный ответ на критику Галины Михайловны, которая была не согласна как с трактовкой пушкинско-державинского мифа в «Державинской лире», так и с общей концепцией стихотворения («Поэт свою единственную лиру / Передавать не может никому») и в письме к Городницкому привела некоторые материалы, доказывающие, что Державин неоднократно пытался «передать» кому-нибудь свою лиру. Среди этих материалов было и незаконченное стихотворение Державина «Тебе в наследие, Жуковский...».
- ⁷ Белинский в «Письме к Гоголю» высказал подозрение, что одиозные, на взгляд критика, «Выбранные места из переписки с друзьями» вызваны желанием писателя «попасть в наставники к сыну наследника» (*Белинский В.* Полн. обр. соч. : в 13 т. М., 1956. Т. 10. С. 217).
- ⁸ См.: *Эйдельман Н.* Пушкин : Из биографии и творчества. 1826–1837. М., 1987.
- ⁹ См. противопоставление двух типов культуры, повторяющихся на разных исторических этапах, в книге В. Паперного «Культура Два». Одной из различающих их оппозиций как раз названа оппозиция «равномерное – иерархическое», для культуры тоталитарного типа характерна иерархичность, в том числе «иерархия людей» (*Паперный В.* Культура Два. М., 2007).
- ¹⁰ Здесь надо напомнить о сближении в поэзии и мемуарах Городницкого образов Державина и Б. Слуцкого, который пытался «говорить от имени России» и закончил молчанием.
- ¹¹ Ср. характеристики, данные державинской поэзии уже следующим поколением литераторов: «он не имел понятия <...> о гармонии», «он должен бесить всякое разборчивое ухо», «жаль, что наш поэт слишком часто кричал петухом» (*Пушкин А.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 148); «громозд», «неряшество и безобразия», «всё в беспорядке: речь, язык, слог – всё скрипит, как телега с невымазанными колёсами» (*Гоголь Н.* Собр. соч. : в 9 т. М., 1994. Т. 6. С. 151, 153).
- ¹² Ср. высказывание Вяземского в письме Жуковскому 1818 г. о сходном по художественной природе образе у Пушкина «Он духом там, в дыму столетий!!» (стихотворение «Смотри, как пламенный поэт...»): «“В дыму столетий!” Это выражение – город: я все отдал бы за него, движимое и недвижимое. Какая бестия! <...> Знаешь ли, что Державин испугался бы дыма столетий? О прочих и говорить нечего» (цит. по: *Эйдельман Н.* Указ. соч. С. 205. См. там же анализ этого образа и стихотворения в целом).
- ¹³ В книгах Городницкого произведения располагаются в хронологическом порядке с выделением хронологических блоков, при этом каждому такому циклу даётся название – заглавие одного из стихотворений, в какой-то мере проблемно-тематически связывающее все включённые в данный блок тексты. В последней по времени издания книге стихотворения 2000–2008 гг. (в том числе и «Тебе, Жуковский...») объединены названием «Определение дома», а сама книга называется, напомним, «Легенда о доме».
- ¹⁴ См., например, песню «Геркулесовы столбы» (1965, 22).
- ¹⁵ И опять в контексте творчества Городницкого здесь важно вспомнить ассоциацию образа Державина с Б. Слуцким.
- ¹⁶ *Державин Г.* Сочинения : в 9 т. СПб., 1864. Т. 1. С. 87–89. См. там же объяснение этого образа и сравнение его с аналогичными в оде «На выздоровление Мецената» и в «Водопаде».
- ¹⁷ *Городницкий А.* След в океане. Петрозаводск, 1993. С. 360.
- ¹⁸ Наиболее явно, хотя в несколько ином контексте, это сближение в песне «Терпандр» (1991), посвящённой греческому поэту VII в. до н. э., который, в частности, канонизировал семиструнную кифару (в песне – «четверострунную лиру сменив семиструнной»). В комментариях автора читаем: «И хотя песня эта о Древней Спарте, но, честно говоря, очень сильно просматривается ситуация с положением авторской песни сегодня в нашей замечательной стране» (*Городницкий А.* Сочинения. М., 2000. С. 642).

УДК 821.161.1.09–1+929Окуджава

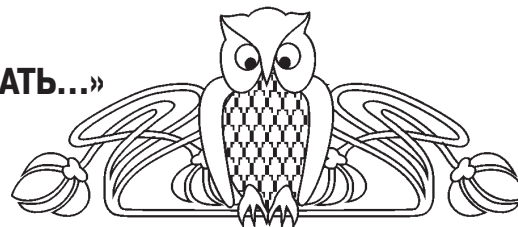
РОЗЫ ПОЭТА: СТИХОТВОРЕНИЕ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ «МНЕ НЕ ХОЧЕТСЯ ПИСАТЬ...» В КОНТЕКСТЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

М. А. Александрова

Нижегородский государственный лингвистический университет
E-mail: nam-s-toboj@mail.ru

Стихотворение Окуджавы рассматривается в контексте классической поэтики розы, на фоне традиционной ситуации «прощания с лирой». Проводятся параллели с поэзией Пушкина, Батюшкова, Боратынского, Ходасевича.

Ключевые слова: Окуджава, роза, контекст, традиция, мотив, метафора, реминисценция.

The Poet's Roses: the Poem of Bulat Okudzhava «I don't Want to Write...» in the Context of Classical Tradition

M. A. Alexandrova

Okudzhava's poem is regarded in the context of the classical poetics of rose, in the background of the traditional situation «farewell to the lira». The parallels with Pushkin's, Batyushkov's, Boratynsky's and Khodasevich's poetry are drawn.

Key words: Okudzhava, rose, context, tradition, motif, metaphor, reminiscence.

В 1984 г. во время концерта Окуджавы в Севастополе из публики прозвучал дежурный вопрос о «творческом подарке» поэта-фронтовика к сорокалетию Победы. Объяснив в очередной раз свое неприятие всякого рода обязательных тем, Окуджава добавил: «Может быть, я напишу *о розах*... И это будет хороший подарок»¹. Через десять лет интервьюер поинтересовался отношением Окуджавы к традиции гражданской поэзии, и вновь прозвучал ответ: «А если человек пишет <...> стихи *о розе*, разве это не выражение гражданских чувств?...»². По-видимому, написать *о розах* значило для Окуджавы сказать о главном. Таких стихотворений у него более двадцати; анализируемое нами «Мне не хочется писать...» появилось в самый разгар многолетнего окуджавского «романа с розой», в конце 1980-х гг.

Наделяя розу необычным для современной поэзии статусом, Окуджава апеллировал тем самым к многовековой традиции, которая во мнении большинства «давно скомпрометирована»³.

Среди носителей европейской культуры недавнего прошлого, замечает М. Л. Гаспаров, «один мог перечислить пять значений символа “роза”, другой – двадцать пять, но оба безошибочно выделяли это слово среди других как преимущественного носителя расширительного смысла»⁴. Любой современный поэт и читатель, не изучавший специально культуру «золотого века» или эпохи модернизма, оперирует (условно говоря) лишь «пятью значениями» розы. С другой стороны, тяготеющая над розой репутация банальности может считаться тем приобретенным значением, которое вытеснило богатое некогда иносказательное содержание образа. В этой ситуации Окуджава не только провозглашает банальное вечным, но и поэтику розы, как может показаться на первый взгляд, «упрощает». Во всех его текстах розу сопровождает постоянный эпитет – *красная*⁵. Он словно бы нарочито архаизирует «язык розы», игнорирует весь опыт индивидуализации классического поэтизма, накопленный за полтора столетия – от Пушкина⁶ и Тютчева⁷ до Ахматовой⁸ и Тарковского⁹. Но истинная сложность «простого» и выясняется на фоне традиции.

В первой строфе переосмыслена традиционная рифменная пара «розы – прозы», устойчивый некогда прием, заострявший контраст «цветов поэзии» и житейской сферы:

Мне не хочется писать
ни стихов, ни прозы,
хочется людей спасать,
выращивать розы¹⁰.

Очевидно, что *розы* здесь противопоставлены своему обычному означаемому, предполагаемая традицией *проза жизни* оборачивается художе-

ственной прозой (прозой поэта) и перемещение структурных элементов пары меняет смысл целого. Дальнейшие метаморфозы образа расширяют ассоциативный контекст стихотворения; «внутренняя тема» выясняется благодаря этому имплицитному диалогу.

Начнем с того смыслового уровня, который считается легче всего. В намерении «выращивать розы» (в четвертой строфе «расцветает сад из роз») угадывается вольтеровская максима: «Каждый должен возделывать свой сад». Как сказано Окуджавой позднее, «надо иногда почитать Вольтера»¹¹; отрекаясь от *стихов и прозы*, поэт, по всей видимости, готов уподобиться вольтеровскому *каждому*. Однако ведет его по новому пути не императив, а свободное хотение; показательно, что Окуджава предпочитает глагольные формы с ослабленным волевым началом (*мне не хочется*... *хочется*). Именно этим определяются и особый, неканонический смысл ситуации «отказа», и характер связей с текстами предшественников.

Актуальный контекст образуют стихи на «прощание с лирой», а именно те из них, где поэт уподобляется земледельцу (садовнику). В элегии «золотого века», в лирических парафразах библейской притчи о сеятеле эта аналогия исполнена драматизма. Поэт может казнить себя за творческую скудость («Ты так же ли, как земледель, богат?»¹²) либо винить современников, чьи души подобны бесплодной почве, но в любом случае именно стихотворство освящается уподоблением земледельческому акту, а не наоборот. Окуджава принимает эту иерархию ценностей, разделяет готовность предшественников выйти «за пределы поэзии и собственно слова – к действию и поступку»¹³, к тому жизненному решению, правда которого с годами будет расти в прямом и переносном смысле. Так, Боратынский в элегии «На посев леса» уповает на прорастание «елей, дубов и сосен»: «И пусть! Простяся с лирою моею, / Я верую: ее заменят эти, / Поэзии таинственных скорбей / Могучие и сумрачные дети»¹⁴. Дуб с его семантикой царственного могущества, жизнестойкости и «бессмертие» хвойных деревьев, с одной стороны; с другой, рукотворность нового леса, преображающая мифологический хаос «темной чащи» в мир скорбный, сумрачный, но стройный, исполненный таинственной поэзии, – все это порождает образ, призванный заместить поэтический вечный *памятник*.

На новом историческом витке рефлексии об иерархии ценностей искусства и «живой жизни» у Ходасевича коллизия Боратынского отзывается в демонстративном противопоставлении печальной судьбы стихов – и ценности частного существования поэта; именно «земледельческий» жест связывает два текста: «Ни грубой славы, ни гонений / От современников не жду, / Но сам стрижу кусты *сирени* / Вокруг *террасы* и в саду»¹⁵. Бытовая деталь получает в контексте традиции расширительный смысл. Здесь очевидны и преемственность, и по-

лемика: насаждаемый *лес* и обихаживаемый *сад* – образы разномасштабные («Довольный малым, созерцаю / То, что дает *нещедрый* рок»¹⁶), горькой обиде Боратынского на современников Ходасевич противопоставляет меланхолическое признание «безотзывности» своей лиры.

Своеобразие поэтического высказывания Окуджавы на тему «прощания с лирой» заключается прежде всего в отсутствии главной исходной посылки – бедствий творческой личности.

След Боратынского в этом стихотворении доказать нельзя, зато диалог с текстом-посредником (опять-таки полемический, что является частью традиции) достаточно нагляден: Ходасевич смягчает коллизию «поэт и читатели» – Окуджава устраняет ее совершенно; Ходасевич дистанцируется от мира, чтобы сохранить свою безответную любовь к нему («Люблю людей, люблю природу, / Но не люблю ходить гулять...») – Окуджава, выдерживая тот же композиционный принцип, заявляет в первой строфе о желании «людей спасать»; у Ходасевича спасение лирического «я» предстает как финальное уединение в саду – у Окуджавы последовательно сказано о спасении людей и возделывании сада, что сближает эти действия, но не раскрывает поначалу их содержательной связи.

Главным признаком рефлексии Окуджавы о поэтической традиции является выбор ключевого образа, который во всех смыслах контрастен по отношению к предмету забот Боратынского и Ходасевича. *Лес* Боратынского насажден с тем, чтобы пережить замолчавшего поэта, продлить его земное бытие в вечность. *Сад* Ходасевича возделан для «обрамления», упрочения его повседневной жизни. Но *розы* – воплощенная бренность, мгновенная, бесцельная красота, артистическая «прихоть» самой природы. Как согласуется этот выбор Окуджавы с философией отречения от *стихов и прозы* ради высших ценностей?

Именно *роза*, которая в любом контексте остается цветком сугубо «литературным», обнаруживает особую – творческую – подоплеку словесного жеста «прощания с лирой» (*не хочется писать*).

Расширение смысла лирического события происходит уже в момент «насаждения розы». Лето, время садоводческих трудов, дано в образах максимальной «плотности», между тем сама роза развеществляется и заново символизируется:

Плещется июльский жар,
воском оплывает,
первой розы красный шар
в небо уплывает.

Автореминисценция соединяет два заветных текста Окуджавы – «Песенку о голубом шарике» («Девочка плачет: шарик улетел. / Ее утешают, а шарик летит...») и «Арбатский романс» («Бывали дни такие – гулял я молодой, / глаза глядели в

небо голубое, / еще был не разменян мой первый золотой, / *пылали розы*, гордые собою»¹⁷), что обновляет каноническую семантику розы-юности.

Новый смысл также оказывается промежуточным. Летняя картина задает вполне традиционную, казалось бы, перспективу движения образов: *июльскому жару* предстоит смениться жизненным холодом. Ожидаемая структурная пара действительно возникает в тексте, однако *лето* и *зима* сразу теряют признаки возрастных метафор: они синхронизируются и уравниваются по принципу контрастного параллелизма. В самый момент переключения смысловых планов (третья и четвертая строфы) выясняется, что лишь поэту дано «возделывать сад» без оглядки на календарь:

Раскрываются цветы
сквозь душевные травы
из пчелиной суеты
для чести и славы.

За окном трещит *мороз*,
дикий, оголтелый, –
расцветает *сад из роз*
на бумаге белой.

Еще одна устойчивая рифма отсылает к феномену, который оказался «побочным» следствием освоения русской поэзией европейской традиции розы: в пушкинскую эпоху весело шутили по поводу алогичного, но неизбежного для родного языка созвучия «розы – морозы» («Читатель ждет уж рифмы *розы*...») – и любили разворачивать подобные оксюмороны в поэтическую картину. Так, у Батюшкова беспокойный уроженец Афин «за розами побрел – в снега Гипербореев»¹⁸ («Странствователь и Домосед»); в обращении «К цветам нашего Горация» автор не преминул использовать и пресловутую рифму: «*Ни вьюги, ни морозы / Цветов твоих не истребят. / Бог лиры, бог любви и музыки мне твердят: / В саду Горация не увядают розы*»¹⁹. Пушкинская «загадка Сфинкса» – «Кто на *снегах* возматил Феокритовы *нежные розы?* // В веке *железном*, скажи, кто *золотой* угадал?»²⁰ – преображает мифологему «века железного», включая ее в гиперборейский текст русской культуры. В границах оппозиции *север – юг* «Россия <...> оказывалась тем “благодатным” краем, который, по закону единства противоположностей, был естественным и полноправным последователем блистательных успехов культуры “полуденных стран”»²¹, а «роза на снегу» явилась наиболее естественной метафорой преемственности. Предпосылки оксюморонной поэтики Окуджавы иные, но структура его собственного мышления располагала к чуткой рецепции подобных образных сопряжений.

Обновлению классического мотива послужил любимый Окуджавой прием реализованной метафоры: возвращение «цветов поэзии» разворачивается в наглядное действие, причем художество

словесное преображается в рисование. Буквализация условного образа, доведенная до крайнего упрощения – наивной двухцветной «картинки», – порождает целый ряд изысканных эффектов: красные розы на бумаге белой включаются в разветвленную систему летне-зимних соответствий, и каждое из них обогащается дополнительной антитезой, внутренней или внешней. *Июльский жар* удваивается в зимнем образе:

Пышет жаром злая печь,
лопаются плитки,
соскользают с гордых плеч
лишние накидки.

Злая печь, в свою очередь, представляет контрастное подобие *мороза дикого*²². Острота контрастов передает ту интенсивность восприятия жизни, которая свойственна прежде всего поэту и разрешается в творчестве.

Отсюда финальное сближение противоположностей:

И впадают невпапад
то в смех, а то в слезы
то березы аромат,
то *дыханье розы*.

То раскидистая тень,
то крови кипенье,
рифма «лень» и рифма «пень»,
*пень и терпенье...*²³

Движение поэтической мысли, нарушая видимые логические связи, создает особый мир, в котором предметные и метафорические значения слов, зимняя и летняя стихия жизни, смех и слезы, реальность и фантазия взаимно обратимы, слиты в гармоническое целое. Так, едва подразнив читателя «случайным» (*невпапад*) столкновением цитаты из пушкинского поэтического словаря *лень* со словом *пень*, Окуджавы тут же превращает нарочитый прозаизм в *пенье*. Чрезвычайно важно, что переход от заявленного поначалу добровольного творческого ограничения к акту преображения жизни для читателя неощутим, а для самого участника ситуации – носителя переживания загадочен.

История публикации стихотворения позволяет предположить, что и автор на какое-то время утратил дистанцию по отношению к тексту. Первая редакция вошла в книгу «Посвящается вам» (1988). Впоследствии, для «Избранного» (1989), Окуджавы отбросил финальную строфу о *пенье*, заключающую в себе зерно новой темы, дающую некое «ответвление» сюжета творчества. Завершение поэтического рассказа определяется в итоге тем, что розе возвращена ее сюжетобразующая функция. Поскольку в сильной позиции финала оказалось *дыханье розы*, возникла переключка с сильным местом начальной строфы: «Хочется

людей спасать, / выращивать розы». Таким образом, в обратной перспективе открывается причина отказа от *стихов и прозы*: смиренное лирическое «я» хочет воплотить ни много ни мало как спасительный райский сад.

Райским идеалом вдохновляется именно тот, кто разделяет с нуждающимися в спасении их земную участь – провожает взглядом уплывающий в небо *первой розы красный шар*, утешается доносящимся невесть откуда *дыханьем розы*. Этот парадокс оправдан неканоничностью рая Окуджавы²⁴ и свойствами *одного из малых сих*: «Я чувствую себя *последним богом*, / единственным умеющим прощать»²⁵. С другой стороны, роза, прежде лишь атрибут окуджавского рая, именно в этом стихотворении предстает главным условием гармонии. В силу своей причастности к розе лирический герой Окуджавы остается творцом, обладающим привилегией на устройство мира.

Примечания

- ¹ Расшифровку беседы с поэтом и заметку Б. Брусенцова «Вспоминая Булата Окуджаву...» см.: URL: <http://gubanov.h10.ru/ap/okugava.htm> (дата обращения: 22.12.2011).
- ² *Эпельзафт М., Мазин А.* Два дня в беседах с «музыкальным человеком» // *Голос надежды : Новое о Булате / сост. А. Е. Крылов. М., 2010. Вып. 7. С. 157.*
- ³ *Крепс М.* О поэзии Иосифа Бродского. СПб., 2007. С. 18.
- ⁴ *Гаспаров М.* Поэтика «серебряного века» // *Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917 : антология. М., 1993. С. 18.*
- ⁵ См. об этом: *Александрова М.* Поэт и роза : к теме творчества в лирике Булата Окуджавы // *Голос надежды : Новое о Булате / сост. А. Е. Крылов. М., 2007. Вып. 4.*
- ⁶ *Дмитриева Н.* Роза у Пушкина и Тургенева // *Русская литература. 2000. № 3. С. 103.*
- ⁷ *Гинзбург Л.* О лирике. М., 1997. С. 97.
- ⁸ *Эткинд Е.* Проза о стихах. СПб., 2001. С. 129–130, 138.
- ⁹ *Александрова М.* Античная роза в лирике Арсения Тарковского // *Античность и христианство в литературах России и Запада. Владимир, 2008.*
- ¹⁰ *Окуджавы Б.* Посвящается вам : стихи. М., 1988. С. 83. Курсив в цитатах здесь и далее – наш.
- ¹¹ *Окуджавы Б.* Стихотворения. СПб., 2001. С. 477. (Новая б-ка поэта).
- ¹² *Боратынский Е.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1989. С. 186. (Б-ка поэта. Большая сер.).
- ¹³ *Гельфонд М.* «На посев леса» Е. А. Боратынского : на границе элегии и инвективы // *Жанр и его метаморфозы в литературах России и Англии. Владимир, 2010. С. 233.*
- ¹⁴ *Боратынский Е.* Указ. соч. С. 218.
- ¹⁵ *Ходасевич В.* Стихотворения. Л., 1989. С. 133. (Б-ка поэта. Большая сер.). На соотнесенность с элегией Боратынского указала мне М. М. Гельфонд в устной беседе.

- ¹⁶ Ходасевич В. Стихотворения.
- ¹⁷ Окуджава Б. Чаепитие на Арбате : Стихи разных лет. М., 1996. С. 20, 253.
- ¹⁸ Батюшков К. Сочинения : в 2 т. М., 1989. Т. I. С. 249.
- ¹⁹ Там же. С. 240.
- ²⁰ Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 10 т. М., 1956–1958. Т. III. С. 113.
- ²¹ Кошелев В. Историсофская оппозиция «Запад – Восток» в творческом сознании Пушкина // Русская литература. 1994. № 4. С. 8.
- ²² Смысл этих соотнесенных эпитетов весьма далёк от их словарного значения; сравним: «Но с каждым днем всё чище, всё злей его люблю...», – сказано о родном городе; «Пальцы злы, смычок остер» – об идеальном художнике-музыканте, способном «в душу к нам проникнуть и поджечь» (Окуджава Б. Чаепитие на Арбате. С. 160, 406).
- ²³ Окуджава Б. Посвящается вам. С. 83–84.
- ²⁴ См. об этом: Александрова М. «Райский сад» Тарковского и «райский двор» Окуджавы // Новый филологический вестник. М., 2008. № 1(6).
- ²⁵ Окуджава Б. Чаепитие на Арбате. С. 197.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

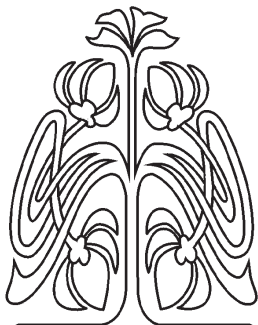
Динамика семантико-словообразовательных подсистем русского языка : коллективная монография / под. ред. О. И. Дмитриевой. – Саратов : Научная книга, 2010. 370 с. – ISBN 978-5-9758-1244-5.

В коллективной монографии обобщены результаты исследования словообразовательной и семантической динамики отдельных словообразовательных подсистем русского языка: словообразовательных типов, словообразовательных категорий, словообразовательных гнезд, а также слов, объединенных общностью способа словопроизводства, и индивидуально-авторских новообразований.

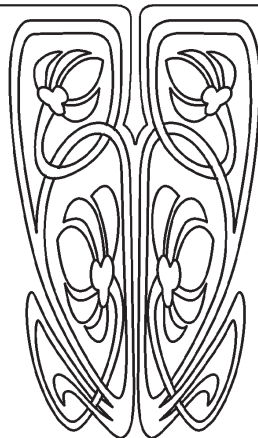
Книга включает семь разделов, объединенных общностью исследуемой проблематики. В разделе «Вместо предисловия: К проблеме динамического исследования словообразовательных подсистем русского языка» (автор О. И. Дмитриева) определяются приоритеты динамического словообразования, обосновываются его базовые понятия и принципы. В первой главе «Историческая динамика словообразовательных типов» (автор Ю. Г. Кадькалов) анализируются особенности развития от древнерусского периода до современного состояния языка словообразовательной структуры и семантики словообразовательных типов отвлеченных имен существительных. Вторая глава «Динамика словообразовательного гнезда – динамика концепта» (автор О. Ю. Крючкова) на основе семантико-когнитивного анализа словообразовательных гнезд с этимологическим корнем *vold- демонстрирует возможности обращения к исследованию макроединиц словообразования в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы современной русистики. Словообразовательная категория, как и словообразовательное гнездо, относится к комплексным макроединицам словообразовательной системы. Анализу словообразовательной и семантической динамики словообразовательных категорий русских агентивных глаголов и глаголов со значением *становление/приобретение признака* посвящена третья глава книги – «Динамика словообразовательных категорий русского языка» (авторы Э. П. Кадькалова и Т. В. Кузнецова). Историческая динамика в системе русских приставочных и приставочно-суффиксальных (конфиксальных) глаголов выявляется в четвертой главе «Динамика словообразовательных процессов» (авторы О. И. Дмитриева и А. Д. Левицкая). В пятой главе книги – «Системно-языковая и национально-культурная динамика деривационных процессов», – написанной Т. Н. Александровой, показаны на примере транспозиции имя лица $\leftarrow\rightarrow$ признак лица возможности взаимодействия внутреннего ресурса языка и ресурсов контактирующих языков и культур в акте деривации. Проблема индивидуально-авторского словотворчества в его отношении к языковым стандартам посвящена шестая глава «Динамика соотношения системно-языкового и индивидуально-авторского» (автор С. А. Хромова).

С учетом понимания словообразовательной динамики в аспекте как языковой диахронии, так и синхронии авторы книги стремятся к осмыслению движущих сил словообразовательных процессов, к обнаружению механизма словообразовательных отношений, возникающих в ходе функционирования языка, к выявлению потенциала языковой системы и связи процессов словообразования с формированием языковой картины мира.

О. И. Дмитриева

**КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФИЯ**

Дмитриева О. И., Крючкова О. Ю. Динамика словообразовательных процессов: семантико-когнитивный, жанрово-стилистический, структурный аспекты. – Саратов : Научная книга, 2010. – 364 с. – ISBN 978-5-9758-1245-2.

В книге представлена историческая динамика процессов русской внутриглагольной префиксации и словообразовательной редупликации с XI в. по настоящее время. Авторами предложен многоаспектный подход к синхронно-диахроническому описанию словообразовательных процессов, учитывающий их структурную, семантико-когнитивную и жанрово-стилистическую стороны.

Авторы придерживаются взгляда на диахронию языка как на процесс в его развитии, а не простую смену синхронических состояний, что позволяет им рассматривать факты языка в их системном взаимодействии друг с другом. Так, динамика процессов внутриглагольной префиксации исследуется как в аспекте языковой парадигматики (выявляется семантическая динамика приставок и динамика производящей базы глагольного словопроизводства), так и синтагматики (исследуются исторические закономерности сочетаемости структурных компонентов производного глагола). Использована новая методика изучения исторической динамики словообразовательного процесса глагольной префиксации в виде динамической семантической модели, позволяющей обнаружить время появления отдельных приставочных значений и их место в структуре модели на каждом синхронном срезе.

Систематизация всех способов внутрисловного удвоения (редупликации) в их исторической динамике показывает специфику этого явления как самостоятельного средства языкового конструирования, дает новые данные о системно-структурных, коммуникативных и жанрово-стилистических тенденциях языковой диахронии и становится базой для полного динамического описания всех видов языковой повторяемости.

О. И. Дмитриева

Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. – М. : Языки славянских культур, 2011. – 464 с. – (Studia philologica). ISBN 978-5-0551-0456-0.

Монография Л. Л. Шестаковой подводит итог более чем столетнего развития оригинальной области исследования языка писателя – авторской лексикографии, предлагающей своеобразную – словарную – интерпретацию художественных и нехудожественных текстов.

За вековую историю своего существования эта отрасль словаростроения прошла большой и интересный путь – от первых опытов конца XIX столетия («Словарь к стихотворениям Дер-

жавина» Я. Грота) до глобальных словарных проектов середины и конца XX в. – многотомных словарей языка А. С. Пушкина, драматургических произведений и прозы М. Горького, поэтического языка М. Цветаевой и языка Достоевского.

В первое десятилетие XXI в. интерес к лексикографированию авторских идиостилей не угас. Появились словари Б. Акунина, В. Астафьева, В. Белова, И. Бунина, Е. Евтушенко, Г. Иванова, Н. Лескова, Н. Рубцова, И. Северянина, М. Шолохова, В. Шукшина... Все это потребовало теоретически осмыслить накопленный опыт лексикографирования языка писателя, систематизировать идеи, выдвинутые авторской лексикографией, определить ее соотношение с общей лексикографией и другими областями филологического знания. Именно эту задачу поставила перед собой Л. Л. Шестакова.

В монографии рассматриваются вопросы теории, истории и современного состояния авторской, или писательской, лексикографии как самостоятельного научного направления. Л. Л. Шестакова специально останавливается на соотношении вариативных терминологических обозначений исследуемого направления (с. 16–30), отмечая, что в последнее десятилетие предпочтение отдается термину «авторская лексикография», термин же «писательская» «при строгом подходе, следует рассматривать как видовой» (с. 29). В то же время, считает исследователь, возможно употребление этих терминов как синонимичных.

В первой части книги – «Основные вопросы теории авторской лексикографии» – на базе анализа большого массива словарной и исследовательской литературы предлагается многомерная классификация авторских словарей, в основу которой положено 12 признаков (с. 53–54). История развития русской лексикографии показывает, что к числу основных могут быть отнесены параметры классификации, касающиеся: 1) характера сведений, даваемых в словаре (лингвистические/энциклопедические); 2) количества описываемых авторов (монографические/сводные); 3) охвата материала (дифференциальные/полные); 4) цели описания (регистрирующие/объяснительные); 5) единицы описания (слово/морфема, сочетание слов, цитата); 6) способа описания (одно-, двух- и многопараметровые словари). На наш взгляд, в последние годы актуализируется и последний, двенадцатый классификационный признак – тип информационного носителя (книгопечатные/электронные словари).

Типология авторских словарей, разработанная Л. Л. Шестаковой, не только охватывает все существующие на сегодня словарные формы, но и позволяет прогнозировать новые. Несомненный интерес представляет попытка исследования соотносить классификационные параметры с жанром словаря: как показано, признак полноты по-разному проявляет себя в словоуказателях, конкордансах и толковых словарях.

В главе также рассматриваются вопросы источников авторских словарей, формирования их словника, особенности структурной организации (макро- и микроструктура словаря).

Исторический подход реализован во второй части «Русская авторская лексикография: история и современное состояние». Она посвящена воссозданию общей картины становления и развития русской писательской лексикографии. Л. Л. Шестакова выделяет четыре периода в ее истории: 1860-е – 1910-е гг.; 1920-е – 1950-е гг.; 1960-е – 1980-е гг.; 1990-е – 2000-е гг.

Современный период, по наблюдениям исследователя, характеризуется выходом на основные категории художественного мышления и художественного мира автора, поисками новых словарных форм для представления концептуальных составляющих идиостиля (идеографические словари, идиоглоссарии).

В качестве одной из перспектив авторской лексикографии называется создание словарей языка ученых, философов, политических деятелей (словарный проект «М. В. Ломоносов: словарь языковой личности», «Словарь языка Александра Лебедея» Л. Г. Самогик, «Язык публицистики Е. И. Носова» М. А. Разумовой и др.)

Как отмечает сам исследователь, в монографии не проводится четкой границы между теоретической и исторической частями. «Они пересекаются естественным образом, ибо научно-теоретические основы авторской лексикографии складывались в ходе ее становления и развития» (с. 9). Именно во второй главе ставится теоретический вопрос о выделении семейств словарей. Один из возможных признаков выделения семейств, считает Л. Л. Шестакова, – это конкретный автор, «язык произведений которого (а шире – и другие стороны его творчества) выбирается для лексикографической интерпретации. Понятие “семейства авторских словарей” <...> плодотворно и в хронологическом аспекте (когда можно проследить, каким было направление словарного описания произведений выбранного автора), и в типологическом (когда важно получить общую классификационную картину имеющихся словарей)» (с. 266). В главе рассматриваются такие семейства писательских словарей, как пушкинские словари, словари языка А. С. Грибоедова, М. Горького, Ф. И. Тютчева, семейство словарей языка поэтов Серебряного века.

Л. Л. Шестакова – не только теоретик словарного дела, создатель оригинальной типологии авторских словарей, но и исследователь-практик, один из членов авторского коллектива «Словаря языка русской поэзии» – многотомного издания, подготовленного к печати сотрудниками Института русского языка им. В. В. Виноградова.

Особый интерес представляет третья часть монографии – «Опыты применения авторских словарей». В ней представлена серия семантико-стилистических этюдов, выполненных на базе «Словаря языка русской поэзии»: «Заглавие и его связи с текстом в словарном представлении», «Эпиграф как тип контекста в словаре поэтического языка», «О роли рифмы в создании образа дороги», «Идея начала и конца в поэтическом языке» и др. Отмеченные тонким проникновением в ткань поэтического текста, они еще раз подтверждают известную мысль о том, что словарное представление – лишь первый, вспомогательный этап работы над языком писателя, лишь первая стадия интерпретации, однако без этой стадии она была бы менее убедительной. Главная задача авторской лексикографии (и в этом убеждает нас последняя часть монографии) – создание объективной основы для семантических, стилистических, текстологических, интертекстуальных и других исследований языка писателя.

Благодаря последней части изложения приобретает двунаправленный характер – не только от текстов к словарю (в этом случае анализируются законы построения авторского словаря), но и от словаря к авторским текстам (здесь демонстрируются возможности, которые предоставляют авторские словари исследователю индивидуальных стилей, истории языка художественной литературы).

Книга снабжена библиографическим списком авторских словарей и словарных материалов, который представляет самостоятельную научную ценность. Наряду с известными изданиями, в него включены словари, выходящие в разное время небольшими тиражами и являющиеся труднодоступными.

Книга адресована как лексикографам, специалистам по истории русского литературного языка, художественной речи, поэтике и стилистике, так и студентам-филологам, магистрантам и аспирантам.

И. А. Тарасова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абросимова Лариса Сергеевна – докторант кафедры русского языка и теории языка Педагогического института Южного федерального университета. E-mail: lara.abrossimova@mail.ru

Александрова Мария Александровна – доцент кафедры русской филологии и общего языкознания Нижегородского государственного лингвистического университета. E-mail: nam-s-toboj@mail.ru

Байкулова Алла Николаевна – доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета. E-mail: allabay15@mail.ru

Биткинова Валерия Викторовна – доцент кафедры истории русской литературы Саратовского государственного университета. E-mail: bitkinova@mail.ru

Бышкина Виктория Николаевна – аспирант кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета. E-mail: viktorija.byshkina@gmail.com

Зюбина Елизавета Александровна – преподаватель кафедры общих гуманитарных дисциплин Марковского филиала Саратовского государственного социально-экономического университета. E-mail: dudkovaliza@rambler.ru

Иванча Александра Валерьевна – аспирант кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета. E-mail: agi@inbox.ru

Калинин Аркадий Федорович – доцент кафедры филологии Урюпинского филиала Волгоградского государственного университета. E-mail: ufvolstu@mail.ru

Козонкова Ольга Валентиновна – доцент кафедры зарубежной литературы и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: kozonkova@rambler.ru

Маклакова Елена Альбертовна – доцент кафедры иностранных языков Воронежской государственной лесотехнической академии. E-mail: elena.maklakova5@mail.ru

Медведчикова Ксения Сергеевна – аспирант кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета. E-mail: kseniaksm@rambler.ru

Никитина Мария Юрьевна – аспирант кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета. E-mail: masha.05@inbox.ru

Прибыток Инна Ивановна – профессор кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации Саратовского государственного социально-экономического университета. E-mail: ipribytok@mail.ru

Пчелинцева Марина Анатольевна – аспирант кафедры русского языка и методики его преобразования Саратовского государственного университета. E-mail: Pchela.76@mail.ru

Резепова Алия Рушановна – аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: aliya.rezepova@gmail.com

Родионова Татьяна Вячеславовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Саратовского государственного медицинского университета. E-mail: rodionovaty2011@mail.ru

Сагалаева Марина Владимировна – аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: marinasagalaeva@mail.ru

Сорокина Татьяна Александровна – аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания Саратовского государственного университета. E-mail: s.t.a.2007@inbox.ru

Трухачёв Евгений Валериевич – аспирант кафедры истории русской литературы и фольклора Саратовского государственного университета. E-mail: truehard@yandex.ru

Тютелова Лариса Геннадьевна – докторант кафедры русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета. E-mail: largenn@mail.ru

Харламова Татьяна Валериевна – заведующая кафедрой английской филологии Саратовского государственного университета. E-mail: kharlamovaty@yandex.ru

Холиков Алексей Александрович – преподаватель кафедры теории литературы Московского государственного университета. E-mail: alexey_kholikov@mail.ru

Чижова Марина Евгеньевна – аспирант кафедры русской и классической филологии Саратовского государственного медицинского университета. E-mail: rusclasphil@mail.ru

Шаповалова Татьяна Александровна – аспирант кафедры английской филологии Саратовского государственного университета. E-mail: shaptatyana@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abrosimova Larisa Sergeevna – Doctorate Student, Chair of the Russian Language and Language Theory, Teacher Training Institute, South Federal University. E-mail: lara.abrossimova@mail.ru

Alexandrova Maria Alexandrovna – Docent, Chair of Russian Philology and General Linguistics, Linguistic University of Nizhny Novgorod. E-mail: nam-s-toboj@mail.ru

Baikulova Alla Nikolayevna – Docent, Chair of the Russian Language and Speech Communication, Saratov State University. E-mail: allabay15@mail.ru

Bitkinova Valeria Viktorovna – Docent, Chair of the History of Russian Literature, Saratov State University. E-mail: bitkinova@mail.ru

Byshkina Viktoria Nikolayevna – Graduate Student, Chair of the Theory and History of Language and Applied Linguistics, Saratov State University. E-mail: viktoriya.byshkina@gmail.com

Chizhova Marina Evgenyevna – Graduate Student, Chair of the Russian and Classical Philology, Saratov State Medical University. E-mail: rusclasphil@mail.ru

Ivancha Aleksandra Valeryevna – Graduate Student, Chair of Theory and History of Language and Applied Linguistics, Saratov State University/ E-mail: agj@inbox.ru

Kalinin Arkady Fedorovich – Docent, Chair of Philology, Uryupinsk Branch of Volgograd State University. E-mail: ufvolosu@mail.ru

Kharlamova Tatyana Valeryevna – Head of the Chair of the English Philology, Saratov State University. E-mail: kharlamovatv@yandex.ru

Kholikov Aleksey Alexandrovich – Teacher, Chair of the Theory of Literature, Moscow State University. E-mail: alex-ey_kholikov@mail.ru

Kozonkova Olga Valentinovna – Docent, Chair of Foreign Literature and Journalism, Saratov State University. E-mail: kozonkova@rambler.ru

Maklakova Elena Albertovna – Docent, Chair of Foreign Languages, Voronezh State Forestry Academy. E-mail: elena.maklakova5@mail.ru

Medvedchikova Kseniya Sergeevna – Graduate Student, Chair of the Theory and History of Language and Applied Linguistics, Saratov State University. E-mail: Kseniaksm@rambler.ru

Nikitina Maria Yuryevna – Graduate Student, Chair of the Theory and

History of Language and Applied Linguistics, Saratov State University. E-mail: masha.05@inbox.ru

Pchelintseva Marina Anatolyevna – Graduate Student, Chair of the Russian Language and Methodology of Teaching, Saratov State University. E-mail: Pchela.76@mail.ru

Pribytok Inna Ivanovna – Professor, Chair of Translation Theory and Cross-Cultural Communication, Saratov State Socio-Economic University. E-mail: ipribytok@mail.ru

Rezepova Aliya Rushanovna – Graduate Student, Chair of Literary Studies and Journalism, Saratov State University. E-mail: aliya.rezepova@gmail.com

Rodionova Tatyana Vyacheslavovna – Senior Lecturer, Chair of Foreign Languages, Saratov State Medical University. E-mail: rodionovatv2011@mail.ru

Sagalayeva Marina Vladimirovna – Graduate Student, Chair of Literary Studies and Journalism, Saratov State University. E-mail: marinasagalaeva@mail.ru

Sorokina Tatyana Alexandrovna – Graduate Student, Chair of the Russian Language and Methodology of Teaching, Saratov State University. E-mail: s.t.a.2007@inbox.ru

Shapovalova Tatyana Alexandrovna – Graduate Student, Chair of the English Philology, Saratov State University. Email: shaptatyana@yandex.ru

Trukhachov Evgeny Valeryevich – Graduate Student, Chair of the History of Russian Literature and Folklore, Saratov State University. E-mail: truehard@yandex.ru

Tyutelova Larisa Gennadyevna – Doctorate Student, Chair of the Russian and Foreign Literature, Samara State University. E-mail: largenn@mail.ru

Zyubina Elizaveta Alexandrovna – Teacher, Chair of General Humanities, Marx Branch of Saratov State Socio-Economic University. E-mail: dudkovali-za@rambler.ru

Подписка

Подписка на II полугодие 2012 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36011,
раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 4 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам

непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: XXvek@info.sgu.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.

